Z 51/29
I вып 3 1905

Z SI 29

Изданіе
Великаго Князя
Николая Михаиловича

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ

XVIII и XIX столѣтій

Édition du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch

PORTRAITS RUSSES

des XVIIIe et XIXe siècles

I томъ
3 выпускъ

TOME I
FASCICULE 3

1905

С. ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

St. PÉTERSBOURG.
MANUFACTURE DES
PAPIERS DE L'ETAT

2007088115

Z 51/29

XXV-4350

Всероссійская Публичная Библіотека

25 портретовъ + 10

Свѣтлѣйшая княгиня ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА ИТАЛІЙСКАЯ, графиня СУВОРОВА-РЫМНИКСКАЯ, 1785—1855, дочь оберъ-камергера Александра Львовича Нарышкина, женатаго на Маріи Алексѣевнѣ Сенявиной, по матери приходилась внучкой извѣстному адмиралу. Родители ея были близкими людьми при Дворѣ и пользовались одинаково расположеніемъ Императоровъ Павла и Александра I.

Будучи уже фрейлиной, 15-и лѣтъ, Елена Александровна Нарышкина 13 Іюля 1800 г. вышла замужъ за князя Аркадія Александровича Суворова (1780—1811). Бракъ этотъ былъ, однако, непродолжителенъ, и едва ли она нашла въ немъ счастіе. Одаренный отъ природы большими способностями и лучшими качествами ума и сердца, сынъ великаго Суворова, подобно отцу, имѣлъ много странностей и не былъ созданъ для семейной и домашней жизни.

Всего 26-и лѣтъ отъ роду княгиня Суворова осталась вдовою съ четырьмя малолѣтними дѣтьми. Послѣ смерти мужа, она скоро уѣхала за границу, гдѣ и провела довольно продолжительное время, лишь изрѣдка и не надолго возвращаясь въ Россію, такъ какъ слабое здоровье ея требовало пребыванія въ тепломъ климатѣ. 1814-й годъ засталъ княгиню Елену Александровну въ Вѣнѣ, гдѣ отецъ ея, А. Л. Нарышкинъ, состоялъ при Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ во время Вѣнскаго конгресса. На блестящихъ балахъ и празднествахъ, которыми сопровождался этотъ небывалый съѣздъ императоровъ, королей и принцевъ всей Европы, княгиня Суворова, благодаря своей красотѣ и любезности, привлекала общее вниманіе и занимала видное мѣсто между красавицами вѣнскаго двора и высшей европейской аристократіи. Какъ въ европейскихъ столицахъ, такъ и на водахъ въ Германіи, гдѣ она проводила лѣтніе мѣсяцы, княгиня Суворова вела свѣтскую жизнь и имѣла много друзей и поклонниковъ. Она обладала хорошими музыкальными способностями и пріятнымъ голосомъ; Жуковскій наслаждался ея пѣніемъ, а Россини написалъ въ честь ея кантату на извѣстный мотивъ: „Ахъ, зачѣмъ было огородъ городить“, повторенную имъ затѣмъ въ финалѣ второго дѣйствія оперы „Севильскій цирюльникъ“.

Проведя лѣто 1823 г. въ Баденѣ, княгиня Суворова вскорѣ затѣмъ вступила во второй бракъ съ княземъ Василіемъ Сергѣевичемъ Голицынымъ (1793—1856), дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и камергеромъ, и остальную часть своей жизни провела на югѣ Россіи, въ Одессѣ и Симферополѣ и въ крымскомъ имѣніи мужа „Василь-Сарай“, наслаждаясь тихимъ домашнимъ счастьемъ. Скончалась она 3 Декабря 1855 г. въ Одессѣ, гдѣ и похоронена. До самыхъ послѣднихъ дней жизни, почти потерявъ зрѣніе, княгиня Голицына сохранила свѣжесть ума и чарующую привѣтливость, которыя дѣлали ее пріятной и интересной собесѣдницей. Она была другомъ Жуковскаго и состояла въ постоянной перепискѣ съ слѣпцомъ-поэтомъ И. И. Козловымъ; ей же, какъ говорятъ, Пушкинъ посвятилъ стихотвореніе:

„Давно о ней воспоминанье
„Ношу въ сердечной глубинѣ....“.

Отъ второго брака княгини Елены Александровны дѣтей не было; отъ перваго же мужа она имѣла двухъ сыновей, Александра и Константина, и двухъ дочерей: Марію—за княземъ Михаиломъ Михаиловичемъ Голицынымъ, а впослѣдствіи за Михаиломъ Михаиловичемъ Остолоповымъ, и Варвару—въ первомъ бракѣ за Дмитріемъ Евлампіевичемъ Башмаковымъ и во второмъ—за генераломъ-отъ-инфантеріи княземъ Андреемъ Ивановичемъ Горчаковымъ.

(Съ портрета Боровиковскаго; Третьяковская галлерея, въ Москвѣ.)

La princesse Sérénissime **HÉLÈNE ALEXANDROWNA ITALIÏSKY**, comtesse **SOUVOROFF-RYMNIKSKY**, 1785—1855, était la fille du grand chambellan Alexandre Lvowitch Narychkine. Son père, marié à Mlle Marie Séniavine, fille du célèbre amiral, occupait une haute position à la Cour, et jouit, ainsi que sa femme, de la faveur des Empereurs Paul et Alexandre Ier.

Agée de 15 ans et déjà demoiselle d'honneur, Hélène Narychkine épousa, le 13 juillet 1800, le prince Arcade Alexandrowitch Souvoroff (1780—1811). Mais cette union ne fut ni longue, ni heureuse. Doué par la nature d'aptitudes supérieures et des plus belles qualités de l'esprit et du cœur, le fils du grand Souvoroff, comme son père, avait de grandes bizarreries et n'était pas fait pour la vie de famille.

Restée veuve à 26 ans avec quatre enfants en bas âge, la princesse Souvoroff, dont la santé délicate exigeait un séjour prolongé dans un climat tempéré, se fixa à l'étranger, ne revenant en Russie qu'à de rares intervalles et pour de brefs séjours. En 1814, elle vint à Vienne, où son père était attaché à la personne de l'Impératrice Elisabeth Alexéewna pendant le Congrès. Elle y parut aux fêtes brillantes qui furent données en l'honneur de cette assemblée sans précédent d'empereurs, de rois et de princes de l'Europe entière: sa beauté et sa grâce attirèrent sur elle l'attention générale et lui valurent une place marquante au milieu des jolies femmes de la cour de Vienne et de l'aristocratie européenne. Aussi bien dans les capitales de l'Europe qu'aux eaux d'Allemagne, où elle allait passer l'été, la princesse Souvoroff menait une vie mondaine et avait de nombreux amis et adorateurs. Elle possédait un bon talent de musicienne et une voix agréable, fort appréciée par Joukowsky; Rossini écrivit pour elle une cantate sur un motif russe très connu, qu'il fit entrer plus tard dans le finale du second acte du Barbier de Séville.

A la suite d'un séjour à Bade pendant l'été de 1823, la princesse Souvoroff ne tarda pas à épouser en secondes noces le prince Basile Serguéewitch Golitzyne (1793—1856), chambellan et conseiller d'état actuel, et passa le reste de sa vie dans le sud de la Russie, à Odessa, à Simféropol et dans le domaine de son mari, „Vassil-Saraï", sur les côtes de la Crimée, dans le calme du bonheur conjugal. Elle mourut, le 3 décembre 1855, à Odessa, où elle fut inhumée. Jusqu'à ses derniers jours, et presque privée de la vue, elle conserva la fraîcheur d'esprit et la captivante affabilité qui lui donnaient une conversation si agréable et si intéressante. Amie de Joukowsky, elle fut en correspondance suivie avec Kozloff, le poète aveugle; c'est à elle, dit-on, que Pouchkine consacra la pièce de vers:

„Depuis longtemps, son souvenir,
„Je le porte au fond de mon cœur...".

La princesse Golitzyne n'eut pas d'enfants de son second mariage. De son union avec Souvoroff, elle avait eu deux fils, Alexandre et Constantin, et deux filles, Marie, mariée d'abord au prince Michel Golitzyne et ensuite à Michel Ostolopoff, et Barbe, qui épousa en premières noces Dmitri Bachmakoff et en secondes noces le général d'infanterie prince André Gortchakoff.

(D'après l'original de Borovikowsky, galerie Trétiakoff, à Moscou.)

51

Пис. Боровиковскій, 1799

Peint par Borovikowsky, 1799

Княгиня Елена Александровна Суворова, 1785—1855

La Princesse Hélène Alexandrowna Souvoroff, 1785—1855

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Княгиня ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА ДАШКОВА, 1743—1810, дочь гр. Романа Иларіоновича Воронцова отъ брака съ Марѳой Ивановной Сурминой, родилась 17 Марта 1743 г. и была крестницей Императрицы Елизаветы и Великаго Князя Петра Федоровича. Двухъ лѣтъ она лишилась матери и была взята на воспитаніе гр. М. И. Воронцовымъ. „Модное и внѣшнее“ воспитаніе въ домѣ дяди, вмѣстѣ съ его единственной дочерью, ограничивалось изученіемъ иностранныхъ языковъ и танцами. Но Е. Р., одаренная отъ природы умомъ и рѣдкими способностями, безмѣрно тщеславная и честолюбивая, сумѣла пополнить недостатки образованія серіознымъ чтеніемъ, и въ 15 лѣтъ за ней уже утвердилась льстившая ей репутація ученой. Умѣя очаровывать блестящимъ остроуміемъ и особенной привѣтливостью, гр. Воронцова была очень не красива: маленькаго роста, съ быстрыми движеніями безъ всякой граціи, съ приплюснутымъ носомъ, толстыми щеками и испорченными зубами, она къ тому же всегда казалась много старше своихъ лѣтъ. Благодаря особенной экзальтированности, она была пристрастна въ своихъ сужденіяхъ и способна къ увлеченіямъ въ дружбѣ и враждѣ, а „не чуждые ея природѣ“, по ея собственному сознанію, „бурные инстинкты“ дѣлали ее невыносимымъ деспотомъ: она во всемъ хотѣла быть первой, и самая необузданная ревность тяжелымъ гнетомъ ложилась на ея близкихъ и друзей. Осенью 1758 г. Ворощова впервые встрѣтилась съ Екатериной, была ею очарована и привязалась къ ней, а въ Февралѣ 1759 г. вышла замужъ за князя М. И. Дашкова, уѣхала въ Москву и 2 года не видалась съ Великой Княгиней. Возвратясь въ Петербургъ, незадолго до кончины Елизаветы Петровны, Дашкова старалась узнать планы Екатерины, но послѣдняя „боялась ея 19 лѣтъ и ея родства“; однако, Великая Княгиня продолжала ее ласкать—ей нужна была и ея преданность, и ея родство... Дашкова интриговала въ пользу Екатерины и суетилась, заслоняя собой настоящихъ дѣятелей переворота, а когда переворотъ благополучно совершился, серіозно вѣрила, что Императрица ей обязана престоломъ, и потому ждала себѣ исключительной благодарности. Получивъ Екатерининскую ленту и 24 т. рублей и не заявъ перваго мѣста около Екатерины, Дашкова, оскорбленная, удалилась отъ двора, навлекая на себя неудовольствіе Императрицы „нескромной свободой языка“. Не помогло и пожалованіе въ статсъ-дамы: злопамятная княгиня никогда не могла примириться съ Орловыми, занимавшими первыя мѣста. 17 Августа 1764 г. Дашкова лишилась мужа и вскорѣ уѣхала надолго за границу, съ цѣлью воспитанія дѣтей (сынъ Павелъ и дочь Анастасія). Тамъ она скорѣе могла найти удовлетвореніе своему тщеславію: Дидро и Вольтеръ льстили ей, принимая ее, какъ друга Императрицы и виновницу переворота; ученые восхваляли ея любовь къ просвѣщенію; самъ Фридрихъ Великій удостоилъ ее бесѣдой, хотя и говорилъ Сегюру, что въ событіяхъ 1762 г. она была „la mouche vaniteuse du coche“. За границей Дашкова сдѣлалась членомъ многихъ ученыхъ обществъ и академій; за ней утвердилась слава просвѣщеннѣйшей женщины своего времени, друга философовъ, и едва она вернулась въ Россію, какъ Екатерина, чувствительная къ тому, что говорилось на Западѣ, въ Ноябрѣ 1782 г. сдѣлала Дашкову директоромъ Академіи наукъ и художествъ. Дашкова расширила дѣятельность Академіи, и ей принадлежитъ честь учрежденія при ней особой „Россійской академіи“ для изученія „россійскаго слова“. Вступленіе на престолъ Императора Павла повлекло за собой отрѣшеніе Дашковой отъ всѣхъ должностей и ссылку въ деревню, откуда она возвратилась только съ воцареніемъ Александра Павловича. При дворѣ она поражала своей эксцентричностью, старинными костюмами и манерами, и здѣсь сумѣла своей извѣстной скаредностью, склонностью къ тяжбамъ и кляузамъ, благодаря „сумасшедшему“, по отзыву Державина, „праву“, заслужить всеобщее нерасположеніе. Но кн. Дашкова теперь уже не имѣла никакого значенія—это былъ обломокъ временъ, давно минувшихъ. Она умерла 4 Января 1810 г. и похоронена въ церкви села Троицкаго, Тарусскаго уѣзда.

Княгиня Дашкова оставила „Записки“ о своей жизни, составленныя 40 лѣтъ спустя послѣ 1762 г., едва ли не со спеціальной цѣлью изобразить свою роль въ переворотѣ 28 Іюня и выставить себя жертвой черной людской неблагодарности. Во всякомъ случаѣ Дашкова была очень крупной личностью XVIII вѣка, и современники неравнодушно относились къ ней: одни превозносили ее до идеальной высоты, другіе также глубоко ее низвергали.

(Съ миніатюры (типъ Левицкаго) изъ собранія князя Н. Н. Оболенскаго, Москва.)

La princesse CATHERINE ROMANOWNA DACHKOFF, 1743—1810, fille du comte Romain Ilarionowitch Worontzoff et de Marthe Ivanowna, née Sourmine, naquit le 17 mars 1743 et eut pour parrain et marraine l'Impératrice Elisabeth et le Grand-Duc Pierre Féodorowitch. Elle perdit sa mère à l'âge de 2 ans et ce fut le comte M. Worontzoff qui la recueillit et se chargea de son éducation. Cette éducation „à la mode et toute de forme", chez son oncle et avec sa fille unique, consista surtout dans l'étude des langues étrangères et la danse. Mais la jeune Catherine, douée naturellement d'un grand esprit et de rares aptitudes, d'une vanité et d'une ambition sans bornes, sut combler par des lectures sérieuses les lacunes de son instruction, et, à l'âge de 15 ans, elle s'était déjà fait une réputation de savante, à laquelle elle était fort sensible. Charmante par le piquant et le brillant de son esprit, ainsi que par une affabilité particulière, la comtesse Worontzoff était loin d'être belle: petite de taille, vive, mais sans la moindre grâce dans ses mouvements, avec son nez épaté, ses grosses joues et ses vilaines dents, elle eut en outre le désavantage de paraître toujours beaucoup plus que son âge. Elle était sujette à une exaltation particulière, qui la rendait partiale dans ses jugements et l'exposait à des entraînements dans ses attachements et ses inimitiés; „les tumultueux instincts dont", c'est son propre aveu, „sa nature n'était pas exempte" faisaient d'elle un despote insupportable: elle tenait à être la première en tout, accablant ses proches et ses amis sous le poids écrasant de la jalousie la plus effrénée. C'est à l'automne de 1758 qu'elle se rencontra pour la première fois avec Catherine, dont elle fut enthousiasmée et à laquelle elle s'attacha; mais en 1759, elle épousa le prince M. Dachkoff, partit pour Moscou, et resta 2 ans sans voir la Grande-Duchesse. De retour à Pétersbourg, peu de temps avant la mort d'Elisabeth Pétrowna, la princesse Dachkoff s'efforça de connaître les plans de Catherine, mais celle-ci „avait peur de ses 19 ans et de ses liens de parenté"; cependant elle continua à lui témoigner son amabilité: elle avait besoin et de son dévouement et de ses liens de parenté... Mme Dachkoff intrigua en faveur de Catherine, faisant l'affairée et se substituant, par l'importance qu'elle se donnait, aux véritables acteurs de la Révolution, lors de la réussite de laquelle elle crut sérieusement que l'Impératrice lui devait son trône, et pensa avoir droit à sa gratitude exclusive. Elle reçut le cordon de Ste-Catherine et 24.000 roubles, mais sans obtenir le premier rang près de l'Impératrice: froissée, elle s'éloigna de la Cour, et encourut le mécontentement de Catherine grâce à son „intempérance de langage". La dignité même de dame d'honneur qui lui fut conférée n'y fit rien: la rancunière princesse ne put jamais se réconcilier avec les Orloff, auxquels était échu le premier rang. Le 17 août 1764, elle perdit son mari, et se fixa pour longtemps à l'étranger, pour l'éducation de ses enfants, son fils Paul et sa fille Anastasie. Là, elle réussit mieux à satisfaire sa vanité: Diderot et Voltaire la flattèrent en l'accueillant comme amie de Catherine et auteur de la Révolution; les savants vantèrent son amour pour l'instruction; Frédéric-le-Grand lui-même l'honora de sa conversation, tout en disant à Ségur que, dans les événements de 1762, elle n'avait été que „la mouche vaniteuse du coche". A l'étranger, elle devint membre de plusieurs sociétés savantes et académies; elle se fit la réputation de la femme la plus éclairée de son temps, de l'amie des philosophes, et à peine fut-elle de retour en Russie, que Catherine, sensible à tout ce qui se disait en Occident, la fit, en novembre 1782, directeur de l'Académie des Sciences et des Beaux-Arts. Mme Dachkoff élargit le cadre de l'Académie: c'est à elle qu'on doit la fondation d'une „Académie Russe" spéciale pour l'étude des „Lettres russes". A l'avènement de l'Empereur Paul, elle se vit destituer de toutes ses fonctions et reléguer en province, d'où elle ne sortit qu'à l'avènement d'Alexandre Pavlowitch. A la Cour, elle excitait l'étonnement général par son excentricité, ses costumes et ses manières de l'ancien temps: sa lésinerie bien connue et le goût pour les procès et les chicanes qu'elle devait à „son caractère insensé", comme dit Derjavine, lui attirèrent l'inimitié générale. Mais dès lors la princesse Dachkoff était finie: ce n'était plus que le vestige d'un temps depuis longtemps passé. Elle mourut le 4 janvier 1810 et fut inhumée à l'église du village de Troïtzky, gouv. de Moscou.

Elle laissa sur sa vie des „Mémoires", qu'elle rédigea 40 ans après les événements de 1762, presque uniquement pour décrire son rôle dans la Révolution du 28 juin et se donner pour victime de la noire ingratitude des hommes. Quoi qu'il en soit, Mme Dachkoff fut une personnalité considérable du XVIIIe siècle, et c'était bien l'opinion des contemporains, dont les uns la portaient jusqu'aux nues, tandis que les autres la ravalaient tout autant à l'extrême.

(D'après une miniature (genre Lévitzky) de la collection du prince N. Obolensky, à Moscou.)

АДРІАНЪ МОИСЕЕВИЧЪ ГРИБОВСКІЙ, 1767—1834, статсъ-секретарь Екатерины II, сынъ казачьяго есаула, родился въ г. Лубнахъ 26 Августа 1767 г., и по матери происходилъ изъ старшинаго малороссійскаго дворянскаго рода Сулимъ. Окончивъ образованіе въ Московскомъ университетѣ, Грибовскій занялся переводами, и его литературные труды сдѣлались извѣстны Державину. Поэтъ взялъ молодого писателя на службу въ Петрозаводскъ, гдѣ былъ тогда губернаторомъ. Ловкій Грибовскій скоро заслужилъ полное довѣріе своего начальника, которое жестоко обмануль, проигравъ казенныя деньги. Державинъ замялъ дѣло, но Грибовскій долженъ былъ искать другой службы и поступилъ въ Военно-походную канцелярію Потемкина во время 2-й Турецкой войны. Какъ человѣку, владѣвшему литературнымъ перомъ, ему поручено было составленіе журналовъ военныхъ дѣйствій, а на Ясскомъ конгрессѣ—обязанности конференцъ-секретаря. Неожиданная смерть Потемкина и близость къ нему не только не погубили Грибовскаго, но помогли ему попасть на службу къ бывшему сопернику и врагу князя Тавриды—П. А. Зубову, расположеніе котораго искательный Грибовскій быстро сумѣлъ заслужить: 18 Января 1792 г., переименованный изъ надворныхъ совѣтниковъ въ подполковники Изюмскаго легко-коннаго полка, онъ назначенъ правителемъ канцеляріи Зубова и скоро сдѣлался необходимымъ человѣкомъ, правой рукой всемогущаго, но ничтожнаго и бездарнаго фаворита. Сама Императрица узнала и оцѣнила способности и усердіе Грибовскаго и 11 Августа 1795 г. сдѣлала его своимъ статсъ-секретаремъ у пріятія прошеній. Большія средства, которыя имѣлъ теперь Грибовскій, позволяли ему жить широко, и въ Петербургѣ удивлялись его роскоши и мотовству. Веселый и общительный, Грибовскій любилъ музыку, имѣлъ свой оркестръ и самъ игралъ на скрипкѣ Страдиваріуса. Со смертью Екатерины II начались злоключенія Грибовскаго: 14 Января 1797 г., отрѣшенный отъ всѣхъ должностей, онъ былъ высланъ изъ Петербурга, а въ Маѣ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, вслѣдствіе начетовъ за пропавшія изъ Таврическаго дворца картины и незаконныя переселенія казенныхъ крестьянъ. Уплативъ взысканія, Грибовскій освободился въ началѣ 1799 г., но на слѣдующій—былъ отправленъ въ Шлиссельбургъ, обвиненный въ продажѣ казенныхъ земель въ Новороссіи. Въ Февралѣ 1801 г. Грибовскій былъ выпущенъ изъ крѣпости и поселился въ своемъ имѣніи Подольской губерніи, Вишневчикѣ, откуда скоро переѣхалъ на житье въ Москву. Здѣсь, прежней роскошной жизнью, Грибовскій разстроилъ свое состояніе и въ 1814 г. поселился въ уцѣлѣвшемъ у него имѣніи селѣ Щуровѣ, на Окѣ, противъ Коломны. Попытка поправить дѣла откупами окончилась неудачей, и въ 1817 г. Грибовскій объявилъ себя несостоятельнымъ. Почти до конца жизни онъ хлопоталъ по присутственнымъ мѣстамъ, чтобы оправдаться отъ обвиненія въ злостномъ банкротствѣ; процессъ окончился въ его пользу, но поглотилъ остатки его состоянія. Грибовскій былъ женатъ на Наталіи Акимовнѣ Чистяковой и имѣлъ сына и дочь (за Губерти). Онъ умеръ 28 Января 1834 г. и погребенъ въ Коломенскомъ Голутвинѣ монастырѣ.

Грибовскій не оставилъ по себѣ доброй памяти у современниковъ: будучи всего 19-и лѣтъ, онъ растратилъ деньги; спасенный Державинымъ, онъ отплатилъ ему неблагодарностью; всѣмъ обязанный Зубову, онъ при Павлѣ сдѣлалъ попытку повредить ему изъ своекорыстныхъ соображеній. Въ послѣдніе годы жизни онъ составилъ „Записки“ и имъ обязанъ тѣмъ, что не забыть. Грибовскій отличался умомъ и наблюдательностью, но умъ его былъ неглубокій, а наблюдательность поверхностная, онъ много видѣлъ, но плохо усваивалъ смыслъ крупныхъ событій, поэтому и значеніе его Записокъ, изобилующихъ мелочными и внѣшними подробностями, не соотвѣтствуетъ его исключительному положенію около Зубова, человѣка, занимавшаго въ теченіе 7 послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины II первое мѣсто въ государствѣ.

(Съ миніатюры работы Фюгера 1829 г.; принадлежитъ П. П. Губерти, Москва.)

ADRIEN MOÏSÉEWITCH GRIBOWSKY, 1767—1834, secrétaire d'Etat de Catherine II, fils d'un officier cosaque, naquit à Loubny le 26 août 1767; il descendait par sa mère d'une vieille famille noble de Petite-Russie, les Soulim. Sorti de l'université de Moscou, Gribowsky fit des traductions, et ses travaux littéraires parvinrent à la connaissance de Derjavine, qui le fit entrer au service à Pétrozavodsk, dont il était gouverneur. Gribowsky eut l'habileté de capter rapidement l'entière confiance de son chef, pour la tromper ensuite outrageusement en dissipant au jeu des sommes appartenant à l'Etat. Derjavine étouffa l'affaire, mais Gribowsky dut chercher un autre emploi, et entra à la Chancellerie de campagne de Potemkine lors de la 2e guerre de Turquie. Sachant manier la plume, il se vit confier la rédaction du journal des opérations militaires, puis, au congrès de Yassy, les fonctions de secrétaire du congrès. La mort inattendue de Potemkine et les relations étroites de Gribowsky avec lui, non seulement n'entraînèrent pas sa perte, mais encore le firent entrer au service de l'ancien rival et ennemi du prince de Tauride, P. Zouboff, dont l'insinuant Gribowsky sut rapidement se concilier la faveur: le 18 janvier 1792, de conseiller de cour il fut fait colonel-lieutenant du régiment de cavalerie légère d'Izioum, nommé directeur de la chancellerie de Zouboff, et ne tarda pas à arriver à se rendre indispensable et à devenir le bras droit du favori tout-puissant, mais vil et nul. L'Impératrice elle-même eut connaissance des capacités et du zèle de Gribowsky et les apprécia: le 11 août 1795, elle le fit secrétaire d'Etat à son bureau des suppliques. Les ressources considérables dont se trouva disposer alors Gribowsky lui permirent de vivre largement: tout Pétersbourg s'étonnait de son luxe et de sa prodigalité. Gai et communicatif, il aimait la musique, ayant un orchestre à lui et jouant lui-même du stradivarius. Avec la mort de Catherine II, s'ouvrit pour lui une ère de disgrâce: il fut, le 14 janvier 1797, destitué de toutes ses fonctions et exilé de Pétersbourg, et, en mai, interné à la forteresse Pierre-et-Paul: il avait à verser une indemnité pour des tableaux disparus au palais de Tauride, et pour des migrations illégales de paysans appartenant à l'Etat. Il s'exécuta, fut libéré au début de 1799, mais envoyé l'année suivante à Schlusselbourg sous l'inculpation d'avoir trafiqué de terrains appartenant à l'Etat en Nouvelle-Russie. En février 1801, il sortit de prison et se fixa à Vichnevtchina, sa propriété du gouvernement de Podolsk, d'où il ne tarda pas à aller s'installer à Moscou. Il y reprit sa vie fastueuse de jadis, compromit ainsi sa fortune, et, en 1814, se retira dans ses propriétés, sauvées du désastre, du village de Chtchourowo, sur l'Oka, vis-à-vis Kolomna. Il tenta des affermages pour se remettre à flot, mais sans succès, et, en 1817, déposa son bilan. Presque jusqu'à la fin de sa vie, il fit toutes les démarches possibles pour se justifier de l'accusation de banqueroute frauduleuse; il gagna son procès, mais y laissa le reste de sa fortune. Gribowsky avait épousé Natalie Akimowna Tchistiakoff, et eut un fils et une fille, mariée plus tard à Gouberti. Il mourut le 28 janvier 1834 et fut inhumé au monastère de Goloutvino à Kolomna.

Les contemporains ne conservèrent pas de Gribowsky un bon souvenir: pour Derjavine, qui l'avait tiré d'affaire lors des malversations qu'il commit à l'âge de 19 ans seulement, il n'eut que de l'ingratitude; à Zouboff, auquel il devait tout, il tenta de faire du tort sous le règne de Paul, pour des raisons d'intérêt. Dans les dernières années de sa vie, il composa ses Mémoires, qui le sauvèrent de l'oubli. Il ne manquait ni d'esprit ni d'un certain talent d'observateur, mais son esprit était peu profond et son observation superficielle; il avait beaucoup vu, mais saisissait mal le sens des événements marquants: ceci diminue considérablement l'importance de ses Mémoires, qui fourmillent de menus détails vides de fond: et pourtant il avait eu une position exceptionnelle près de Zouboff, qui avait occupé, pendant les sept dernières années du règne de Catherine II le premier rang dans l'Etat.

(D'après une miniature de Füger (1829), propriété de N. Gouberti, à Moscou.)

АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ, 1754—1834, сынъ небогатаго Сергачскаго помѣщика поручика Петра Леонтьевича, извѣстенъ только тѣмъ, что въ теченіе 16 мѣсяцевъ былъ близокъ къ Императрицѣ Екатеринѣ II, пользуясь ея особымъ расположеніемъ. Путешествуя по Волгѣ въ 1767 г., Екатерина провела день въ усадьбѣ Ермолова, въ с. Черновскомъ, и здѣсь увидѣла его 13-лѣтняго сына. Поцѣловавъ его, Императрица поздравила мальчика капраломъ Конной гвардіи и взяла его съ собой въ Петербургъ, а Потемкинъ позднѣе сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ и, почти 20 лѣтъ спустя послѣ первой встрѣчи, выдвинулъ его на постъ оффиціальнаго фаворита. Высокій и стройный блондинъ, съ хорошимъ цвѣтомъ лица, Ермоловъ обращалъ на себя вниманіе своей красивой наружностью, и только широкій, плоскій носъ, за который Потемкинъ прозвалъ его „le nègre blanc“, портилъ его лицо. Въ половинѣ 1784 г. Императрицу постигло тяжелое горе: она лишилась сильно любимаго ею Ланского, котораго поэтому ей трудно было замѣнить. Среди обычныхъ интригъ, Потемкинъ выставилъ Ермолова, и въ Февралѣ 1785 г. онъ переѣхалъ во дворецъ; пожалованъ въ флигель-адъютанты, генералъ-маіоры и дѣйствительные камергеры. Не лишенный ума, Ермоловъ былъ угрюмъ и неразговорчивъ. Чрезвычайно добрый, честный и простой, онъ отличался особенной откровенностью и прямотой, но не имѣлъ достаточно гибкости, качества, столь необходимаго фавориту среди придворныхъ интригъ. Въ искреннемъ желаніи дѣлать добро и противодѣйствовать своимъ вліяніемъ злу, онъ охотно оказывалъ защиту всѣмъ просившимъ объ этомъ, покровительствовалъ Державину, заслуживалъ похвалы отъ многихъ, но нажилъ себѣ еще больше сильныхъ враговъ. Самъ Потемкинъ, разочаровавшись въ Ермоловѣ, успѣшно устроилъ его быстрое паденіе. Императрица охотно избавилась отъ скучнаго фаворита, предложивъ ему 29 Іюня 1786 г. отправиться за границу въ путешествіе. Не обладая жадностью другихъ любимцевъ, Ермоловъ получилъ сравнительно немного: 4/т. душъ и около 400/т. деньгами; онъ не заботился также и объ обогащеніи всей своей родни, какъ это дѣлали другіе. Вернувшись въ Россію, Ермоловъ поселился въ Москвѣ, въ своемъ домѣ на Тверской (теперь домъ губернатора), и здѣсь вскорѣ женился на княжнѣ Елизаветѣ Михайловнѣ Голицыной, отъ которой имѣлъ 3 сыновей. Въ 1800 г. Ермоловъ навсегда уѣхалъ за границу: зимой жилъ въ Вѣнѣ, лѣтомъ въ замкѣ Фросдорфъ, въ Штиріи (проданъ его сыновьями графу Шамбору). Сыновья жили съ отцомъ и воспитывались въ Австріи подъ руководствомъ католическихъ аббатовъ. Ермоловъ умеръ въ Вѣнѣ 24 Марта 1834 года.

(Съ миніатюры, принадлежащей Е. И. Ермоловой, Москва.)

54

ALEXANDRE PÉTROWITCH YERMOLOFF, 1754—1834, fils d'un petit propriétaire de Sergatch, le lieutenant Pierre Léontiewitch, est surtout connu pour avoir passé seize mois dans l'entourage de l'Impératrice Catherine II, près de laquelle il jouissait d'une bienveillance particulière. Dans son voyage sur le Volga, en 1767, Catherine avait passé une journée dans la propriété d'Yermoloff, au bourg de Tchernowsk; elle y remarqua son fils, âgé de 13 ans, l'embrassa, le fit caporal de la garde à cheval, et l'emmena avec elle à Pétersbourg. Dans la suite, Potemkine le prit comme adjudant, et, vingt ans environ après l'avoir vu pour la première fois, l'éleva au poste de favori officiel. Grand et bien fait, blond avec un joli teint, Yermoloff frappait l'attention par sa beauté: malheureusement, un nez large et aplati, qui l'avait fait surnommer par Potemkine „le nègre blanc", lui gâtait le visage. Au milieu de 1784, l'Impératrice fut frappée d'un grand chagrin: elle perdit son favori Lansky, auquel elle tenait très fort et qu'il lui fut, par suite, difficile de remplacer. Au milieu des intrigues habituelles, Potemkine poussa Yermoloff, qui, en février 1785, fit son entrée au Palais comme aide de camp de Sa Majesté, général-major et chambellan actuel. Doué d'un certain esprit, Yermoloff était morose et peu communicatif. Extrêmement bon, honnête et simple, il se distinguait par un caractère particulièrement ouvert et droit, mais sans avoir assez de souplesse, ce talent si indispensable à un favori, au milieu des intrigues de la Cour. Avec son désir sincère de faire du bien et d'opposer son influence au mal, il était toujours prêt à aider quiconque s'adressait à lui, protégea Derjavine, se fit un grand nombre d'enthousiastes, mais se créa encore plus d'ennemis acharnés. Potemkine lui-même se désenchanta d'Yermoloff et réussit à lui attirer une disgrâce rapide. L'Impératrice ne demanda pas mieux que de se débarrasser du favori qui avait cessé de plaire, et l'envoya, le 29 juin 1786, faire un voyage à l'étranger. Exempt de l'avidité ordinaire des courtisans, Yermoloff reçut relativement peu: 4000 têtes de paysans et environ 400.000 roubles; il ne songea pas non plus à faire enrichir les siens, comme faisaient les autres. De retour en Russie, il se fixa à Moscou, dans sa maison de la Tverskaïa (aujourd'hui la maison du Gouverneur); il y épousa, peu après, la princesse Elisabeth Mikhaïlowna Golitzine, dont il eut trois fils. En 1800, Yermoloff partit définitivement pour l'étranger: il passait l'hiver à Vienne, l'été au château de Froschdorf, en Styrie (vendu par ses fils au comte de Chambord). Il avait ses fils avec lui, et les fit élever en Autriche sous la direction d'abbés catholiques. Yermoloff mourut à Vienne, le 24 mars 1834.

(D'après une miniature appartenant à Mme E. P. Yermoloff, à Moscou.)

55

ЕЛИЗАВЕТА МИХАЙЛОВНА ЕРМОЛОВА, 1767—1833, рожденная княжна Голицына, сестра извѣстнаго въ Москвѣ „послѣдняго вельможи“, д. тайн. сов. I кл. князя Сергія Михайловича Голицына, родилась 2 Сентября 1767 г. и около 1790 г. вышла замужъ за бывшаго фаворита Императрицы Екатерины II Александра Петровича Ермолова, которому принесла большое приданое. Послѣ переселенія мужа (около 1800 г.) навсегда за границу, Ермолова осталась въ Москвѣ и здѣсь долго жила въ своемъ большомъ домѣ на Пречистенкѣ (теперь пожарное депо). У нея воспитывался и съ ней жилъ одинъ только средній сынъ, Михаилъ, который позднѣе, послѣ смерти матери, также уѣхалъ во Францію. Е. М. Ермолова умерла въ Москвѣ 16 Августа 1833 г. и погребена въ Донскомъ монастырѣ.

(Съ миніатюры, принадлежащей князю С. М. Голицыну, с. Кузьминки, Московск. губ.)

55

ÉLISABETH MIKHAÏLOWNA YERMOLOFF, 1767—1833, née princesse Golitzine, sœur du „dernier grand-seigneur“ fameux à Moscou, le conseiller privé actuel de première classe, prince Serge Mikhaïlowitch Golitzine, naquit le 2 septembre 1767, et, vers 1790, épousa l'ancien favori de l'Impératrice Catherine II, Alexandre Pétrowitch Yermoloff, auquel elle apporta une grosse dot. Après le départ définitif de son mari pour l'étranger, vers 1800, elle resta à Moscou, où elle habita longtemps sa maison de la Prétchistenka (aujourd'hui Dépôt des pompiers). Elle élevait chez elle et n'avait avec elle que son fils cadet Michel, qui, plus tard, à la mort de sa mère, partit aussi se fixer pour toujours en France. Madame Yermoloff mourut à Moscou, le 16 août 1833, et fut inhumée au monastère Donskoï.

(D'après une miniature appartenant au prince S. M. Golitzine, à Kouzminki, gouv. de Moscou.)

52

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова,
1743 — 1810

La Princesse Catherine Romanowna Dachkoff,
1743 — 1810

53

Пис. Фюгеръ, 1829 — Peint par Füger, 1829

Адріанъ Моисеевичъ Грибоѣдовъ,
1767 — 1834

Adrien Moïsèewitch Gribowsky,
1767 — 1834

54

Александръ Петровичъ Ермоловъ,
1754 — 1834

Alexandre Pétrowitch Yermoloff,
1754 — 1834

55

Елизавета Михайловна Ермолова,
1767 — 1833

Elisabeth Mikhaïlowna Yermoloff,
1767 — 1833

НАТАЛІЯ АКИМОВНА ГРИБОВСКАЯ, † 1834, дочь секундъ-майора Чистякова и жена статсъ-секретаря Екатерины II А. М. Грибовскаго, отличалась красотой, была хорошей хозяйкой и любящей женой. Въ запискахъ Грибовскаго не разъ упоминается, какъ она заботилась о немъ во время заключенія Грибовскаго, въ царствованіе Павла I, въ Петропавловской крѣпости и въ Шлиссельбургѣ, откуда онъ былъ освобожденъ въ Февралѣ 1801 г. стараніями жены. Наталія Акимовна въ это время почти постоянно жила въ Вишневчикѣ, Подольской губерніи, и въ Щуровѣ, подъ Коломной, и сама вела обширное хозяйство, подъ конецъ совершенно разстроенное и обремененное разными взысканіями и долгами. Умерла 27 Января 1834 г., наканунѣ кончины своего мужа. Похоронена въ Коломенскомъ Голутвинѣ монастырѣ.

(Съ портрета Н. Аргунова 1795 г.; собственность П. П. Губерти, Москва.)

56

NATALIE AKIMOWNA GRIBOWSKY, † 1834, fille du major Tchistiakoff et femme du secrétaire d'état de Catherine II A. M. Gribowsky, était d'une beauté remarquable, bonne maîtresse de maison et épouse aimante. Gribowsky, dans ses mémoires, dit plus d'une fois quelle sollicitude elle lui témoigna lors de son internement à la forteresse Pierre-et-Paul sous le règne de Paul Ier: c'est grâce à l'entremise de sa femme qu'il en sortit, en février 1801. Natalie Akimowna était alors presque constamment dans ses propriétés de Vichnevtchino, gouv. de Podolsk, et Chtchourowo, près de Kolomna: elle en dirigeait elle-même l'immense exploitation, qui finit par être irrémédiablement compromise et grevée de charges et de dettes. Mme Gribowsky mourut le 27 janvier 1834, la veille de la mort de son mari. Elle fut inhumée au monastère de Goloutvino, à Kolomna.

(D'après l'original de N. Argounoff (1795), propriété de N. N. Gouberti, à Moscou.)

57

Княгиня **ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА ДОЛГОРУКАЯ**, 1781—1860, дочь министра финансовъ графа Алексѣя Ивановича Васильева и графини Варвары Сергѣевны, рожденной княжны Урусовой, родилась 27 Октября 1781 г., была замужемъ за генералъ-лейтенантомъ княземъ Сергѣемъ Николаевичемъ Долгорукимъ, отъ котораго имѣла сына и дочь. Жила постоянно въ Москвѣ и съ 1812 года отдѣльно отъ мужа. Умерла 23 Марта 1860 г. и похоронена въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ.

(Съ портрета, писаннаго Боровиковскимъ; собственность А. Л. Львовой, Москва.)

57

La princesse CATHERINE ALEXÉEWNA DOLGOROUKY, 1781—1860, fille du ministre des finances, prince Alexis Ivanowitch Vassilieff, et de la princesse Varvara Serguéewna, née princesse Ouroussoff, naquit le 26 octobre 1781; elle épousa le général-lieutenant prince Serge Nicolaewitch Dolgorouky, dont elle eut un fils et une fille. Elle habitait Moscou constamment, et, à partir de 1812, se sépara de son mari. Elle mourut le 23 mars 1860 et fut inhumée à Moscou, au monastère Donskoï.

(D'après l'original de Borovikowsky, propriété de Mme A. A. Lvoff, à Moscou.)

56

Пис. Н. Аргуновъ. 1791

Natalie Akimowna Gribowsky, † 1834

Peint par N. Argounoff. 1791

Наталья Акимовна Грибовская, † 1834

57

П. . Боровиковскій

Княгиня Екатерина Алексѣевна Долгорукая, 1781 — 1860

Peint par Borovikowsky

La Princesse Catherine Alexéewna Dolgorouky, 1781 — 1860

НАТАЛІЯ КИРИЛЛОВНА ЗАГРЯЖСКАЯ, 1747—1837, дочь гетмана гр. К. Г. Разумовскаго отъ брака съ Екатериной Ивановной Нарышкиной, родилась 5 Сентября 1747 г. и была первымъ ребенкомъ въ семьѣ. Любимая дочь, она была такъ избалована родителями, что даже въ глубокой старости съ сожалѣніемъ приписывала этому баловству свой капризный характеръ. Умная отъ природы, съ рѣдкими способностями, она рано начала думать и писать по-французски, но зато всю жизнь съ трудомъ говорила и читала на родномъ языкѣ; даровитая дѣвушка получила блестящее по тому времени образованіе. Любимая сестра всѣхъ братьевъ, „сирена“, какъ они ее называли, Н. К. имѣла на нихъ исключительное и благотворное вліяніе, зато и заступалась за нихъ предъ родителями, и была всегда повѣренной всѣхъ ихъ тайнъ. Будучи фрейлиной Екатерины II, гр. Разумовская сама нашла себѣ жениха, и 24 Октября 1772 г. вышла замужъ за И. А. Загряжскаго, съ которымъ ей часто вмѣстѣ приходилось дежурить при дворѣ. „Я могла бы быть счастлива“, говорила Н. К. о своемъ бракѣ, „если бы не была съ дѣтства избалована“, и прибавляла, что всякій другой, менѣе хорошій человѣкъ, разошелся бы съ нею тотчасъ же, вслѣдствіе ея несноснаго характера. Благодаря своему уму, она сходилась съ людьми самыхъ противоположныхъ свойствъ: ее любилъ Потемкинъ, она пользовалась довѣріемъ и расположеніемъ Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны и была дружна съ Ростопчинымъ... Не имѣя дѣтей, Загряжская въ собственномъ смыслѣ слова похитила у сестры Васильчиковой дочь ея Марію; это поссорило сестеръ, но Марія Васильевна все-таки выросла въ домѣ Н. К. и ею была выдана замужъ въ 1792 г. за В. П. Кочубея. Загряжская умерла въ глубокой старости 19 Марта 1837 г. и похоронена въ Александро-Невской лаврѣ.

Н. К. Загряжская была некрасива, сутуловата, кривобока, почти горбата, но „могла воспламенять сердца“; она любила до старости общество и бостонъ, со всѣми была любезна, и, несмотря на причуды, ее многіе любили и всѣ глубоко уважали. Ея оригинальныя мысли, колкія слова и умныя рѣчи собирались слушать, ея разсказы о видѣнномъ и пережитомъ съ интересомъ записывалъ Пушкинъ. Она щедро помогала бѣднымъ и покровительствовала всѣмъ, кто догадывался ее объ этомъ попросить, и ей рѣдко отказывали... Пережившая цѣлый рядъ историческихъ эпохъ, Н. К. представляла собой интересный типъ; по словамъ князя Вяземскаго, „не чуждая современности, она, какъ представительница временъ и царствованій, давно прошедшихъ, сохраняла отпечатокъ своей старины“.

(Съ акварельнаго портрета, писаннаго Васильевскимъ въ 1821 г.; собраніе М. А. Васильчиковой, с. Кораллово, Московск. губ.)

NATALIE KYRILLOWNA ZAGRIAJSKY, 1747—1837, fille aînée de l'hetman comte K. G. Razoumowsky et de la comtesse Catherine Ivanowna, née Narychkine, naquit le 5 septembre 1747. Fille préférée de ses parents, elle fut tellement gâtée par eux, que, même dans une vieillesse avancée, elle déplorait cette faiblesse en lui attribuant son caractère capricieux. Intelligente et supérieurement douée, elle commença de bonne heure à penser et à écrire en français, mais, par contre, elle eut toute sa vie de la peine à parler et à lire dans sa langue maternelle; elle reçut une éducation brillante pour l'époque. Adorée de tous ses frères, qui l'avaient surnommée „la sirène", elle eut sur eux une influence exceptionnelle et toute bienfaisante; aussi intercédait-elle pour eux près des parents et lui confiaient-ils tous leurs secrets. Demoiselle d'honneur de Catherine II, elle se trouva elle-même un mari: le 24 octobre 1772, elle épousa Nicolas Alexandrowitch Zagriajsky, qui se trouvait souvent de service avec elle à la Cour. „J'aurais pu être heureuse", disait-elle de son mariage, „si je n'avais pas été si gâtée étant petite", et elle ajoutait qu'un autre mari, qui n'aurait pas été si bon, l'aurait quittée tout de suite à cause de son caractère insupportable. Son esprit lui rendit possible le commerce de gens des natures les plus diverses: elle plut à Potemkine, jouit de la confiance et de la faveur de la Grande-Duchesse Marie Féodorowna et fut liée d'amitié avec Rostoptchine.... N'ayant pas d'enfants, elle avait littéralement enlevé la fille de sa sœur A. K. Vassiltchikoff, Marie; ce fut l'occasion d'une brouille, mais la petite Marie n'en fut pas moins élevée chez Mme Zagriajsky, qui la maria, en 1792, à V. P. Kotchoubey. Mme Zagriajsky mourut dans une vieillesse avancée, le 19 mars 1837, et fut inhumée au monastère d'Alexandre Newsky.

Elle n'était pas belle, voûtée, contrefaite et presque bossue, mais „elle avait de quoi enflammer un cœur", et elle aima jusqu'à un âge avancé la société et le boston; aimable avec tout le monde, elle était, malgré ses bizarreries, très aimée, en général, et partout profondément estimée. Ses idées originales, ses mots piquants et ses conversations spirituelles lui créèrent un cercle d'auditeurs, et ses récits d'événements dont elle avait été le témoin ou l'héroïne furent soigneusement pris en note par Pouchkine. Elle était très charitable; elle accordait son entremise, et rarement sans succès, à tous ceux qui avaient l'idée de la lui demander. Témoin de toute une série d'époques historiques, elle offrait un type curieux: selon les paroles du prince Viazemsky, „sans être étrangère à son époque, elle avait, comme représentante de temps et de règnes depuis longtemps écoulés, conservé le cachet de son passé lointain".

(D'après une aquarelle de Vassiliewsky (1821), collection de Mlle Vassiltchikoff à Korallowo, gouv. de Moscou.)

58

Пис. Васильевскій *Peint par Vassiliewsky*

Наталія Кирилловна
Загряжская,
1747—1837

Natalie Kyrillowna
Zagriajsky,
1747—1837

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

59

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА АРХАРОВА, 1755—1836, рожденная Римская-Корсакова, кавалерственная дама, 2-я жена генерала-отъ-инфантеріи П. П. Архарова, см. № 9.

(Съ миніатюры изъ собранія М. А. Васильчиковой, с. Кораллово, Московск. губ.)

59

CATHERINE ALEXANDROWNA ARKHAROFF, 1755—1836, née Rimsky-Korsakoff, dame de l'ordre de Ste-Catherine, seconde femme du général d'infanterie I. P. Arkharoff. (V. № 9.)

(D'après une miniature appartenant à Mlle M. A. Vassiltchikoff, à Korallowo, gouv. de Moscou.)

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧЪ АРХАРОВЪ, 1740—1814, генералъ-отъ-инфантеріи, сынъ бригадира, кашпрскаго помѣщика Петра Ивановича, прославился даже за предѣлами Россіи, какъ сыщикъ, удивлявшій современниковъ своимъ изумительнымъ искусствомъ въ дѣлѣ раскрытія преступленій и поимки виновныхъ. На 16-мъ году началъ службу въ Преображенскомъ полку и въ 1761 г. произведенъ въ офицеры, а послѣ переворота 1762 г. перешелъ на службу въ полицію. Знакомство и покровительство гр. А. Г. Орлова, служившаго раньше также въ Преображенскомъ полку, обезпечило Архарову выгодную и быструю карьеру; по выраженію Ростопчина, Орловъ былъ „благодѣтелемъ“ Архарова. Во время чумы въ Москвѣ онъ сопровождалъ туда гр. Г. Г. Орлова, затѣмъ участвовалъ въ слѣдственной комиссіи по дѣлу Пугачева, а въ 1775 г. назначенъ Московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ. Этой должности обязанъ онъ своей извѣстностью. „Дѣятельный, вкрадчивый, скрытный подъ личиной открытой физіономіи и особеннаго простодушія, лицемѣръ со всѣми пріемами искренности“, Архаровъ пользовался расположеніемъ, всюду проникалъ, зналъ все, что дѣлается въ городѣ, и то, чего не знали другіе; простой народъ любилъ его за доступность и балагурство; по преданію, его большіе, ястребиные глаза отличались какой-то особенной проницывающей проницательностью, ему приписывали способность читать въ душѣ сокровенныя мысли. Екатерина признавала всецѣло способности Архарова и въ исключительныхъ случаяхъ вызывала его въ Петербургъ. Въ 1777 г. онъ произведенъ въ генералъ-маіоры, въ 1779 г. получилъ Анну 1-й ст. и въ 1780 г. назначенъ Московскимъ губернаторомъ. Въ 1784 г. послѣдовало его назначеніе Тверскимъ и Новгородскимъ генералъ-губернаторомъ, съ порученіемъ ему управленія „водяными коммуникаціями“. Императрица была довольна дѣятельностью Архарова и наградила его въ 1785 г. орд. св. Александра Невскаго и въ 1790 г.— св. Владиміра 1-й ст., при этомъ она хорошо понимала Архарова и говорила Храповицкому: „Онъ хорошъ въ губерніи, но негоденъ при дворѣ. C'est un intrigant de plus“... По Павелъ, вступивъ на престолъ, тотчасъ вызвалъ его ко двору, произвелъ въ генералъ-отъ-инфантеріи и назначилъ Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ; 9 Ноября 1796 г. онъ получилъ Андреевскую ленту, а въ день коронаціи—2/т. душъ въ селѣ Разсказовѣ, Тамбовской губерніи. Быстро освоившись съ подозрительнымъ характеромъ Государя, Архаровъ сталъ держать его своими доносами въ постоянномъ безпокойствѣ, въ то же время старался внушить, насколько онъ необходимъ на своемъ посту. Скоро Архаровъ вызвалъ, однако, въ Петербургѣ всеобщее негодованіе придирчивостью и жестокостью, съ какой приводились въ исполненіе всякія мелочныя распоряженія Императора относительно одежды, внѣшняго порядка и пр.—Императрица Марія Ѳеодоровна и Е. П. Нелидова считали Архарова человѣкомъ „низкимъ и способнымъ на все“, что онъ и доказалъ первой, намекая ей на возможность, для блага Россіи, новаго такого переворота, какой возвелъ на престолъ Екатерину II. „Архаровъ — негодяй“, писала Императрица, „я больше не довѣрю ему своихъ писемъ, онъ мало берегъ ихъ“... Немногіе считали Архарова порядочнымъ человѣкомъ. „Этотъ господинъ“, писалъ Роджерсонъ Воронцову, „имѣлъ много вліянія съ начала нынѣшняго царствованія и пріобрѣлъ себѣ значеніе своей хитростью и качествомъ, которое теперь особенно цѣнятъ, это—шпіонство“. Неосторожный разговоръ съ Императрицей и чрезмѣрное усердіе повлекли за собой паденіе Архарова. Въ угоду Государю, къ его возвращенію изъ Москвы, полиція принудила жителей Петербурга окрасить двери домовъ, ворота и всѣ заборы по образцу караульныхъ будокъ. Павелъ былъ пораженъ этимъ сюрпризомъ и, узнавъ, что повелѣніе сдѣлано было его именемъ, сказалъ въ гнѣвѣ: „Что же, я дуракъ что ли, чтобы давать такія повелѣнія!“— 17 Іюня 1797 г. Архаровъ былъ отставленъ отъ всѣхъ должностей и высланъ въ Тамбовскія свои деревни. По воцареніи Александра I ему разрѣшенъ въѣздъ въ столицы. Доживая свой вѣкъ въ Москвѣ, Архаровъ продолжалъ интересоваться политикой, читалъ газеты и былъ врагомъ Наполеона. Умеръ онъ въ Январѣ 1814 г. въ селѣ Разсказовѣ. Тучный и обрюзглый, съ большими ястребиными глазами, сохранившими до старости свой острый взглядъ, онъ имѣлъ внѣшность „антипатичную и отталкивающую“. Женатъ не былъ, но имѣлъ незаконную дочь, которой оставилъ часть своего имѣнія.

(Съ миніатюры изъ собранія М. А. Васильчиковой, с. Кораллово, Московск. губ.)

NICOLAS PÉTROWITCH ARKHAROFF, 1740—1814, général d'infanterie, fils du brigadier Pierre Ivanowitch, propriétaire de Kachir, se fit une célébrité de détective qui dépassa même les limites de la Russie: il étonnait les contemporains par son art extraordinaire de découvrir les délits et de prendre les coupables. Il entra au service à 16 ans au régiment Préobragensky, fut fait officier en 1761, et, après la révolution de 1762, passa dans la police. L'amitié et la protection du comte A. G. Orloff, qu'il avait connu au régiment Préobragensky, lui assurèrent une carrière rapide et avantageuse; comme dit Rostoptchine, Orloff fut „le bienfaiteur" d'Arkharoff. Lors de la peste qui sévit à Moscou, Arkharoff y accompagna le comte G. G. Orloff, puis il fit partie de la commission d'enquête de l'affaire Pougatcheff et, en 1775, fut nommé grand maître de police de Moscou: c'est à cette fonction qu'il dut sa célébrité. „Actif, insinuant, dissimulé sous le masque d'une physionomie ouverte et d'un air particulièrement bon enfant, hypocrite avec tous les dehors de la franchise", Arkharoff trouvait partout bon accueil, passait partout, savait tout ce qui se passait dans la ville et que les autres ne savaient pas; les gens du peuple l'aimaient pour son abord facile et sa bouffonnerie; s'il faut en croire la tradition, il avait dans ses grands yeux d'oiseau de proie on ne sait quoi d'inquisiteur et de pénétrant, et il passait pour pouvoir lire au fond de l'âme le secret des pensées. Catherine ne méconnaissait nullement les capacités d'Arkharoff, et, dans les cas exceptionnels, elle le faisait venir à Pétersbourg. En 1777, il fut promu général-major, en 1779, reçut la croix de Ste-Anne de 1re classe et, en 1780, fut fait gouverneur de Moscou. En 1784, il fut nommé général-gouverneur de Tver et Novgorod et chargé de la direction des „communications fluviales". L'Impératrice était contente des services d'Arkharoff et le gratifia, en 1785, de l'ordre de St-Alexandre Newsky et, en 1790, de celui de St-Vladimir de 1re classe; elle le comprenait du reste fort bien et disait à Khrapovitzky: „Il est très bien à la tête d'un gouvernement, et il ferait très mal à la Cour. C'est un intrigant de plus". Mais Paul, dès son avènement au trône, le fit venir à la Cour, le promut général d'infanterie et le nomma général-gouverneur de Pétersbourg; le 9 novembre 1796, il reçut le cordon de St-André et, le jour du couronnement, 2000 têtes de paysans à Razskazowo, gouvernement de Tamboff. Il eut vite pénétré le caractère soupçonneux du Souverain et se mit à l'entretenir par ses rapports dans un état d'inquiétude perpétuelle, en s'efforçant, en même temps, de lui faire croire qu'il était indispensable à son poste. Il ne tarda pas, cependant, à soulever à Pétersbourg l'indignation générale par la manière tracassière et dure dont il fit mettre à exécution nombre d'instructions de détail données par l'Empereur relativement à l'habillement, à l'ordre dans les rues, etc. L'Impératrice Marie Féodorowna et Mlle Nélidoff considéraient Arkharoff comme un homme „vil et capable de tout", et il le justifia bien à l'Impératrice en lui indiquant la possibilité, pour le bien de la Russie, d'une seconde révolution dans le genre de celle qui avait porté Catherine II au pouvoir. „Arkharoff est un vaurien", écrivait l'Impératrice; „je ne lui confie plus mes lettres: il n'en a guère pris soin"... Très peu de personnes considéraient Arkharoff comme un homme estimable. „Ce monsieur", écrivait Rogerson à Vorontzoff, „a une grande influence depuis le commencement du règne actuel, et s'est rendu considérable grâce à son astuce et à un talent particulièrement estimé aujourd'hui, la mouchardise". Une conversation imprudente avec l'Impératrice et un excès de zèle entraînèrent la chute d'Arkharoff. Pour complaire à l'Empereur, lors de son retour d'un voyage à Moscou, la police avait obligé les habitants de Pétersbourg à peindre les portes des maisons, les portes cochères et les clôtures comme des guérites de factionnaires. Paul trouva la surprise forte, et, quand on lui eut dit que l'ordre avait été donné en son nom, il s'écria en colère: „Mais voyons, est-ce que je suis un imbécile, pour donner des ordres semblables?" Le 17 juin 1797, Arkharoff fut destitué de toutes ses fonctions et relégué dans ses propriétés de Tamboff. A l'avènement d'Alexandre Ier, il reçut la permission de venir à Pétersbourg et à Moscou. Tout le reste de sa vie, qu'il passa à Moscou, Arkharoff continua à s'intéresser à la politique; il lisait les journaux et était l'ennemi de Napoléon. Il mourut en janvier 1814 à Razskazowo. Corpulent et bouffi, avec de grands yeux d'oiseau de proie, qui conservèrent jusqu'à la vieillesse leur regard perçant, il avait un extérieur „antipathique et repoussant". Il ne se maria pas, mais il eut une fille naturelle, à laquelle il laissa une partie de son bien.

(D'après une miniature de la collection de Mlle M. Vassiltchikoff, à Korallowo, gouv. de Moscou.)

61

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ АРХАРОВЪ, 1744—1815, генералъ-отъ-инфантеріи, камеръ-юнкеръ, сынъ бригадира Петра Ивановича, родился 13 Мая 1744 года. Не получивъ никакого образованія, Архаровъ былъ въ значительной мѣрѣ надѣленъ природнымъ умомъ и здравымъ смысломъ. Подъ старость, впрочемъ, онъ имѣлъ слабость хвастнуть образованіемъ и знаніемъ французскаго языка, котораго совсѣмъ не зналъ. 16-и лѣтъ онъ началъ службу въ Преображенскомъ полку. Братья Архаровы были близки съ братьями Орловыми, и этимъ послѣднимъ обязаны своимъ возвышеніемъ. И. И. Архаровъ участвовалъ въ Архипелажской экспедиціи: неизвѣстно участвовалъ ли онъ въ Чесменскомъ бою, прославившемъ имя Орлова, но говорятъ, что онъ былъ помощникомъ его въ „подвигѣ", омрачившемъ доброе имя Чесменскаго героя, въ увозѣ Таракановой. Послѣдніе годы царствованія Екатерины II онъ былъ въ немилости и, благодаря этому, тотчасъ по вступленіи на престолъ Павла I былъ взысканъ щедротами: получилъ чинъ генералъ-отъ-инфантеріи и орденъ св. Александра Невскаго, назначенъ военнымъ губернаторомъ Москвы и пожалованъ значительнымъ числомъ душъ. Губернаторство его въ Москвѣ оставило по себѣ память учрежденіемъ особаго гарнизоннаго „архаровскаго" полка полицейскихъ драгунъ, набраннаго изъ всякаго сброда и давшаго начало нелестному эпитету „архаровецъ". Въ 1797 году, по случаю опалы стараго брата, Архаровъ также былъ отставленъ отъ всѣхъ должностей и высланъ на житье въ деревню. Московское общество выразило участіе изгнаннику, и многіе собрались проводить Архаровыхъ, въ томъ числѣ Н. М. Карамзинъ, который привезъ кучу книгъ, чтобы разгонять скуку въ ссылкѣ. Архаровъ былъ любимъ въ Москвѣ за хлѣбосольство, которымъ славился его домъ въ Москвѣ и Подмосковная, село Ивановское, гдѣ онъ часто давалъ москвичамъ праздники. Но особенной любовью и уваженіемъ пользовалась его 2-я жена, Екатерина Александровна. По воцареніи Александра I, Архаровъ былъ возвращенъ изъ ссылки и жилъ зимой въ Петербургѣ и Москвѣ, а лѣтомъ въ Ивановскомъ. Онъ былъ женатъ 2 раза: на Щепотьевой (2 дочери) и вторично на Е. А. Римской-Корсаковой (также 2 дочери: Александра—за Васильчиковымъ и Софія—за гр. Соллогубомъ). Внѣшностью И. И. очень напоминалъ стараго брата, такой же толстый и обрюзглый подъ старость, Архаровъ имѣлъ такіе же большіе проницательные глаза, только въ лицѣ его было менѣе холоднаго и непріятнаго. Умеръ въ Петербургѣ 4 Февраля 1815 г. и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ.

(Съ миніатюры изъ собранія М. А. Васильчиковой, с. Кораллово, Московск. губ.)

61

IVAN PÉTROWITCH ARKHAROFF, 1744—1815, général d'infanterie, noble de Kachir, fils du brigadier Pierre Ivanowitch, naquit le 13 mai 1744. Resté sans aucune éducation, Arkharoff avait une dose sérieuse d'esprit naturel et de bon sens. Sur ses vieux jours, du reste, il eut la faiblesse de faire parade de son instruction et de sa connaissance du français, qu'il ne savait pas du tout en réalité. A 16 ans, il entra au service au régiment Préobragensky. Les frères Arkharoff étaient liés avec les frères Orloff, et c'est à cette amitié qu'ils durent leur élévation. Arkharoff prit part à l'expédition de l'Archipel: on ne sait pas s'il était au combat de Tchesmé, qui rendit célèbre le nom d'Orloff, mais, il fut, dit-on, de moitié dans un „exploit" qui ternit le bon renom du héros de Tchesmé, l'enlèvement de la princesse Tarakanoff. Il passa dans la disgrâce les dernières années du règne de Catherine II, ce qui lui valut d'être comblé de faveurs à l'avènement de Paul: il fut élevé au grade de général d'infanterie, décoré de l'ordre de St-Alexandre Newsky, nommé gouverneur militaire de Moscou et gratifié d'un nombre considérable de têtes de paysans. Comme gouverneur de Moscou, il se fit une célébrité par la création du „régiment des dragons Arkharoff", contingent de police spécial recruté dans le rebut de la population et qui donna naissance à l'épithète peu flatteuse „d'Arkharovien". En 1797, son frère aîné l'entraîna dans sa disgrâce: il se vit destituer de toutes ses fonctions et reléguer dans ses propriétés à la campagne. La société moscovite manifesta sa sympathie à l'exilé; on vint l'accompagner en foule, et Karamzine, entre autres, lui remit une provision de livres pour prévenir l'ennui dans sa retraite. Arkharoff était aimé à Moscou pour le renom d'hospitalité dont jouissaient sa maison de ville et le village d'Islavskoïé, aux environs, où il donnait souvent des fêtes à ses concitoyens. Mais on témoignait une sympathie et une estime particulières à sa seconde femme Catherine Alexandrowna. A l'avènement d'Alexandre Ier, il fut rappelé de l'exil; il passa depuis l'hiver à Pétersbourg et à Moscou et l'été à Islavskoïé. Il se maria deux fois: de sa première femme, née Chtchépotieff, il eut deux filles, et la seconde, née Rimsky-Korsakoff, lui donna également deux filles, Alexandrine, mariée à Vassiltchikoff, et Sophie, au comte Sollogoub. De sa personne, Ivan Arkharoff rappelait beaucoup son frère aîné; devenu comme lui corpulent et bouffi avec l'âge, il avait aussi de grands yeux pénétrants, mais avec un air moins glacial et moins désagréable. Il mourut à Pétersbourg, le 4 février 1815, et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après une miniature de la collection de Mlle M. Vassiltchikoff, à Korallowo, gouv. de Moscou.)

59

Екатерина Александровна Архарова, *1755 — 1836*

Catherine Alexandrowna Arkharoff, *1755 — 1836*

60

Николай Петровичъ Архаровъ, *1740 — 1814*

Nicolas Pétrowitch Arkharoff, *1740 — 1814*

61

Иванъ Петровичъ Архаровъ, *1744 — 1815*

Ivan Pétrowitch Arkharoff, *1744 — 1815*

Князь НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧЪ ЮСУПОВЪ, 1751—1831, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сынъ князя Бориса Григорьевича и Ирины Михайловны, рожд. Зиновьевой, въ дѣтствѣ былъ записанъ въ гвардію, 7-и лѣтъ произведенъ въ корнеты, 16-и—началъ дѣйствительную службу. Прослуживъ 3 года, онъ 9 лѣтъ затѣмъ провелъ за границей и за это время объѣхалъ всю Европу. Онъ много видѣлъ и многому научился, познакомился съ Дидро и Бомарше, былъ и у Вольтера, который въ письмѣ къ Екатеринѣ II выразилъ свое удовольствіе по поводу знакомства съ Юсуповымъ. Въ отечество онъ вернулся съ репутаціей любителя и знатока искусства. Императрица очень благоволила къ нему. Черезъ 2 года, въ 1783 г., онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Туринъ, а затѣмъ имѣлъ дипломатическія порученія въ Венецію, Неаполь и Римъ, гдѣ велъ переговоры съ Ватиканомъ по поводу вопроса объ управленіи католической церковью въ Россіи. Въ то же время Юсуповъ покупалъ для Екатерины картины и статуи. Въ 90-хъ годахъ, вернувшись въ Россію, онъ управлялъ театромъ и заводами, стекляннымъ и фарфоровымъ. При Павлѣ I Юсуповъ получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, Андреевскую ленту и командорство ордена св. Іоанна Іерусалимскаго и былъ президентомъ Мануфактуръ-коллегіи, а съ 1800 г. завѣдывалъ удѣлами. Въ 1804 г. Юсуповъ уѣхалъ за границу и только послѣ 1812 г. назначенъ главноуправляющимъ Кремлевской Экспедиціей и Московской Оружейной палатой, а въ 1823 г. членомъ Государственнаго Совѣта, съ оставленіемъ въ прежней должности. Въ коронаціи Павла, Александра I и Николая Павловича Юсуповъ исполнялъ обязанности верховнаго маршала.

Князь Юсуповъ дожилъ до глубокой старости и былъ однимъ изъ послѣднихъ Екатерининскихъ вельможъ. Съ большимъ природнымъ умомъ онъ соединялъ блестящее образованіе; потомокъ татарина XVII вѣка, онъ былъ, по своимъ вкусамъ и обращенію, европейцемъ XVIII столѣтія; привѣтливый и простой со всѣми, онъ былъ особенно любезенъ съ дамами: его великолѣпный паркъ въ Архангельскомъ былъ доступенъ для всѣхъ, и хозяинъ вѣжливо раскланивался при встрѣчѣ съ незнакомыми дамами. Юсуповъ любилъ блеснуть своимъ богатствомъ и роскошью, но это не мѣшало ему быть расчетливымъ человѣкомъ, слыть даже скупымъ, благодаря чему онъ не разстроилъ, а умножилъ громадное отцовское наслѣдство; послѣ него осталось болѣе 20/т. душъ, и онъ не зналъ точно, гдѣ и сколько у него имѣній. Поклонникъ искусствъ, Юсуповъ за границей завязалъ сношенія съ знаменитыми художниками того времени: Грезомъ, Анжеликой Кауфманъ, Давидомъ, Кановой, и началъ еще въ молодости собирать картины, статуи и бронзу; въ обширной библіотекѣ его находились очень рѣдкія изданія. Пострадавшія отъ пожара въ 1820 г. эти богатыя собранія и теперь еще украшаютъ Архангельское, гдѣ у Юсупова былъ свой театръ съ крѣпостной труппой актеровъ. Слабость къ женщинамъ была преобладающей страстью Юсупова; въ молодости князь пользовался успѣхомъ среди женщинъ, и говорятъ, что среди головокъ работы Ротари, украшающихъ стѣны цѣлой комнаты въ Архангельскомъ, есть много красавицъ, дарившихъ Юсупова своей любовью, имена которыхъ преданіе не сохранило въ своей памяти. Юсуповъ былъ воспѣтъ Пушкинымъ въ стихахъ „Къ вельможѣ“.

Князь Н. Б. Юсуповъ былъ женатъ на вдовѣ своего родственника, Татьянѣ Васильевнѣ Потемкиной, рожд. Энгельгардтъ, племянницѣ кн. Потемкина, но вскорѣ съ женой разошелся. Отъ этого брака былъ одинъ только сынъ, князь Борисъ Николаевичъ. Князь Юсуповъ умеръ въ Москвѣ, во время холеры, 15 Іюня 1831 года и погребенъ въ подмосковной, въ с. Спасскомъ.

(Съ портрета Лампи, принадлежащаго княгинѣ З. Н. Юсуповой, с. Архангельское Московск. губ.)

Le prince NICOLAS BORISSOWITCH YOUSSOUPOFF, 1751—1831, conseiller d'état privé, fils du prince Boris Grigoriewitch et d'Irène Mikhaïlowna, née Zinowieff, fut enrôlé dans la Garde étant encore enfant; cornette à 7 ans, il entra au service actif à 16 ans. Il resta d'abord trois ans au service, puis passa neuf ans à l'étranger, à faire le tour de l'Europe. Il vit et apprit beaucoup, fit connaissance avec Diderot et Beaumarchais, alla chez Voltaire, qui, dans une lettre à Catherine II, exprime le plaisir qu'il avait eu à le voir. Il rapporta en Russie la réputation d'un amateur et d'un connaisseur en matière d'art. L'Impératrice était très bien disposée en sa faveur. Deux ans après, il fut nommé ambassadeur à Turin, puis chargé de missions diplomatiques à Venise, Naples et Rome, où il discuta avec le Vatican la question de la direction de l'Eglise catholique en Russie. Il fit en même temps, pour le compte de Catherine, des achats de tableaux et de statues. A son retour en Russie, dans les années 90, il dirigea un théâtre, une verrerie et une manufacture de porcelaine. Sous Paul Ier, Youssoupoff fut élevé au rang de conseiller d'état actuel, reçut le cordon de Saint-André et le titre de commandeur de l'ordre de Saint-Jean-de-Jérusalem, présida le Collège des Manufactures, et, à partir de 1800, dirigea l'administration des Domaines. En 1804, Youssoupoff retourna à l'étranger, et ce n'est qu'après 1812 qu'il fut mis à la tête de l'administration du Kremlin et de l'Oroujéinaïa Palata de Moscou, et, en 1823, nommé membre du Conseil de l'Empire tout en conservant cette fonction. Au couronnement de Paul Ier, d'Alexandre Ier et de Nicolas Pavlowitch, il fit fonctions de maréchal suprême.

Le prince Youssoupoff arriva à une vieillesse avancée, et fut un des derniers grands-seigneurs du temps de Catherine. Il joignait à tout l'esprit qu'il tenait de la nature une brillante éducation. Tatare du XVIIe siècle d'origine, il était par ses goûts et ses manières un vrai Européen du XVIIIe siècle. Accueillant et simple avec tous, il était particulièrement aimable avec les dames: son magnifique parc d'Arkhangelskoïé était ouvert au public, et il y saluait respectueusement les dames qu'il rencontrait sans les connaître. Youssoupoff aimait déployer sa richesse et son faste, ce qui ne l'empêchait pas d'être un homme d'ordre et de passer même pour avare: aussi, loin de s'appauvrir, accrut-il la fortune considérable qu'il tenait de sa famille; il laissa plus de 20.000 têtes de paysans, et ne connaissait pas toutes ses propriétés dont il ignorait même le nombre. Epris d'art, il noua des relations à l'étranger avec les célébrités artistiques du temps: Greuze, Angélique Kaufmann, David, Canova; il avait commencé dès sa jeunesse une collection de tableaux, de statues et de bronzes, et sa bibliothèque renfermait des ouvrages très rares. Endommagés par le feu en 1820, ces trésors font encore l'ornement d'Arkhangelskoïé, où il avait un théâtre à lui avec une troupe d'acteurs serfs. La passion dominante de Youssoupoff était son faible pour le beau sexe: dans sa jeunesse il eut du succès auprès des femmes; on dit même que, parmi les têtes de Rotari qui couvrent les murs de tout un salon d'Arkhangelskoïé, il y a nombre de femmes qui favorisèrent Youssoupoff de leur amour et dont la tradition n'a pas conservé les noms. Le prince fut célébré par Pouchkine dans la pièce de vers: „Au grand-seigneur".

Youssoupoff avait épousé la veuve d'un de ses parents, Tatiana Vassiliewna Potemkine, née Engelhardt, nièce du prince Potemkine, mais il ne tarda pas à se séparer d'elle; de ce mariage il n'eut qu'un fils, le prince Boris Nicolaewitch. Le prince Youssoupoff mourut à Moscou, lors du choléra, le 15 juin 1831, et fut inhumé au village de Spassk, près de Moscou.

(D'après l'original de Lampi, propriété de la princesse Z. N. Youssoupoff, à Arkhangelskoïé, gouv. de Moscou.)

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЗАГРЯЖСКІЙ, 1745—1821, дѣйств. тайный совѣтникъ, сынъ генералъ-поручика Александра Артемьевича отъ брака съ Екатериной Александровной Дорошенко, началъ службу въ 1754 г. въ Измайловскомъ полку. При Павлѣ I былъ гофмейстеромъ и ѣздилъ въ Мемель для встрѣчи матери Императрицы Маріи Ѳеодоровны, послѣ чего навсегда сохранилъ расположеніе послѣдней; при дворѣ онъ былъ впослѣдствіи оберъ-шенкомъ. Женатъ былъ 2 раза: на Елизаветѣ Николаевнѣ Чоглоковой, двоюродной племянницѣ Императрицы Елизаветы (р. 1750, † 1771), и на графинѣ Наталіи Кирилловнѣ Разумовской. Послѣднія долго не могла найти себѣ жениха по сердцу, но Загряжскій во время дежурства вмѣстѣ при дворѣ сразу ей понравился; кромѣ того, у нихъ у обоихъ было горе, которое ихъ сблизило: онъ лишился молодой и красивой жены, она—матери, которую сильно любила. Женихъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, и 24 Октября 1772 г. была отпразднована при дворѣ ихъ свадьба. Хотя, по словамъ своенравной и капризной Наталіи Кирилловны, „ея мужъ былъ слишкомъ хорошій человѣкъ и потому только не разошелся съ нею съ первыхъ же дней свадьбы“, благодаря ея несносному характеру, но въ царствованіе Александра I, уже въ старости, Загряжскіе стали жить отдѣльно, послѣ того какъ Наталія Кирилловна поселилась у своей любимой племянницы и воспитанницы М. В. Кочубей; но это не измѣнило дружескихъ отношеній супруговъ.

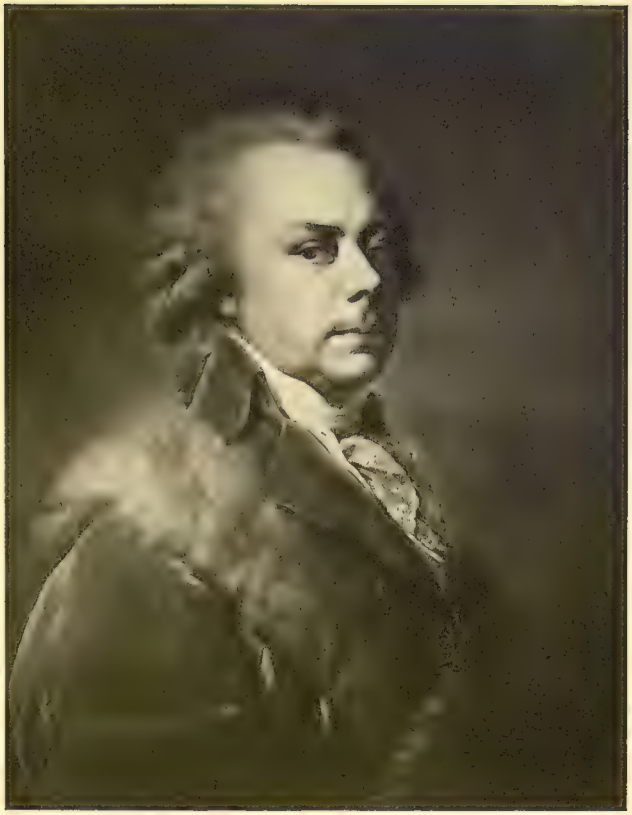
(Съ портрета, находящагося въ Гатчинскомъ дворцѣ.)

63

NICOLAS ALEXANDROWITCH ZAGRIAJSKY, 1745—1821, conseiller d'état actuel, fils du général-lieutenant Alexandre Artémiewitch et de Catherine Alexandrowna, née Dorochenko, entra au service en 1754 au régiment Izmaïlowsky. Sous Paul Ier, il fut chambellan, et alla à Memel au devant de la mère de l'Impératrice Maria Féodorowna, ce qui lui valut pour toujours la faveur de cette dernière; à la Cour, il devint par la suite grand-échanson. Il fut marié deux fois: à Elisabeth Nicolaewna Tchoglokoff, cousine issue de germaine de l'Impératrice Elisabeth (née en 1750, † en 1771), et à la comtesse Natalie Kyrillowna Razoumowsky. Celle-ci était restée longtemps sans trouver de mari à son goût, mais Zagriajsky, qu'elle connut à la Cour où ils étaient souvent de service ensemble, lui plut tout de suite; du reste, tous deux avaient leurs chagrins, qui contribuèrent à les rapprocher: lui avait perdu sa jeune et charmante femme, elle sa mère, pour qui elle avait une vive affection. Il fut fait gentilhomme de la chambre, et, le 24 octobre 1772, le mariage fut célébré à la Cour. Fantasque et capricieuse, si, de son propre aveu, son mari ne l'abandonna pas dès les premiers jours de leur union en raison de son mauvais caractère, c'est qu'il était trop bon; pourtant, sur leurs vieux jours, sous le règne d'Alexandre Ier, ils se séparèrent: elle s'était installée chez sa nièce préférée et pupille M. V. Kotchoubey. Cela ne changea d'ailleurs rien à leurs bons rapports.

(D'après un original du Palais de Gatchina.)

62

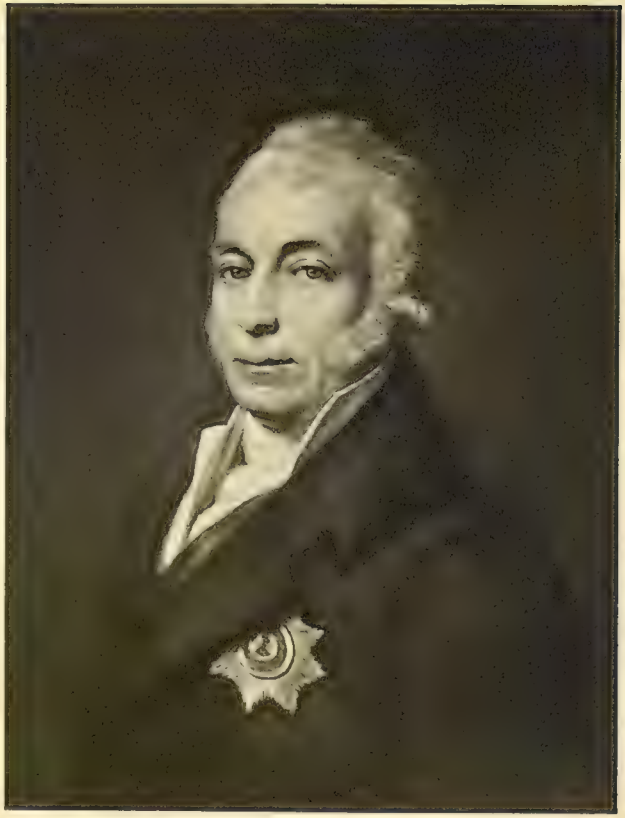


Пис. Лампи — Peint par Lampi

Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ,
1751 — 1831

Le Prince Nicolas Borissowitch Youssoupoff,
1751 — 1831

63



Николай Александровичъ Загряжскій,
1743 — 1821

Nicolas Alexandrowitch Zagriajsky,
1743 — 1821

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Князь **НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РЕПНИНЪ-ВОЛКОНСКІЙ**, 1778—1845, генералъ-адъютантъ, вице-король Саксоніи, сынъ сподвижника Суворова, члена Государственнаго Совѣта князя Григорія Семеновича Волконскаго и княжны Александры Николаевны Репниной, получилъ хорошее образованіе подъ руководствомъ матери. Служилъ до чина поручика въ Измайловскомъ полку, откуда въ 1797 г. переведенъ въ лейбъ-гусары, съ пожалованіемъ во флигель-адъютанты; въ 1798 г. произведенъ въ штабсъ-ротмистры, въ 1799 г. въ ротмистры и въ 1800 г. въ полковники. 12 Іюня 1801 г., послѣ смерти фельдмаршала князя Н. В. Репнина, ему, какъ старшему сыну послѣдней представительницы этого древняго княжескаго рода, дано право на фамилію и титулъ князя Репнина. Кромѣ Голландской экспедиціи 1799 г., Репнинъ участвовалъ въ войнахъ начала XIX вѣка. Подъ Аустерлицемъ онъ командовалъ 4-мъ эскадропомъ кавалергардовъ, прославившимся своей знаменитой атакой, художественно описанной въ „Войнѣ и Мирѣ“, и раненый взятъ въ плѣнъ. Награжденный орденомъ св. Георгія 4-й ст. и чиномъ генералъ-майора, Репнинъ для лѣченія раны былъ уволенъ въ отставку. Въ 1808 г. онъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ ко двору короля Вестфальскаго Іеронима, а въ 1810 г. перемѣщенъ въ Мадридъ ко двору другого брата Наполеона, но былъ задержанъ послѣднимъ въ Парижѣ и въ Испанію не попалъ. Окончивъ на этомъ дипломатическую карьеру, онъ назначенъ 12 Марта 1812 г. командиромъ 9-й кавалерійской дивизіи, и въ сраженіи подъ Полоцкомъ заслужилъ Георгія 3-й ст. Затѣмъ, 8 Октября 1813 г. назначенъ генералъ-губернаторомъ королевства Саксонскаго. Управленіе князя Репнина заслужило благодарную память населенія, но самому ему, кромѣ почестей, не принесло ничего. Черезъ годъ онъ сдалъ королевство и явился на Вѣнскій конгрессъ. Въ 1816 г. назначенъ Малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и здѣсь заслужилъ любовь простого народа своей добротой и заботами объ опредѣленіи отношеній между крѣпостными и помѣщиками; на его долю выпала тяжелая борьба съ первой холерой и голодомъ, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подрядъ постигалъ Малороссію (1831—1834 гг.). 1 Января 1835 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а 28 Іюня 1836 г. уволенъ отъ службы. Отставка была слѣдствіемъ неудовольствія Государя Николая Павловича. Щедрый и расточительный, не умѣвшій управляться и съ своими личными дѣлами, князь не заботился о соблюденіи формальностей при расходованіи суммъ Приказа Общественнаго призрѣнія при постройкѣ института въ Полтавѣ,—дѣло, на которое Репнины положили не мало силъ и много потратили своихъ средствъ. Репнинъ былъ обвиненъ едва ли не въ хищеніи. Онъ умеръ 7 Января 1845 г. въ своемъ Яготинѣ и похороненъ въ Троицкомъ Густынскомъ монастырѣ, близъ Прилукъ. Былъ женатъ съ 1802 г. на графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Разумовской и имѣлъ 1 сына и 2 дочерей. Выдвинутый на видный Европейскій постъ крупными историческими событіями начала XIX столѣтія, Репнинъ не былъ человѣкомъ выдающихся административныхъ способностей и государственнаго ума, но, преданный дѣлу и долгу, добрый, храбрый и дѣятельный, онъ былъ любимъ всѣми и никому не дѣлалъ зла.

(Съ миніатюры работы Изабе 1815 г., собственность Е. П. Орловой, въ Москвѣ.)

Le prince NICOLAS GRIGORIEWITCH REPNINE-WOLKONSKY, 1778 — 1845, général-aide-de-camp, vice-roi de Saxe, fils du prince Grégoire Sémenowitch Wolkonsky, l'émule de Souvoroff, membre du conseil de l'Empire, et de la princesse Alexandrine Nicolaewna Repnine, reçut une bonne éducation sous la direction de sa mère. Il servit jusqu'au rang de lieutenant au régiment Izmaïlowsky, d'où il passa, en 1797, aux hussards de la Garde en qualité d'aide de camp; en 1798, il fut promu capitaine en second, en 1799, capitaine en premier et en 1800, colonel. Le 12 juin 1801, à la mort du feld-maréchal prince N. V. Repnine, il reçut, comme fils aîné de la dernière survivante de cette vieille famille princière, le droit de porter le titre et le nom de prince Repnine. Outre l'expédition de Hollande en 1799, Repnine fit les campagnes du XIXe siècle; à Austerlitz il était à la tête du 4e escadron des Chevaliers-Gardes, qui se rendit célèbre par la fameuse charge admirablement dépeinte dans „La guerre et la paix", et où il fut blessé et fait prisonnier. Il reçut en récompense la croix de St-Georges de 4e classe et le grade de général-major, et fut mis à la retraite pour soigner ses blessures. En 1808, il fut nommé envoyé extraordinaire à la cour du Roi de Westphalie Jérôme et, en 1810, désigné pour Madrid, à la Cour du roi Joseph, mais Napoléon le retint à Paris, et il n'alla pas jusqu'en Espagne. Sa carrière diplomatique en resta là; le 12 mars 1812, il reçut le commandement de la 9e division de cavalerie, et, à la bataille de Polotsk, gagna la croix de St-Georges de 3e classe. Le 8 octobre 1813, il fut fait général-gouverneur du royaume de Saxe; son administration lui valut le souvenir reconnaissant de la population, mais il n'en tira rien pour lui-même que des honneurs. Au bout d'un an, il abandonna sa royauté et alla au congrès de Vienne. Envoyé, en 1816, en Petite-Russie comme général-gouverneur, il se concilia l'affection des paysans par sa bonté et par la manière dont il sut organiser les relations entre serfs et propriétaires; il se trouva aux prises avec la lourde tâche de combattre le premier choléra et la famine qui désola la Petite-Russie plusieurs années de suite (1831—1834). Le 1er janvier 1835, il fut fait membre du conseil de l'Empire, et, le 28 juin suivant, mis à la retraite: il avait encouru le mécontentement de l'Empereur Nicolas. Généreux jusqu'à la prodigalité, incapable de bien administrer même ses propres affaires, le prince avait disposé, sans trop s'inquiéter des formalités, des fonds du Comité de l'Assistance publique pour la construction de l'Institut de Poltava, entreprise pour laquelle les Repnine n'avaient cependant ménagé ni leurs forces, ni leur argent; on alla presque jusqu'à accuser Repnine de prévarication. Il mourut, le 7 janvier 1845, dans sa propriété de Yakotino et fut inhumé au monastère Troïtzky-Goustynsky, près Prilouki. Il avait épousé, en 1802, la comtesse Varvara Alexéewna Razoumowsky, dont il eut un fils et deux filles.

Porté par les événements du commencement du XIXe siècle à un poste marquant en Europe, Repnine, sans avoir un talent éminent d'administrateur, ni la portée d'esprit d'un homme d'état, était esclave de sa fonction et de son devoir; bon, brave et actif, il fut aimé de tous et ne fit de mal à personne.

(D'après une miniature d'Isabey (1815), propriété de Mlle E. Orloff, à Moscou.)

Княгиня ВАРВАРА АЛЕКСѢЕВНА РЕПНИНА-ВОЛКОНСКАЯ, 1778—1864, дочь графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго и графини Варвары Петровны, рожд. гр. Шереметевой, съ ранняго дѣтства была лишена материнскихъ заботъ; ей было только 6 лѣтъ, когда родители стали жить врозь, и 13 лѣтъ, когда воспитаніе ея было поручено Г-жѣ Каламъ (Mlle Calame, тетка извѣстнаго художника), прекрасной воспитательницѣ, женщинѣ высокихъ нравственныхъ качествъ. Отецъ графини рѣшилъ выдать дочь за старшаго внука своего пріятеля князя Н. В. Репнина, князя Н. Г. Волконскаго; молодые люди полюбили другъ друга, но дѣло едва не разстроилось по случаю размолвки бывшихъ друзей. Только въ 1802 г., уже послѣ смерти фельдмаршала-дѣда, князь Волконскій могъ жениться; свадьба была въ Батуринѣ, у старика графа К. Г. Разумовскаго. Затѣмъ молодые поселились сначала въ Москвѣ (на Гороховомъ полѣ, рядомъ съ домомъ гр. А. К. Разумовскаго), а позднѣе переѣхали въ Петербургъ, и здѣсь княгиня заслужила особое расположеніе Императрицы Елизаветы Алексѣевны и Великой Княжны Маріи Павловны. Имѣя отъ природы доброе сердце, княгиня В. А. унаслѣдовала отъ отца качества, свойственныя второму поколѣнію Разумовскихъ, этихъ потомковъ простого казака,—безграничное высокомѣріе и недоступную важность. Это не мѣшало Репниной быть въ иныхъ случаяхъ простой и пріятной особой, а отзывчивое сердце влекло ее къ благотворительности. Княгиня любила своего мужа и слѣдовала за нимъ въ походахъ: послѣ Аустерлица она явилась во французскій лагерь и ухаживала сама за раненымъ мужемъ; въ 1813 г. въ Прагѣ устроила лазаретъ для раненыхъ русскихъ воиновъ, а въ Саксоніи оставила по себѣ память своей благотворительностью. Во время Вѣнскаго конгресса, на балу у дяди, гр. А. К. Разумовскаго, въ русскомъ костюмѣ танцовала русскій танецъ, и Изабе изобразилъ ее въ этомъ костюмѣ на миніатюрѣ. По возвращеніи въ Петербургъ, она, подъ руководствомъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны, занялась учрежденіемъ Патріотическаго института и дома Трудолюбія для сиротъ воиновъ, и была первой предсѣдательницей Патріотическаго общества. Въ Полтавѣ, когда кн. Репнинъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Малороссіи, она особенно заботилась о постройкѣ института для дѣвицъ, не щадя даже своихъ средствъ. Послѣ смерти мужа, она долго жила въ Яготинѣ, затѣмъ въ 40-хъ гг. переѣхала въ Одессу, а оттуда въ 1856 г. въ Москву. Здѣсь она дожила вѣкъ въ своемъ домѣ съ церковью (на Садовой ул.), и, несмотря на ограниченность средствъ, тутъ ея благотворительность приняла широкіе размѣры. Въ этомъ дѣлѣ она имѣла незамѣнимую помощницу дочь, княжну Варвару Николаевну († 1891 г.), идеально-чистый образъ которой еще живо памятенъ многимъ въ Москвѣ. Княгиня В. А. Репнина умерла въ Москвѣ 9 Октября 1864 г. и погребена рядомъ съ мужемъ въ церкви Прилукскаго Густынскаго монастыря.

(Съ миніатюры работы Изабе 1818 г., собственность Е. П. Орловой, въ Москвѣ.)

65

La princesse VARVARA ALEXÉEWNA REPNINE-WOLKONSKY, 1778—1864, fille du comte Alexis Kyrillowitch Razoumowsky et de la comtesse Varvara Pétrowna, née comtesse Chérémétieff, fut, dès son jeune âge, privée des soins maternels; elle n'avait que 6 ans lorsque ses parents se séparèrent, et 13 lorsque son éducation fut confiée à Mlle Calame, la tante du célèbre artiste, excellente éducatrice et personne d'une haute valeur morale. Le père de la comtesse résolut de la marier à l'aîné des petits-fils de son ami le prince N. V. Repnine, le prince N. G. Wolkonsky; les jeunes gens s'aimèrent, mais le projet faillit être compromis par la brouille qui survint entre les deux amis. Ce n'est qu'en 1802, après la mort de son grand-père le feld-maréchal, que le prince Wolkonsky put se marier; la cérémonie fut célébrée à Batourino chez le vieux comte K. Razoumowsky. Les jeunes époux se fixèrent d'abord à Moscou, au Gorokhovoïé Polé, dans la maison voisine de celle du comte A. Razoumowsky, puis à Pétersbourg, où la jeune comtesse se concilia la faveur particulière de l'Impératrice Elisabeth Alexéewna et de la Grande-Duchesse Marie Pavlowna. Douée naturellement d'un bon cœur, elle tenait de son père les traits de caractère propres à la seconde génération des Razoumowsky, ces descendants d'un simple cosaque: une arrogance sans bornes et une hauteur inabordable. Cela ne l'empêchait pas d'être dans certains cas simple et agréable, et son cœur compatissant la rendait charitable. Elle aimait son mari et l'accompagnait dans ses campagnes: après Austerlitz, elle alla au camp français lui soigner elle-même ses blessures; en 1813, elle organisa à Prague une infirmerie pour les blessés russes, et laissa en Saxe le souvenir de sa bienfaisance. Lors du congrès de Vienne, à un bal donné par son oncle, le comte André Razoumowsky, elle dansa en costume national une danse russe, où Isabey fit sa miniature. De retour à Pétersbourg, elle s'occupa, sous la direction de l'Impératrice Elisabeth Alexéewna, de l'organisation de l'Institut Patriotique et d'un Ouvroir pour les orphelins de militaires, et fut la première présidente de la Société Patriotique. A Poltava, où Repnine était général-gouverneur de la Petite-Russie, elle se consacra avec un zèle particulier, et sans ménager son argent, à l'installation de l'Institut de jeunes filles. A la mort de son mari, elle resta longtemps à Yagotino, puis, dans les années 40, alla à Odessa, d'où elle revint, en 1856, à Moscou. Elle y passa le reste de sa vie dans sa maison de la Sadovaïa, où elle avait une église particulière, et, malgré la modestie de ses ressources, pratiqua la bienfaisance sur un pied très large. Elle trouva pour l'accomplissement de cette œuvre une auxiliaire précieuse dans sa fille la princesse Varvara Nicolaewna († 1891), dont l'image idéalement pure est restée vivante dans le souvenir de bien des moscovites. La princesse V. A. Repnine mourut à Moscou, le 9 octobre 1864, et repose près de son mari, dans l'église du monastère Goustynsky, près de Prilouki.

(D'après une miniature d'Isabey (1818), propriété de Mlle E. Orloff, à Moscou.)

64

Пис. Изабе, 1815 - Peint par Isabey, 1815

Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ-Волконскій,
1778 - 1845

Le Prince Nicolas Grigoriéwitch Repnine-Wolkonsky,
1778 — 1845

65

Пис. Изабе, 1818 — Peint par Isabey, 1818

Княгиня Варвара Алексѣевна Репнина-Волконская,
1778 — 1869

La Princesse Varvara Alexéewna Repnine-Wolkonsky,
1778 — 1869

Княгиня АННА ПЕТРОВНА ГАГАРИНА, 1777—1805, дочь сенатора Петра Васильевича Лопухина и первой его жены, Прасковьи Ивановны, Левшиной, родилась 8 Ноября 1777 г. Въ дѣтствѣ лишившись матери, она воспитывалась подъ наблюденіемъ мачехи, Екатерины Николаевны, рожденной Шетневой, женщины малообразованной и далеко не безукоризненной репутаціи. Не будучи въ строгомъ смыслѣ красавицей, небольшого роста и не граціозная, Анна Петровна Лопухина имѣла очаровательную головку, съ огненными черными глазами, черные какъ смоль волосы и брови, прелестный ротъ и ослѣпительной бѣлизны зубы, и чрезвычайно мягкое и доброе выраженіе лица; немного портилъ ее только неправильной формы носъ. Появленіе ея въ 1797 г. на торжествахъ въ Москвѣ, по случаю коронаціи Императора Павла, сопровождалось большимъ успѣхомъ и остановило на ней вниманіе Государя. Этимъ не замедлила воспользоваться придворная партія, которая, съ Кутайсовымъ во главѣ, преслѣдуя личныя выгоды, стремилась отдалить Императора отъ фрейлины Нелидовой и ослабить вліяніе Императрицы. Государю шепнули, что молодая Лопухина „потеряла отъ него голову“, и этимъ усилили произведенное ею на него впечатлѣніе. Возникъ вопросъ о приглашеніи семейства Лопухиныхъ въ Петербургъ, и Кутайсовъ взялъ на себя роль „негоціатора“ въ этомъ дѣлѣ. Переговоры его съ отцомъ и мачехою Анны Петровны привели къ желаемому результату и, несмотря на противодѣйствіе Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Лопухины переселились въ 1798 г. въ Петербургъ, и все семейство было щедро осыпано царскими милостями. Анна Петровна назначена была камеръ-фрейлиной, мачеха ея была пожалована въ статсъ-дамы, а отецъ назначенъ генералъ-прокуроромъ, членомъ Государственнаго Совѣта и возведенъ 19 Января 1799 г. въ княжеское достоинство со всѣмъ нисходящимъ потомствомъ, а 22 Февраля получилъ титулъ свѣтлости и гербъ съ девизомъ „благодать“ (русскій переводъ еврейскаго слова „Анна“). Должность камеръ-фрейлины обязывала Анну Петровну постоянно находиться въ свитѣ Императрицы и сопровождать царскую фамилію во всѣ загородныя резиденціи, гдѣ ей отводилось особое помѣщеніе. Благодаря этому, Императоръ могъ видѣться съ нею ежедневно. Анна Петровна не только не раздѣляла его чувствъ, но даже рѣшилась объявить ему, что она давно уже любитъ князя Павла Гавриловича Гагарина. Въ порывѣ рыцарскаго великодушія Императоръ тотчасъ же вызвалъ его изъ Италіи, гдѣ онъ состоялъ въ чинѣ маіора при арміи Суворова, произвелъ его въ генералъ-адъютанты и далъ свое согласіе на бракъ съ Лопухиной. Свадьба, однако, долго откладывалась и состоялась лишь 8 Февраля 1800 г., въ присутствіи Императора и всего двора. Чувства Императора къ княгинѣ Гагариной не измѣнились и послѣ ея замужества, и это давало поводъ къ постояннымъ сценамъ и ссорамъ между ними.

До самой своей смерти Павелъ не измѣнилъ своей страсти къ княгинѣ Гагариной; былъ искренно привязанъ къ ней, считалъ ее единственнымъ своимъ другомъ и отдыхалъ у нея отъ занятій и волновавшихъ его треволненій. Именемъ ея назывались корабли; это же имя красовалось на знаменахъ гвардіи. 25 лѣтъ отъ роду княгиня Гагарина была уже статсъ-дамой и кавалерственной дамой ордена Св. Великомученицы Екатерины I класса и ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, который до нея имѣла лишь одна женщина, графиня Литта, рожденная Эттельгардъ.

Замѣчательный тактъ и скромность, никогда ее не покидавшіе, несомнѣнно облегчили княгинѣ Гагариной ея трудное положеніе въ свѣтѣ и при дворѣ. Княгиня Гагарина, рожденная, какъ кажется, болѣе для тихой семейной жизни, всегда старалась держаться въ сторонѣ отъ придворныхъ интригъ. Вліяніе ея на Императора сказывалось лишь въ раздачѣ почестей и наградъ и представительствѣ за впадавшихъ въ немилость лицъ; но и тутъ, не обладая ни достаточнымъ умомъ, ни образованіемъ, она дѣйствовала не убѣжденіемъ, а прибѣгала къ чисто дѣтскимъ уловкамъ, плакала и дулась, пока не достигала желаемаго.

По воцареніи Александра I, князь П. Г. Гагаринъ былъ назначенъ посланникомъ при дворѣ короля Сардинскаго, и княгиня Анна Петровна послѣдовала за мужемъ въ Италію, гдѣ они пробыли два года. 25 Апрѣля 1805 г. княгиня Гагарина скончалась отъ чахотки, послѣ родовъ, всего 28 лѣтъ отъ роду. Тѣло ея было предано землѣ въ Петербургѣ, въ Лазаревой церкви Александро-Невской лавры.

(Съ миніатюры, принадлежащей Ф. А. Головину, Москва.)

La princesse ANNE PETROWNA GAGARINE, 1777—1805, fille du sénateur Pierre Vassiliewitch Lopoukhine et de sa première femme, née Levschine, naquit le 8 novembre 1777. Toute jeune encore elle perdit sa mère et fut élevée par la seconde femme de son père, Catherine Nicolaiewna, née Chetneff, personne de peu d'éducation et de réputation fort douteuse. Pas grande de taille et peu gracieuse, Mlle Lopoukhine n'était pas une beauté dans le vrai sens du mot, mais elle avait une tête ravissante, une chevelure d'un noir d'ébène avec un reflet bleuâtre, de beaux yeux noirs pleins de feu, une bouche charmante avec des dents magnifiques et quelque chose de doux et de suave dans l'expression de toute sa figure; la seule chose qui la gâtait c'était son nez malfait. L'apparition de M-lle Lopoukhine dans le monde de Moscou, en 1797, aux fêtes du couronnement de l'Empereur Paul, fit sensation et attira sur elle l'attention de Paul. Ce fut assez pour que le comte Koutaïssoff, favori de l'Empereur et à la tête d'un parti de la Cour qui cherchait à l'éloigner de Mlle Nélidoff et à diminuer l'influence de l'Impératrice sur son époux, formât le plan de mettre à profit l'impression que Mlle Lopoukhine semblait produire sur le Souverain. Tout fut mis en œuvre pour que cette impression ne s'effaçât point, et on persuada à l'Empereur que la jeune fille „était folle de lui". Koutaïssow se chargea d'entrer en pourparlers avec Mme Lopoukhine et de transmettre à son mari l'invitation de venir s'établir à Pétersbourg, et sut amener cette délicate négociation à bonne fin malgré l'opposition de l'Impératrice. L'année suivante, les Lopoukhine arrivèrent à Pétersbourg et furent comblés de marques de faveur. Mlle Lopoukhine fut prise à la Cour, sa belle-mère nommée dame d'honneur, et son père reçut la charge de procureur général. Le 19 janvier 1799, il fut créé prince avec sa descendance et un mois après reçut le titre d'Altesse Sérénissime avec un blason portant la devise „Blagodat", traduction russe du nom hébreu Anna. Mlle Lopoukhine, grâce à ses fonctions de demoiselle d'honneur du Palais, ne quittait plus la Cour, qu'elle devait suivre dans tous ses déplacements, et l'Empereur, qui trouvait de plus en plus de plaisir dans sa société, pouvait la voir journellement. Loin de se plaire aux assiduités du Souverain, Mlle Lopoukhine ne tarda pas à lui avouer que son cœur n'était pas libre et qu'à son tour elle était aimée par le prince P. G. Gagarine qui se trouvait en Italie avec l'armée de Souvoroff. Dans un élan de générosité chevaleresque, Paul le fit revenir immédiatement à Pétersbourg, l'éleva du rang de major à celui d'aide de camp général et donna son consentement au mariage avec Mlle Lopoukhine. La noce, souvent remise, ne fut célébrée que six mois plus tard, le 8 février 1800, en présence de l'Empereur et de toute la Cour. Rien ne changea pourtant ni dans les sentiments de l'Empereur pour la jeune femme ni dans sa manière d'être vis-à-vis du Souverain, ce qui occasionnait des scènes et des bouderies continuelles.

Cette passion ne se démentit pas chez l'Empereur Paul jusqu'à sa mort; sincèrement attaché à la princesse Gagarine, il voyait en elle son unique amie et venait se délasser chez elle de ses travaux et des soucis qui le harcelaient. Son nom fut donné à des vaisseaux et brodé sur les étendards de la Garde. A l'âge de 23 ans, la princesse Gagarine possédait toutes les distinctions honorifiques auxquelles pouvaient aspirer les dames de la Cour de Russie, étant dame d'honneur et ayant la cocarde de l'ordre de Ste-Catherine de 1re classe et la croix de l'ordre de St-Jean-de-Jérusalem qui n'avait été conférée jusque-là parmi les dames qu'à la comtesse Litta, née Engelhardt.

Devant ce culte si manifestement proclamé, la princesse Gagarine fit preuve d'un tact et d'une réserve qui atténuèrent de beaucoup les difficultés de sa position à la Cour. Ne pouvant briller ni par son esprit, ni par sa culture, n'étant ni vaine, ni ambitieuse, la princesse Gagarine semblait plutôt créée pour la vie de famille et se tenait loin des intrigues de la Cour; on n'avait recours à son influence sur l'Empereur que lorsqu'il s'agissait d'obtenir quelque faveur ou le pardon de quelqu'un qui avait encouru la disgrâce du Souverain. Là même elle employait des moyens de persuasion purement enfantins: c'est par des larmes et des bouderies qu'elle obtenait ce qu'elle désirait.

A l'avènement d'Alexandre Ier, le prince Gagarine fut nommé ministre de Russie à la cour du roi de Sardaigne; sa femme le suivit en Italie où ils passèrent deux ans. Elle mourut de la phtisie à Vienne, le 25 avril 1805, à la suite de couches, à l'âge de 28 ans seulement. Son corps fut enterré à Pétersbourg à l'église Saint-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après une miniature appartenant à Th. A. Golovine, à Moscou.)

Князь ПАВЕЛЪ ГАВРИЛОВИЧЪ ГАГАРИНЪ, 1777—1850, генералъ-адъютантъ, сынъ дѣйств. тайн. совѣтника князя Гавріила Петровича и княгини Прасковьи Федоровны, рожденной Воейковой, на 3-мъ году былъ записанъ въ сержанты Преображенскаго полка, а въ 1799 году былъ уже майоромъ. Князь Гагаринъ обязанъ своимъ возвышеніемъ расположенію княжны Анны Петровны Лопухиной, особы, къ которой Императоръ Павелъ воспылалъ сильной и продолжительной страстью послѣ охлажденія къ Нелидовой. Чуждая честолюбивыхъ стремленій, дѣвушка скромная, съ мечтательнымъ характеромъ, Лопухина тяготилась исключительнымъ вниманіемъ Государя, и когда Павелъ сдѣлался слишкомъ требовательнымъ, призналась ему, что ея сердце принадлежитъ князю Гагарину, бывшему тогда на войнѣ въ Италіи. Павелъ предписалъ Суворову прислать Гагарина курьеромъ съ извѣстіемъ о ближайшей побѣдѣ, что и было исполнено послѣ битвы при Требіи. Князь былъ произведенъ въ полковники, затѣмъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты и командоры Мальтійскаго ордена, а 8 Февраля 1800 года обвѣнчался съ Лопухиной. Выгоды положенія, повидимому, искупали въ глазахъ Гагарина послѣдующую близость жены къ Императору, неудержавшемуся на положеніи безупречнаго рыцаря, и Гагаринъ называлъ жену „своей благодѣтельницею“. Въ началѣ царствованія Александра I Гагаринъ былъ назначенъ посланникомъ при королѣ Сардинскомъ и оставался на этомъ посту до 1803 года. Въ 1805 г. онъ лишился жены, въ 1808 г. сопровождалъ Государя на Эрфуртское свиданіе, въ 1809 г.—въ Финляндію, въ 1812 г. назначенъ директоромъ Инспекторскаго департамента, а въ 1814 г. вышелъ въ отставку. Объ отношеніяхъ Гагарина къ женѣ послѣ смерти Павла I существуютъ разнорѣчивыя извѣстія. Какъ бы то ни было, но смерть жены сдѣлала Гагарина оригиналомъ. Онъ заперся въ своемъ домѣ на Дворцовой набережной, а выходя на улицу, подбиралъ больныхъ и увѣчныхъ собакъ, которыя наполняли его домъ, лежали по диванамъ и кресламъ. Цѣлая комната была наполнена летающими на свободѣ птицами, а голубей и галокъ онъ кормилъ ежедневно съ балкона въ опредѣленные часы. О внѣшности своей онъ пересталъ заботиться: съ ермолкой на лысой головѣ, въ старомъ халатѣ прогуливался онъ по улицамъ въ сопровожденіи ливрейнаго лакея. Онъ не чуждъ былъ литературы: печаталъ стихи въ „Вѣстникѣ Европы“ Жуковскаго и написалъ замѣтки о своемъ пребываніи въ Финляндіи въ 1809 году. Будучи библіофиломъ, собралъ большую библіотеку, въ которой было много рѣдкостей и всѣ вновь выходившія книги.

Въ 1831 году, 24 Мая, Гагаринъ женился на балеринѣ Маріѣ Ивановнѣ Спиридоновой, отъ которой имѣлъ двухъ дочерей: Александру († въ молодости) и Наталію (р. 13 Февр. 1837 г.; за Жеребцовымъ). Послѣ женитьбы онъ измѣнилъ прежній образъ жизни, оставилъ свое уединеніе, завелъ охоту... Умеръ 2 Апрѣля 1850 года и погребенъ въ Лазаревой церкви Александро-Невской лавры.

(Съ миніатюры, принадлежащей Ф. А. Головину, Москва.)

67

Le prince PAUL GAVRILOWITCH GAGARINE, 1777—1850, général-adjudant, fils du conseiller privé actuel prince Gabriel Pétrowitch et de la princesse Prascovie Féodorowna, née Voéikoff, fut, dès sa troisième année, enrôlé sergent au régiment Préobragensky, et, en 1799, était déjà major. Le prince Gagarine dut son élévation à la bienveillance de la princesse Anne Pétrowna Lopoukhine, pour laquelle l'Empereur Paul brûlait d'une vive et longue passion depuis son refroidissement avec Mlle Nélidoff. Exempte de visées ambitieuses, modeste et d'un caractère rêveur, Mlle Lopoukhine se sentit gênée de l'attention exclusive du Souverain, et, quand Paul devint trop pressant, elle lui révéla que son cœur appartenait au prince Gagarine, qui était alors à la guerre en Italie. Paul prescrivit à Souvoroff d'envoyer Gagarine en courrier avec la nouvelle de la première victoire, ce qui fut fait après la bataille de la Trébie. Le prince fut promu colonel, puis fait général-adjudant et commandeur de l'ordre de Malte, et, le 8 février 1800, il épousa Mlle Lopoukhine. Les avantages de la position compensèrent sans doute aux yeux de Gagarine l'intimité ultérieure de sa femme et de l'Empereur, qui ne sut pas garder la réserve d'un chevalier sans reproche, et Gagarine appelait sa femme „sa bienfaitrice". Au début du règne d'Alexandre Ier, Gagarine fut envoyé comme ambassadeur près du Roi de Sardaigne et conserva ce poste jusqu'en 1803. En 1805, il perdit sa femme, en 1808, accompagna l'Empereur à l'entrevue d'Erfurt, en 1809, en Finlande, en 1812, fut nommé directeur du Département de l'inspection, et, en 1814, prit sa retraite. Sur l'attitude de Gagarine à l'égard de sa femme après la mort de Paul Ier, on n'a que des données contradictoires. Quoi qu'il en soit, la mort de la princesse fit prendre à Gagarine des allures bizarres; il s'enferma dans sa maison du quai du Palais, dont il ne sortait que pour ramasser dans la rue les chiens malades et infirmes: il y en avait plein sa maison, couchés sur les divans et les fauteuils. Il avait toute une pièce remplie d'oiseaux en liberté, et tous les jours à heure fixe donnait à manger sur son balcon aux pigeons et aux corbeaux. Il cessa de prendre soin de sa personne: une calotte sur sa tête chauve, vêtu d'une vieille robe de chambre, il sortait accompagné d'un domestique en livrée. Il n'était pas sans s'occuper de littérature: il fit paraître des vers dans le „Messager d'Europe" de Joukowsky, et des notes sur son séjour en Finlande en 1809. Bibliophile, il réunit une grande bibliothèque, qui contenait nombre d'ouvrages rares et toutes les nouveautés.

En 1831, le 24 mai, Gagarine épousa une danseuse, Marie Ivanowna Spiridonoff, dont il eut deux filles, Alexandrine, morte petite, et Natalie, née le 13 février 1837, mariée plus tard à Jérebtzoff. Après son mariage, il changea de manière de vivre, renonça à son isolement, se fit une chasse.... Il mourut le 2 avril 1850 et fut enseveli à l'église Saint-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après une miniature appartenant à Th. A. Golovine, à Moscou.)

68

Князь АРКАДІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ СУВОРОВЪ, 1780—1811, генералъ-адъютантъ, единственный сынъ генералиссимуса и княгини Варвары Ивановны, рожд. княжны Прозоровской, родился 4 Августа 1780 г. Дѣтство его протекло въ неблагопріятной обстановкѣ для воспитанія, находившагося или въ рукахъ неумѣлыхъ, или чужихъ. Поссорившіеся родители жили отдѣльно, и сынъ сначала жилъ у матери, женщины необразованной и своенравной, а затѣмъ отданъ былъ на попеченіе сестры, знаменитой „Суворочки", въ 1794 г. вышедшей замужъ за гр. Н. А. Зубова; послѣ же ссоры отца съ этимъ послѣднимъ помѣщенъ къ графу Хвостову, мужу племянницы Суворова. Самому великому полководцу некогда было заботиться о воспитаніи сына, который къ тому же и не пользовался особенной любовью отца. Пожалованный 14 лѣтъ въ камергеры, въ 1799 г. молодой Суворовъ былъ посланъ въ Италію „учиться у отца побѣдамъ", и совершилъ кампаніи Итальянскую и Швейцарскую. При Александрѣ I онъ быстро достигъ чина генералъ-лейтенанта, званія генералъ-адъютанта и командовалъ дивизіей. Онъ велъ безпорядочный образъ жизни: игра въ карты, кутежи и разныя проказы создали ему самую печальную репутацію; окружающіе пользовались его добротой и обирали его, такъ что отъ большого состоянія, полученнаго имъ послѣ отца, осталось всего $1\frac{1}{2}$ тысячи душъ. Несмотря на эти темныя стороны его жизни, его происхожденіе и душевныя качества дѣлали его любимцемъ офицеровъ и солдатъ. Высокій и стройный бѣлокурый красавецъ, обладавшій звучнымъ голосомъ и громадной физической силой, онъ не зналъ страха и отличался смѣлостью и самой беззавѣтной храбростью. Честный и прямодушный, онъ былъ одаренъ прекрасными способностями, его природный ясный умъ проявлялся въ остроуміи и мѣткихъ сужденіяхъ. Суворовъ утонулъ 13 Апрѣля 1811 г. при переправѣ чрезъ рѣку Рымникъ, давшую вторую фамилію его отцу. Его ранняя, трагическая смерть вызвала всеобщія сожалѣнія; отъ него можно было ожидать многаго. Онъ былъ женатъ на Еленѣ Александровнѣ Нарышкиной и имѣлъ 2 сыновей и 2 дочерей.

(Съ миніатюры, принадлежащей князю В. С. Оболенскому-Нелединскому-Мелецкому, С.-Петербургъ.)

68

Le prince ARCADE ALEXANDROWITCH SOUVOROFF, 1780—1811, général-aide-de-camp, fils unique du généralissime et de la princesse Varvara Ivanowna, née princesse Prozorowsky, naquit le 4 août 1780. Son enfance s'écoula dans des conditions peu favorables pour son éducation, confiée aux soins d'inhabiles ou d'étrangers. Les parents s'étant brouillés et vivant séparément, l'enfant resta d'abord avec sa mère, personne peu cultivée et fantasque, puis fut confié à sa sœur, la célèbre „Souvorotchka", qui épousa, en 1794, le comte N. A. Zouboff; à la suite de la brouille de son père avec celui-ci, on le plaça chez le comte Khvostoff, mari d'une nièce de Souvoroff. Le grand capitaine n'avait pas le temps de s'occuper lui-même de l'éducation de son fils, pour lequel d'ailleurs il n'avait pas une affection particulière. Chambellan à 14 ans, le jeune Souvoroff fut envoyé en Italie pour „apprendre à vaincre avec son père", et fit les campagnes d'Italie et de Suisse. Sous le règne d'Alexandre Ier, il obtint rapidement le rang de général-lieutenant, le grade de général-aide-de-camp et le commandement d'une division. Il menait une vie désordonnée: sa passion pour le jeu, ses débauches et ses diverses frasques lui valurent la plus triste réputation; son entourage abusait de sa bonté pour le dépouiller, de sorte que, de la grosse fortune laissée par son père, il ne resta pas plus d'un millier et demi de têtes de paysans. Malgré ces côtés désavantageux, son origine et ses qualités lui conciliaient l'amitié des officiers et des soldats. Beau blond, grand et bien fait, doué d'une voix sonore et d'une force colossale il ne connaissait pas la peur et se distinguait par son caractère audacieux et sa bravoure à toute épreuve. Honnête et droit, il était doué de brillantes capacités; la lucidité naturelle de son intelligence se traduisait en observations spirituelles et en jugements pleins de justesse. Souvoroff se noya, le 13 avril 1811, en traversant le Rymnik, la rivière dont son père avait ajouté le nom au sien. Sa fin tragique et prématurée excita les regrets de tous: il donnait de grandes espérances. Il avait épousé Hélène Alexandrowna Narychkine, dont il eut deux fils et deux filles.

(D'après une miniature appartenant au prince V. Obolensky-Nélédinsky-Méletzky, à St-Pétersbourg.)

ПЕТРЪ МАТВѢЕВИЧЪ КАРАБАНОВЪ (?), 1769—1829, сынъ полковника Матвѣя Михайловича и Анны Дмитріевны, рожд. Погожиной-Отрошкевичъ, родился 1 Января 1769 г. въ Смоленскѣ; воспитывался въ домѣ епископа Смоленскаго Парѳенія, затѣмъ у Платона, епископа Тверского, которымъ опредѣленъ сначала въ Тверскую семинарію (1777 г.), а затѣмъ въ Троицко-лаврскую семинарію; образованіе свое закончилъ въ Московскомъ университетѣ (1782—1785 гг.), по выходѣ изъ котораго поступилъ на службу въ канцелярію П. П. Бецкаго при конторѣ строенія Императорскихъ домовъ и садовъ, а въ 1789 г. перешелъ аудиторомъ въ Нарвскій карабинерный полкъ и опредѣлился въ канцелярію князя Потемкина, гдѣ занимался перепискою по секретнымъ дѣламъ и допросами плѣнныхъ турокъ и дезертировъ. Находясь при Потемкинѣ, Карабановъ принималъ участіе въ Турецкой войнѣ и былъ въ 1789 г. въ сраженіи при Каушанахъ и при взятіи Аккермана и Бендеръ, а въ 1790 и 1791 гг. сопровождалъ князя Таврицы по Молдавіи и Бессарабіи. По смерти Потемкина (на кончину котораго онъ сочинилъ „Надгробную пѣснь“) Карабановъ перешелъ на службу въ Кабинетъ Ея Величества (1792 г.) и въ концѣ 1790-хъ гг. состоялъ при канцлерѣ Безбородко, до самой его смерти. Въ вѣдомствѣ Кабинета онъ прослужилъ около 30 лѣтъ, долгое время занимая должность начальника архива этого учрежденія; въ 1828 г. вышелъ въ отставку и умеръ въ Петербургѣ 19 Апрѣля 1829 г., въ чинѣ дѣйств. статскаго совѣтника.

Начавъ свою литературную дѣятельность въ 1786 г. сотрудничествомъ въ „Зеркалѣ Свѣта“ и другихъ журналахъ конца XVIII в., Карабановъ написалъ много напыщенныхъ одъ на разные случаи, что дало поводъ Воейкову въ своемъ „Парнасскомъ календарѣ“ назвать его „имепишнымъ стихотворцемъ, долженствующимъ всегда имѣть въ запасѣ нѣсколько пѣсенъ на рожденіе, крещеніе, бракосочетаніе и кончину знатныхъ особъ обоего пола“. Ничѣмъ не выдаваясь изъ рядовъ скромной посредственности, сочиненія Карабанова, оригинальныя и переводныя (изд. особ. сборникомъ въ 1801 г.), пріобрѣли ему, однако, нѣкоторую извѣстность среди литераторовъ старой школы, цѣнившихъ особенно его переводъ Вольтеровой „Альзиры“; эта извѣстность послужила основаніемъ къ избранію его, 7 Февраля 1803 г., въ члены Россійской академіи. Осмѣиваемый писателями новаго направленія (Батюшковъ, кн. Вяземскій, Пушкинъ и др.), Карабановъ принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ Россійской академіи за время президентства Шишкова, по предложенію котораго былъ принятъ въ члены Бесѣды любителей русскаго слова.

Былъ женатъ съ 1793 г. на Александрѣ Епафродитовнѣ Станкевичъ, отъ которой имѣлъ сына и дочь (за Леонтьевымъ,—мать извѣстнаго писателя-публициста К. Леонтьева, умершаго монахомъ).

(На миніатюрѣ, на оборотѣ рамки, написано: „Петръ Матвѣевичъ Карабановъ. Дѣдъ мой по матери; братъ (?) старинному поэту того же времени“. На другой, совершенно одинаковой миніатюрѣ, тою же рукою сдѣлана надпись: „бабушка моя по матери Александра Епафродитовна Карабанова, урожденная Станкевичъ“.)

(Съ миніатюры изъ собранія А. А. Бахрушина, Москва.)

PIERRE MATVÉEWITCH KARABANOFF (?), 1769—1829, fils du colonel Mathieu Mikhaïlowitch et d'Anne Dmitriewna, née Pogojine-Otrochkewitch, naquit le 1er janvier 1769 à Smolensk; il fut élevé chez Parthène, évêque de Smolensk, puis chez Platon, évêque de Tver, qui le mit d'abord au séminaire de Tver (1777), puis à celui du monastère Troïtzky. Il acheva son éducation à l'université de Moscou, au sortir de laquelle il prit du service à la chancellerie de Betzky pour la construction des maisons et jardins de l'Empereur. En 1789, il passa auditeur au régiment des carabiniers de Narva, et entra à la chancellerie du prince Potemkine, où il fit la correspondance pour les affaires secrètes et les interrogatoires des prisonniers et déserteurs turcs. Il prit part, aux côtés de Potemkine à la campagne de Turquie, fut, en 1789, à la bataille de Kaouchany et à la prise d'Akkermann et de Bender, et, en 1790—1791, suivit le prince de Tauride en Moldavie et en Bessarabie. Après la mort de Potemkine, à l'occasion de laquelle il composa un „Chant funèbre", Karabanoff passa au Cabinet de S. M. l'Impératrice (1792), et, à la fin des années 90, à la chancellerie de Bezborodko dont il fit partie jusqu'à la mort de celui-ci. Il était resté près de trente ans dans l'administration du Cabinet dont il fut longtemps directeur des archives. Il prit sa retraite en 1828 et mourut à Pétersbourg le 19 avril 1829, ayant rang de conseiller d'état actuel.

Il débuta dans la carrière littéraire, en 1786, comme collaborateur du „Miroir du monde" et d'autres revues de la fin du XVIIIe siècle et composa à diverses occasions nombre d'odes ronflantes, ce qui le fit appeler par Voéïkoff dans son „Calendrier du Parnasse" un „rimeur d'anniversaires, obligé d'avoir toujours en réserve un certain nombre de pièces pour les naissances, baptêmes, mariages et décès des personnes de qualité des deux sexes". Sans dépasser en rien le niveau d'une modeste médiocrité, les œuvres de Karabanoff, originaux et traductions (publiées à part en 1801), lui valurent pourtant parmi les littérateurs de la vieille école, qui goûtaient particulièrement sa traduction de „l'Alzire" de Voltaire, un certain renom, qui contribua à lui faire ouvrir les portes de l'Académie russe, le 7 février 1803. Tourné en ridicule par les écrivains de la nouvelle école, Batiouchkoff, le prince Viazemsky, Pouchkine et d'autres, Karabanoff participa activement aux travaux de l'Académie sous la présidence de Chichkoff, sur la proposition duquel il fut reçu membre du Cercle des Amateurs des lettres russes.

Il épousa, en 1793, Alexandrine Epaphroditowna Stankewitch, dont il eut un fils et une fille, qui devint Mme Léontieff, la mère du célèbre écrivain et publiciste K. Léontieff, mort dans les ordres.

(La miniature porte derrière le cadre l'inscription: „Pierre Matvéewitch Karabanoff. Mon grand-père maternel; frère (?) du vieux poète de ce temps". Une autre miniature, tout à fait pareille, porte, tracée par la même main, l'inscription: „Ma grand'mère maternelle, Alexandrine Epaphroditowna Karabanoff, née Stankewitch".)

(D'après une miniature de la collection Bakhrouchine, à Moscou.)

66

Княгиня Анна Петровна Гагарина,
1777 — 1805

La Princesse Anne Pétrowna Gagarine,
1777 — 1805

67

Князь Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ,
1777 — 1805

Le Prince Paul Gavrilowitch Gagarine,
1777 — 1805

68

Князь Аркадій Александровичъ Суворовъ,
1780 — 1811

Le Prince Arkade Alexandrowitch Souvoroff,
1780 — 1811

69

Петръ Матвѣевичъ Карабановъ (?),
1769 — 1829

Pierre Matvéewitch Karabanoff (?),
1769 — 1829

Графиня ДАРЬЯ ПЕТРОВНА САЛТЫКОВА, 1759—1802, дочь графа Петра Григорьевича Чернышева (1712—1773), многими считавшагося за сына Петра Великаго. Мать ея, графиня Екатерина Андреевна, рожденная Ушакова, была дочь извѣстнаго начальника Тайной канцеляріи при Биронѣ, впослѣдствіи графа, Андрея Ивановича Ушакова. Графиня Дарья Петровна провела молодость за границей, гдѣ отецъ ея много лѣтъ былъ посланникомъ при датскомъ, берлинскомъ и англійскомъ дворахъ и посломъ въ Парижѣ. Тамъ она получила то блестящее воспитаніе, которое поставило ее, а также сестру ея, княгиню Наталью Петровну Голицыну, извѣстную подъ названіемъ „Princesse Moustache“, въ ряду образованнѣйшихъ русскихъ женщинъ конца XVIII вѣка. Выйдя замужъ за графа Ивана Петровича Салтыкова, она заняла выдающееся положеніе въ свѣтѣ, чему много способствовала ея крайне самобытная личность. Будучи женщиной самой строгой добродѣтели и стоя неизмѣримо выше мужа по уму и нравственнымъ качествамъ, она снисходительно, съ оттѣнкомъ презрѣнія, относилась къ его многочисленнымъ любовнымъ похожденіямъ, никогда не унижаясь до ревности. Мужъ платилъ ей глубокою привязанностью и уваженіемъ и былъ неутѣшенъ въ ея смерти. Она сама занималась воспитаніемъ своихъ дочерей, изъ коихъ старшая, Прасковья, вышла замужъ за сенатора, П. В. Мятлева, а младшая, Анна, за графа Г. В. Орлова; вторая дочь ея, Елизавета, умерла дѣвицей. Любимцемъ ея былъ младшій изъ дѣтей, единственный сынъ, графъ Петръ Ивановичъ, пожертвовавшій въ 1812 г. значительной частью своего состоянія на вооруженіе цѣлаго полка, названнаго Салтыковскимъ. Графиня Салтыкова скончалась отъ разстройства желудка въ 1802 г., по пути въ Москву на станціи Хотилово, возвращаясь съ мужемъ изъ Петербурга.

Высокаго роста, представительная, съ мужскими манерами, она своею величественною наружностью нѣсколько напоминала Екатерину. Многіе упрекали ее въ надменности, что отчасти объясняется ея молчаливостью въ обществѣ вслѣдствіе недостаточнаго, благодаря заграничному воспитанію, знакомства съ русскимъ языкомъ, который не былъ еще вытѣсненъ французскимъ изъ гостиныхъ большого свѣта. „Она соединяла въ себѣ“, по отзыву Вигеля, „всю важность русскихъ боярынь до-петровскаго времени, съ утонченною вѣжливостью и непринужденностью обращенія придворныхъ дамъ версальскаго двора“. Графиня Салтыкова пользовалась большимъ значеніемъ въ свѣтѣ и при дворѣ, и извѣстна была независимостью и подчасъ рѣзкостью своихъ сужденій. 2 Сентября 1793 г., въ день торжества по случаю заключенія мира съ Портою, Салтыкова пожалована была въ статсъ-дамы, а въ коронацію Павла I получила орденъ Св. Екатерины I класса.

Въ бытность графа П. П. Салтыкова Московскимъ генералъ-губернаторомъ, домъ Салтыковыхъ представлялъ подобіе маленькаго двора. Съ большимъ участіемъ отнеслась графиня Дарья Петровна къ пріѣхавшей въ Москву талантливой французской портретисткѣ Г-жѣ Виже-Лебренъ, доставила ей много заказовъ и интересовалась ея работами, посѣщая ея мастерскую. Лѣто графиня Салтыкова проводила въ подмосковномъ имѣніи мужа Марьинѣ; устраиваемыя ею тамъ празднества, продолжавшіяся нѣсколько дней, не уступали въ роскоши ея московскимъ баламъ. Особенно славились любительскіе спектакли въ Марьинѣ; давались на нихъ французскія комедіи Мариво, а также оперы, русскія и французскія. На одномъ изъ этихъ представленій была дана пьеса подъ названіемъ „Только для Марьюшки“, и въ числѣ гостей присутствовалъ авторъ ея, Карамзинъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей Императорскому Эрмитажу.)

La comtesse DARIA PÉTROWNA SALTYKOFF, 1739—1802, était l'aînée des trois filles du comte Pierre Tchernycheff (1712—1775), ministre de Russie à Copenhague, Berlin et Londres, ambassadeur à Paris, marié à Catherine Ouchakoff, fille du fameux chef de la chancellerie secrète de Biron. Née en 1739, la comtesse Daria Pétrowna passa sa première jeunesse à l'étranger et y reçut une brillante éducation qui la mit, ainsi que sa sœur, la princesse Natalie Golitzine, connue dans le monde sous le sobriquet de „Princesse Moustache", au nombre des femmes les plus instruites de la Cour de Catherine II. Par son mariage avec le comte Ivan Pétrowitch Saltykoff, la comtesse Daria Pétrowna acquit une position élevée dans le monde. Femme d'une grande vertu, très supérieure à son mari par son intelligence et ses qualités morales, elle n'ignorait pas les faiblesses de son époux. De son côté, il lui était profondément attaché et sa mort le laissa inconsolable. Elle s'occupa elle-même de l'éducation de son fils unique, le comte Pierre, et de ses filles, et sut leur inculquer les principes de haute moralité qui la guidaient elle-même. L'aînée de ses filles, Prascovie, épousa le sénateur P. W. Miatleff, et la plus jeune, Anne, le comte G. V. Orloff; la cadette, Elisabeth, resta demoiselle. La comtesse Saltykoff mourut en 1802 d'un dérangement d'estomac, à la station de Khotilovo, près de Moscou, en revenant avec son mari d'un voyage à Pétersbourg.

La comtesse Daria Pétrowna Saltykoff était une personnalité marquante dans la haute société russe de son temps. Grande de taille, d'allure imposante et de manières un peu viriles, elle rappelait par son aspect majestueux l'Impératrice Catherine. D'aucuns lui reprochaient sa hauteur, prenant pour de la morgue le mutisme qu'elle gardait souvent dans une société nombreuse; mais cette réserve s'explique aisément par le fait qu'élevée à l'étranger, elle ne possédait pas à fond la langue russe, que le français n'avait pas supplantée encore dans les salons. Elle réunissait en elle, comme l'a justement observé un chroniqueur du temps, la gravité innée des épouses d'anciens boyards russes à la grâce et l'élégance des femmes de Versailles. La comtesse Saltykoff jouissait d'une grande considération dans le monde et à la Cour et était connue pour l'indépendance de ses actions et ses jugements parfois un peu brusques. Le 2 septembre 1793, à l'occasion de la signature de la paix avec la Turquie après une guerre où son mari s'était distingué, la comtesse Saltykoff fut nommée dame d'honneur; au couronnement de Paul, elle se vit conférer la croix de l'ordre de Ste-Catherine de 1re classe.

A l'époque où I. P. Saltykoff était général-gouverneur de Moscou, sa maison de Moscou offrait l'image d'une petite cour. La comtesse eut de grandes bontés pour Mme Vigée Lebrun, la célèbre portraitiste, et, pendant son séjour à Moscou, lui procura de nombreuses commandes, lui fit faire les portraits de ses filles, s'intéressant à ses travaux et venant la voir dans son atelier. La comtesse Saltykoff passait les étés aux environs de Moscou dans la campagne de Marfino, domaine seigneurial des Saltykoff, qui devenait alors le rendez-vous de toutes les élégances. Les fêtes qu'elle y donnait ne le cédaient en rien à ses bals de Moscou. On y jouait souvent la comédie, en plein air ou dans un théâtre érigé dans le jardin. A ces spectacles de société on représentait des comédies de Marivaux, voire même des opéras, russes et français. A l'un de ces spectacles fut donnée une pièce écrite pour la circonstance par le célèbre historien russe Karamzine, qui assista à la représentation.

(D'après une miniature de l'Ermitage Impérial.)

Графъ ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ, 1730—1805, сынъ фельдмаршала графа Петра Семеновича Салтыкова и гр. Прасковьи Юрьевны, рожд. княжны Трубецкой, въ 1745 г. поступилъ на службу въ гвардію, состоялъ нѣкоторое время при дворѣ въ званіи камеръ-юнкера, и въ 1760 г. выпущенъ въ армію бригадиромъ. Участвуя въ Семилѣтней войнѣ, онъ произведенъ былъ въ генералъ-маіоры, получилъ въ 1762 г. отъ Петра III орденъ Св. Анны 2 ст., а въ коронацію Екатерины—Александровскую ленту. Въ первую Турецкую войну, въ чинѣ генералъ-поручика, подъ знаменами Румянцева участвовалъ во взятіи Хотина и въ битвѣ при Кагулѣ, начальствуя тяжелой кавалеріей, обратилъ на себя вниманіе своей храбростью и награжденъ Георгіемъ 2 ст. и золотою шпагою съ алмазами. По окончаніи войны командовалъ корпусомъ въ Польскихъ провинціяхъ, а въ 1784 г. назначенъ былъ генералъ-адъютантомъ и генералъ-губернаторомъ Владимирскаго и Костромского намѣстничествъ. Въ 1788 г. возобновившаяся война съ Турціей снова призвала его въ ряды войскъ, и онъ ознаменовалъ себя вторичнымъ взятіемъ Хотина. Въ 1790 г. Екатерина ввѣрила ему командованіе Финляндской арміей и по заключеніи Верельскаго мира пожаловала званіе подполковника гвардіи Коннаго полка и алмазные знаки орд. Св. Андрея. Недоразумѣнія съ графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ заставили графа Салтыкова въ 1795 г. выйти въ отставку, но въ слѣдующемъ же году Павелъ I снова призвалъ его на службу, переименовалъ въ генералы-отъ-кавалеріи и назначилъ шефомъ Кираспрскаго полка, Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-фельдмаршаломъ и генералъ-инспекторомъ надъ всею кавалеріею. Въ концѣ 1797 г. графъ П. П. Салтыковъ назначенъ былъ Московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, на этой должности оставался до 1804 г., затѣмъ покинулъ службу и переселился въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ скончался, 14 Ноября 1805 г. Похороненъ рядомъ съ отцомъ въ родовомъ имѣніи Ярославской губерніи.

По свидѣтельству современниковъ, графъ Иванъ Петровичъ былъ человѣкъ мягкаго и добродушнаго характера, чрезвычайно простъ и доступенъ въ обращеніи, въ которомъ замѣчалась, однако, привычка властвовать и повелѣвать. Не будучи одаренъ выдающимся умомъ, онъ не лишенъ былъ извѣстной дозы смѣтливости и даже хитрости; какъ военачальникъ, онъ отличался больше храбростью, чѣмъ искусствомъ; Суворовъ не высоко цѣнилъ его воинскія способности, и сама Екатерина бывала подчасъ недовольна его военными дѣйствіями. Въ бытность свою генералъ-губернаторомъ Москвы, графъ Салтыковъ пользовался всеобщею любовью и уваженіемъ и дѣлалъ много добра. Впрочемъ, фактически главная власть въ Москвѣ принадлежала любимцу Павла, всемогущему Московскому полиціймейстеру Эртелю, которому Салтыковъ передалъ почти всѣ дѣла управленія, оставивъ за собою лишь командованіе войсками и блескъ представительства. Въ этомъ отношеніи, благодаря громадному своему состоянію, графъ Иванъ Петровичъ имѣлъ полную возможность удовлетворять своей наклонности къ пышному и роскошному образу жизни. Графъ Салтыковъ былъ большимъ сибаритомъ, любилъ кутежи и женщинъ, а главною его страстью была охота, которой онъ посвящалъ все свободное время, имѣя до ста человѣкъ собственныхъ псарей.

Графъ П. П. Салтыковъ былъ женатъ на дочери графа Петра Григорьевича Чернышева, графинѣ Дарьѣ Петровнѣ. Отъ брака съ нею онъ имѣлъ одного сына и трехъ дочерей. Смерть жены въ 1802 г. была тяжелымъ ударомъ для графа Ивана Петровича и, окончательно разстроивъ его здоровье, побудила его удалиться на покой. Онъ переѣхалъ въ Петербургъ и поселился у старшей дочери, П. П. Мятлевой, пережившей остальныхъ его дѣтей и сдѣлавшейся наслѣдницей громаднаго Салтыковскаго состоянія.

(Съ миніатюры, принадлежащей Императорскому Эрмитажу.)

Le comte IVAN PÉTROWITCH SALTYKOFF, 1730—1805, fils du maréchal comte Pierre Saltykoff et de la comtesse Prascovie, née princesse Troubetzkoï, entra à l'âge de 15 ans au service de la Garde, et, après avoir été attaché pendant quelque temps à la Cour en qualité de gentilhomme de la chambre, passa, en 1760, dans l'armée avec le rang de brigadier. Ayant pris une part active dans la guerre de Sept Ans, il fut promu général-major, décoré par Pierre III de la croix de Ste-Anne de 2e classe et reçut à l'avènement de Catherine le cordon de St-Alexandre. Lorsque éclata la guerre de Turquie, il se trouvait avec le rang de général-lieutenant dans l'armée du maréchal Roumiantzeff et se distingua par sa bravoure personnelle à l'assaut de Khotine ainsi qu'à la bataille de Cagoul, où il commandait la grosse cavalerie; ses hauts faits furent récompensés par la croix de St-Georges de 2e classe et une épée d'or enrichie de diamants. La guerre terminée, il commanda pendant quelque temps un corps d'armée dans les provinces de la Pologne, et, en 1784, fut nommé général aide de camp et gouverneur général des lieutenances de Vladimir et de Kostroma. En 1788, à la reprise des hostilités avec la Turquie, il se signala une deuxième fois sous les murs de Khotine qui capitula après un siège prolongé. En 1790, Catherine II confia au comte Saltykoff le commandement des troupes de Finlande envoyées contre le roi de Suède. La fin brillante de cette campagne lui valut le grade de lieutenant-colonel au régiment de la Garde à cheval et les diamants de l'ordre de St-André. En 1795, à la suite de dissentiments survenus entre lui et le comte Roumiantzeff, le comte Saltykoff fut obligé de prendre sa retraite, mais l'année d'après l'Empereur Paul le rappela au service. Il fut nommé successivement général de cavalerie, chef du régiment des cuirassiers et gouverneur général de Kieff. Bientôt après il reçut le bâton de maréchal et le titre d'inspecteur général de toute la cavalerie. En 1797, le comte Saltykoff fut nommé au poste de gouverneur général de Moscou, et y resta jusqu'en 1804, lorsque le mauvais état de sa santé fortement éprouvée par le chagrin que lui causa la mort de sa femme lui fit demander sa retraite. Il quitta le service et se retira chez sa fille aînée à St-Pétersbourg, où il mourut le 14 novembre 1805. Son corps fut transporté dans le gouvernement de Yaroslaw et enterré dans le caveau de famille des Saltykoff dans leur domaine héréditaire.

Au dire de ses contemporains, le comte Saltykoff était un homme d'un caractère doux et facile, simple dans ses manières et d'un commerce agréable, tout en laissant percer dans son maintien l'habitude prise de commandement et de domination. D'intelligence moyenne, il n'était pas dénué d'une certaine finesse qui lui tenait lieu d'esprit; comme chef d'armée il était plutôt connu par sa bravoure que pour son habileté: Souvoroff ne faisait pas grand cas de ses capacités guerrières, et Catherine II elle-même montrait de l'impatience devant la lenteur de ses opérations militaires. En qualité de gouverneur général de Moscou, le comte Saltykoff était très populaire et jouissait de la considération générale. Son immense fortune aidant, il soutenait son rang à Moscou avec un faste princier, satisfaisant ainsi son penchant naturel pour une vie facile et luxueuse. Aimant par-dessus tout la chasse à courre, le comte Saltykoff s'y adonnait avec passion, et n'avait pas moins de cent piqueurs à lui.

Le comte Saltykoff était marié à la comtesse Daria Pétrowna, née comtesse Tchernycheff, dont il eut trois filles et un fils. La mort de sa femme, en 1802, fut pour lui un coup terrible, qui acheva de ruiner sa santé et le contraignit au repos. Il alla à Pétersbourg se fixer chez sa fille aînée, Mme Miatleff, seule survivante de tous ses enfants et héritière de la grosse fortune des Saltykoff.

(D'après une miniature de l'Ermitage Impérial.)

70

Пис. Ритть - Peint par Rïtt

Графиня Дарія Петровна Салтыкова,
1739—1802

La Comtesse Daria Pétrowna Saltykoff,
1739—1802

71

Пис. Ритть — Peint par Rïtt

Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ,
1730—1805

Le Comte Ivan Pétrowitch Saltykoff,
1730—1805

Графиня СОФІЯ КОНСТАНТИНОВНА ПОТОЦКАЯ, 1766—1822, „la Belle Phanariote“, красавица-гречанка изъ Константинополя, темнаго происхожденія, на 13-мъ году была продана матерью польскому послу Боскампу Лясопольскому, доставлявшему между прочимъ въ Варшаву королю красивыхъ женщинъ. Софія де'Челиче (какъ она сама называетъ свою дѣвичью фамилію) не доѣхала до Варшавы, на дорогѣ ее купилъ за 1000 червонцевъ сынъ Каменецъ-Подольскаго коменданта майоръ Іосифъ Виттъ и женился на ней въ 1779 г. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жизни въ Парижѣ, гдѣ красавица-гречанка, отличавшаяся, кромѣ того, природнымъ умомъ, вскружила головы многимъ, Виттъ долженъ былъ, въ 1785 г., вернуться на родину, такъ какъ послѣ смерти отца сдѣлался Каменецкимъ комендантомъ. Но Софіи скоро наскучила жизнь въ захолустной крѣпости, и она явилась въ Крымъ, гдѣ представлена была (въ 1787 г.) Екатеринѣ II. Затѣмъ, не возвращаясь къ мужу, она поселилась (во время 2-й Турецкой войны) въ русскомъ лагерѣ: сначала подъ Хотинымъ у гр. П. П. Салтыкова, а позднѣе подъ Очаковомъ, гдѣ царила среди красавицъ, окружавшихъ великолѣпнаго князя Тавриды. Виттъ, послѣдовавшій за женой, лишился мѣста въ Польшѣ и назначенъ былъ Потемкинымъ комендантомъ въ Херсонъ, но жена не поѣхала за мужемъ, а осталась съ Потемкинымъ, который, цѣня ея умъ, сталъ давать ей тайныя порученія политическаго характера; такъ, она должна была заставить гр. Станислава-Щенснаго Потоцкаго примкнуть къ Торговицкой конфедераціи. Это порученіе имѣло и другія послѣдствія: отношенія Софіи къ Потоцкому оказались болѣе прочными, и графъ сталъ хлопотать о разводѣ. Виттъ уступилъ жену за большое вознагражденіе, но жена Потоцкаго не согласилась на разводъ, и бракъ могъ состояться только въ 1798 г., послѣ ея смерти. Старикъ Потоцкій любилъ свою красавицу жену и, поселившись въ Умани, развелъ тутъ роскошный паркъ, названный Софіевкой. Однако, мужъ скоро убѣдился въ невѣрности жены: она увлеклась своимъ молодымъ и красивымъ пасынкомъ графомъ Юріемъ Потоцкимъ. Въ 1805 г. гр. Потоцкій умеръ, не простившись съ женой, связь которой съ Юріемъ продолжалась еще 4 года. Жизнь ихъ въ это время была сплошной вакханаліей, но когда Юрій проигралъ почти все свое состояніе, она заплатила его долги, подъ условіемъ прекращенія всякихъ отношеній и отъѣзда его изъ Россіи. Послѣ разрыва съ пасынкомъ, Потоцкая измѣнилась: жизнь утомила ее; все еще красивая, но уже 40-лѣтняя женщина изъ вакханки обратилась въ образцовую семьянинку и дѣятельно занялась устройствомъ своего разстроеннаго состоянія. Благодаря Сперанскому, она получила одинаковую долю съ дѣтьми изъ имѣнія своего мужа. Ей не чужда была и благотворительность, и она оставила по себѣ добрую память. Отъ брака съ Виттомъ она имѣла 2 сыновей, а отъ Потоцкаго — 3 сыновей: Александра, Мечислава и Болеслава, и 2 дочерей: графиню Софью Киселеву и Ольгу Парышкину. Умерла въ 1822 г., 56 лѣтъ, и была погребена въ Уманскомъ соборѣ, откуда потомъ, послѣ землетрясенія, поврежденаго соборъ, прахъ ея былъ перенесенъ въ с. Тальное.

(Съ миніатюры работы Петра Галль; собственность Д. И. Щукина. Москва.)

La comtesse SOPHIE CONSTANTINOWNA POTOCKY, 1766—1822, „la Belle Phanariote", belle grecque de Constantinople, d'origine obscure, fut vendue par sa mère à l'âge de 12 ans à l'ambassadeur de Pologne, Boscalmp Liasopolsky, qui, entre autres choses, procurait des jolies femmes au Roi de Pologne, à Varsovie. Sophie de Tchélitché, comme elle se faisait appeler de son nom de demoiselle, n'arriva pas à destination: elle fut achetée en route pour 1000 ducats par le fils du commandant de Kamenetz-Podolsk, le major Joseph Witt, qui l'épousa en 1779. Après quelques années passées à Paris, où la belle grecque, douée d'ailleurs d'un esprit distingué, tourna bien des têtes, Witt dut, en 1785, rentrer dans son pays, ayant été, à la mort de son père, nommé son successeur. Mais Sophie ne tarda pas à s'ennuyer dans cette place retirée, et alla en Crimée, où elle fut présentée à Catherine II, en 1787. Puis, abandonnant son mari, elle s'installa au camp de l'armée russe (c'était l'époque de la seconde campagne de Turquie), d'abord à Khotine avec le comte I. P. Saltykoff, puis à Otchakoff, à la tête des jolies femmes de l'entourage du magnifique prince de Tauride. Witt courut après sa femme, perdit son poste en Pologne, et fut nommé par Potemkine commandant de Kherson; mais sa femme ne voulut pas de lui et resta avec Potemkine, qui, appréciant son intelligence, se mit à la charger de missions secrètes ayant un caractère politique. C'est ainsi qu'elle dut amener le comte Stanislas-Szczęsny Potocky à adhérer à la confédération de Torgowitz. Cette mission eut d'autres conséquences: les rapports de Sophie avec Potocky prirent un caractère plus solide, et le comte commença des démarches pour le divorce. Witt renonça à sa femme moyennant une forte indemnité, mais la comtesse Potocky ne voulut pas divorcer, et le mariage ne put avoir lieu qu'en 1798, à sa mort. Le vieux Potocky aimait sa belle femme, et, à Oumany, où il s'était fixé, il fit faire un parc splendide, qu'il appela Sophiewka. Bientôt pourtant il n'eut plus de doutes sur l'infidélité de sa femme: elle s'était éprise de son jeune et joli beau-fils, le comte Youri Potocky. En 1805, le comte Potocky mourut sans avoir pardonné à sa femme, dont la liaison avec Youri dura encore quatre ans. Leur vie était alors une vraie bacchanale, mais, quand Youri eut dissipé presque toute sa fortune au jeu, elle paya ses dettes, à condition qu'il ne serait plus rien pour elle et qu'il quitterait la Russie. A la suite de cette rupture, la comtesse Potocky changea complètement: la vie l'avait épuisée; toujours belle, mais alors âgée de 40 ans, la bacchante devint une mère de famille modèle, et s'occupa activement à réparer sa fortune compromise. Grâce à Speransky, elle fit partager l'héritage de son mari par moitié entre elle et ses enfants. Elle ne fut pas sans s'occuper de bienfaisance, et laissa après elle une bonne réputation. De son mariage avec Witt elle eut deux fils, et avec Potocky trois fils, Alexandre, Métchislas et Boleslas, et deux filles, la comtesse Sophie Kisseleff et Olga Stanislavowna Narychkine. Elle mourut, en 1822, âgée de 56 ans, et fut enterrée à la cathédrale d'Oumany, puis transférée, à la suite d'un tremblement de terre qui endommagea l'édifice, au village de Talny.

(D'après une miniature de Pierre Hall, propriété de D. I. Chtchoukine, à Moscou.)

75

Княгиня **АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА ГОЛИЦЫНА**, 1774—1842, дочь сенатора, генералъ-поручика Петра Степановича Протасова и Александры Ивановны, рожденной Протасовой. Рано лишившись матери, она вмѣстѣ съ сестрами воспитывалась у тетки по отцу, любимой камеръ-фрейлины Екатерины II, Анны Степановны Протасовой (позднѣе графини), и получила образованіе хорошее, но вполнѣ французское. Пожалованная фрейлиной, въ 1791 г. она вышла замужъ за князя А. А. Голицына и черезъ 9 лѣтъ овдовѣла. Почувствовавъ въ себѣ стремленіе къ уясненію религіозныхъ вопросовъ и сомнѣній, она нашла разрѣшеніе своимъ исканіямъ въ католицизмѣ и, подъ вліяніемъ католическаго духовенства, въ 1818 г. окончательно измѣнила православію, сдѣлавшись ревностной католичкой. Двое изъ ея сыновей также приняли католичество, а дочь даже поступила въ монахини и сдѣлалась извѣстна своей миссіонерской дѣятельностью. Княгиня была писательницей: она вела дневникъ на французскомъ языкѣ и издала сборникъ католическихъ молитвъ. Умерла 11 Октября 1842 г. въ С.-Петербургѣ.

(Съ миніатюры, принадлежавшей (въ 1902 г.) князю П. А. Голицыну, въ Москвѣ.)

73

La princesse ALEXANDRINE PÉTROWNA GOLITZINE, 1774—1842, fille du sénateur, général-lieutenant Pierre Stépanowitch Protassoff et d'Alexandrine Ivanowna, née Protassoff. Elle perdit sa mère de bonne heure et fut élevée avec ses sœurs chez sa tante paternelle, la demoiselle d'honneur préférée de Catherine II, Anne Stépanowna Protassoff (plus tard comtesse), qui lui donna une éducation solide, mais entièrement française. Devenue demoiselle d'honneur, elle épousa en 1791 le prince A. A. Golitzine, mais resta veuve au bout de neuf ans. Elle se sentit un besoin d'élucider les problèmes de la religion et ses doutes en la matière, et trouva satisfaction à cet égard dans le catholicisme. Sous l'influence du clergé catholique, elle renia définitivement l'orthodoxie en 1818, et devint fervente catholique. Deux de ses fils se convertirent également au catholicisme; sa fille entra même en religion et se fit une notoriété comme missionnaire. La princesse fut auteur: elle a laissé un Journal en français, et avait composé un recueil de prières catholiques. Elle mourut le 11 octobre 1842, à Pétersbourg.

(D'après une miniature ayant appartenu (en 1902) au prince P. A. Golitzine, à Moscou.)

74

Князь **АЛЕКСѢЙ АНДРЕЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ**, 1767—1800, дѣйствительный камергеръ, тайный совѣтникъ, шталмейстеръ, сынъ генералъ-майора князя Андрея Михайловича отъ брака его съ княжной Елизаветой Борисовной Юсуповой. Служилъ по дипломатической части и состоялъ при посольствѣ въ Вѣнѣ. Былъ женатъ съ 1791 г. на фрейлинѣ Александрѣ Петровнѣ Протасовой и имѣлъ 4 сыновей и 2 дочерей. Умеръ 31 Марта 1800 года и погребенъ въ своемъ имѣніи, с. Алексіановкѣ Гжатскаго уѣзда, Смоленской губерніи.

(Съ миніатюры работы Ритта; собраніе Великаго Князя Николая Михаиловича.)

74

Le prince **ALEXIS ANDRÉEWITCH GOLITZINE**, 1767—1800, chambellan actuel, conseiller privé, écuyer, fils du général-major prince André Mikhaïlowitch et de la princesse Elisabeth Borissowna Youssoupoff, était dans la diplomatie et occupa un poste à l'ambassade de Vienne. Epousa, en 1791, une demoiselle d'honneur, Alexandrine Pétrowna Protassoff, dont il eut quatre fils et deux filles. Mourut le 31 mars 1800 et fut inhumé dans sa propriété d'Alexianowka, district de Gjatsk, gouvernement de Smolensk.

(D'après une miniature de Ritt, collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

72

Пис. Петръ Галль — Peint par Pierre Hall

Графиня Софія Константиновна Потоцкая,
1766 — 1822

La Comtesse Sophie Constantinowna Potocky,
1766 — 1822

73

Княгиня Александра Петровна Голицына,
1774 — 1842

La Princesse Alexandrine Pétrowna Golitzine,
1774 — 1842

74

Пис. Ритшь — Peint par Ritt

Князь Алексѣй Андреевичъ Голицынъ,
1767 — 1800

Le Prince Alexis Andréewitch Golitzine,
1767 — 1800

Графъ **АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ СОЛЛОГУБЪ**, 1788—1844, сынъ графа Ивана Антоновича, генералъ-майора русской службы, пріѣхавшаго въ 1776 г. изъ Польши и женившагося въ Россіи на Наталіи Львовнѣ Нарышкиной, учился въ пансіонѣ аббата Николя; католикъ по вѣроисповѣданію, полуполякъ по происхожденію, Соллогубъ съ теченіемъ времени совершенно обрусѣлъ, хотя и говорилъ иногда по-польски. Наслѣдникъ большого соллогубовскаго состоянія, увеличеннаго еще нарышкинскимъ приданымъ, родной племянникъ Дмитрія Львовича Нарышкина, мужа извѣстной красавицы Маріи Антоновны, Соллогубъ быстро сдѣлалъ блестящую придворную карьеру: 21 года онъ былъ уже камеръ-юнкеромъ, позднѣе оберъ-церемоніймейстеромъ въ чинѣ тайнаго совѣтника. Въ 1810 г. постоянно жившій въ Петербургѣ Соллогубъ пріѣхалъ въ Москву и здѣсь женился на дочери И. П. Архарова, Софьѣ Ивановнѣ. Молодые поселились въ Москвѣ, и графъ Соллогубъ „уютно и изящно“ устроилъ свой домъ, но пожаръ 12-го года уничтожилъ его со всѣмъ имуществомъ и цѣнной библіотекой. Самъ Соллогубъ въ это время поступилъ въ Московское ополченіе и, состоя при Ростопчинѣ, былъ свидѣтелемъ убійства Верещагина. Послѣ пожара Москвы, Соллогубъ переселился въ Петербургъ и здѣсь жилъ въ небольшомъ домѣ на Набережной, на углу Мошкова переулка. По словамъ сына, извѣстнаго писателя, его отецъ, человѣкъ не безъ дарованій, добрый и щедрый, былъ веселымъ собесѣдникомъ, душой общества и „докой въ организаціи праздниковъ, домашнихъ спектаклей, концертовъ, обѣдовъ и разныхъ увеселеній“. Красивый собой, онъ былъ первымъ тогда столичнымъ щеголемъ и законодателемъ модъ, и первый началъ носить синій плащъ на красномъ бархатѣ. Роскошной жизнью, безумными тратами, поѣздками за границу онъ разстроилъ свое состояніе, но сумѣлъ самъ вовремя остановиться на краю разоренія. Не будучи художникомъ, Соллогубъ любилъ живопись и въ Парижѣ собралъ цѣнную картинную галлерею, сохранившуюся въ его потомствѣ; былъ диллетантъ въ музыкѣ, пріятно пѣлъ въ салонахъ и превосходно танцовалъ мазурку. Онъ не прочь былъ прослыть меценатомъ, но въ сущности былъ только простымъ и безобиднымъ человѣкомъ, котораго многіе считали пустымъ. Графъ Соллогубъ умеръ въ 1844 г. въ Петербургѣ и погребенъ въ Мальтійской церкви Пажескаго корпуса.

(Съ миніатюры работы Босси 1810 г., собраніе графини Н. М. Соллогубъ, Москва.)

75

Le comte ALEXANDRE IVANOWITCH SOLLOGOUB, 1788—1844, fils du comte Ivan Antonowitch, général-major au service russe émigré de Pologne en 1776 et marié en Russie à Natalie Lvowna Narychkine, fit ses études à la pension de l'abbé Nicole; catholique de religion, polonais d'origine, Sollogoub se russifia complètement avec le temps, bien qu'il lui arrivât encore de parler polonais. Héritier de la grosse fortune des Sollogoub augmentée de la dot maternelle, neveu de Dmitri Lvowitch Narychkine, le mari de la belle et célèbre Marie Antonowna, Sollogoub fit rapidement une brillante carrière à la Cour. A 21 ans, il était déjà gentilhomme de la chambre, puis il devint grand-maître des cérémonies avec rang de conseiller privé. En 1810, Sollogoub, qui habitait en permanence Pétersbourg, alla à Moscou, où il épousa la fille de I. P. Arkharoff, Sophie Ivanowna. Les nouveaux époux se fixèrent à Moscou et le comte Sollogoub s'y fit dans sa maison une installation „confortable et coquette", mais l'incendie de 1812 la consuma avec tout ce qu'elle contenait, et, entre autres choses, sa précieuse bibliothèque. Sollogoub lui-même s'enrôla à cette époque dans la milice de Moscou, et, attaché à Rostoptchine, fut témoin du meurtre de Véréchtchaguine. Après l'incendie de Moscou, Sollogoub se fixa définitivement à Pétersbourg, où il habitait une petite maison au coin de la rue Mochkoff. Selon son fils, le célèbre écrivain, Sollogoub n'était pas sans mérites: bon, généreux, d'une conversation enjouée, il savait donner de l'entrain à une société, et était „passé maître dans l'art d'organiser les fêtes, spectacles, concerts, dîners et autres réjouissances en famille". Bien de sa personne, il était le premier élégant de la capitale et l'arbitre de la mode; ce fut lui qui lança le manteau bleu doublé de velours rouge. Sa vie fastueuse, ses dépenses insensées, ses voyages à l'étranger compromirent sa fortune, mais il sut s'arrêter à temps au bord de la ruine. Sans être artiste, Sollogoub était amateur de tableaux: il se fit à Paris une galerie de valeur, qui resta dans la famille; il était aussi dilettante en musique, possédait une jolie voix de salon et dansait à merveille la mazurka. Il n'était pas sans se donner des airs de Mécène, mais il ne faut en réalité voir en lui qu'un homme simple et inoffensif, et, pour beaucoup même, sans consistance. Le comte Sollogoub mourut en 1844 à Pétersbourg et fut enterré dans l'église des Chevaliers de Malte, au Corps des Pages.

(D'après une miniature de Bossi (1810), collection de la comtesse N. M. Sollogoub, à Moscou.)

Графиня **СОФІЯ ИВАНОВНА СОЛЛОГУБЪ**, 1792—1854, старшая дочь Ивана Петровича Архарова отъ второго его брака съ Екатериной Александровной Римской-Корсаковой, въ 1810 г. вышла замужъ за камеръ-юнкера графа А. И. Соллогуба. Женщина выдающагося ума, графиня Соллогубъ была очень не хороша собой и съ архаровской грубоватой откровенностью говаривала: „Je n'ai de joli que ce que je ne peux pas montrer". По словамъ сына писателя, она была „ума необыкновеннаго; родись она мужчиной, она была бы государственнымъ человѣкомъ. Твердость характера ея согласовалась съ твердостью ея разсудка; природа ея была логическая, неумолимо-послѣдовательная, пріемы холодные, женской приторности, нѣжничаній, мгновенныхъ энтузіазмовъ она не вѣдала; дѣтьми своими не восторгалась и никогда не ласкала ихъ, но безпристрастно цѣнила ихъ хорошія и дурныя качества, какъ и все въ жизни". Она являлась полной противоположностью мужу и была главой въ домѣ. Глубина и оригинальность ея сужденій, блестящее остроуміе дѣлали разговоръ ея интереснымъ. Благодаря родству съ М. А. Нарышкиной, ее хорошо зналъ Государь Александръ Павловичъ, часто посѣщалъ ее и любилъ наединѣ съ ней бесѣдовать. По смерти мужа, графиня Соллогубъ переселилась въ Москву и здѣсь умерла въ 1854 г., пользуясь всеобщей любовью и уваженіемъ среди Московскаго общества. Она похоронена въ Москвѣ, въ Донскомъ монастырѣ.

(Съ миніатюры работы Босси 1810 г., собраніе графини П. М. Соллогубъ, Москва.)

76

La comtesse SOPHIE IVANOWNA SOLLOGOUB, 1792—1854, fille aînée d'Ivan Pétrowitch Arkharoff et de sa seconde femme, Catherine Alexandrowna Rimsky-Korsakoff, épousa, en 1810, le gentilhomme de la chambre comte A. I. Sollogoub. Femme d'un esprit éminent, la comtesse avait été peu favorisée de la nature, et disait souvent avec la crudité d'expressions qu'elle tenait de son père: „Je n'ai de joli que ce que je ne peux pas montrer". Selon son fils l'écrivain, „elle était intellectuellement d'une valeur extraordinaire: homme, elle eût été de taille à être homme d'état. La fermeté de son caractère s'alliait avec la fermeté de son jugement; elle était naturellement logique et d'un inflexible esprit de suite: toujours froide dans sa manière d'agir, la mignardise, la mièvrerie et les enthousiasmes passagers des femmes lui étaient inconnus. Ses enfants n'étaient pas pour elle un objet d'enthousiasme; elle ne leur faisait jamais d'amitiés, mais elle appréciait impartialement leurs bons et leurs mauvais côtés, comme tout dans la vie". Elle était tout le contraire de son mari, et c'est elle qui était le maître de la maison. La profondeur et l'originalité de ses jugements, l'éclat de son esprit lui donnaient une conversation intéressante. Grâce à sa parenté avec M. A. Narychkine, elle était en relations avec l'Empereur Alexandre Pavlowitch qui allait souvent la voir et aimait causer en tête à tête avec elle. A la mort de son mari, la comtesse Sollogoub se fixa à Moscou et y mourut, en 1854, entourée de l'affection et de l'estime de tous dans la société moscovite. Elle fut inhumée à Moscou, au monastère Donskoï.

(D'après une miniature de Bossi (1810), collection de la comtesse N. M. Sollogoub, à Moscou.)

77

Княгиня **ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА ДОЛГОРУКАЯ**, 1814—1865, младшая дочь московскаго почтъ-директора, позднѣе сенатора, Александра Яковлевича Булгакова, отъ брака съ княжной Натальей Васильевной Хованской, родилась въ Москвѣ 1 Іюля 1814 г. Благодаря доброму характеру, „милая курноска“, какъ ее называли отецъ и дядя, К. Я. Булгаковъ, была любимицей въ семьѣ, а красивая и симпатичная наружность, неподдѣльная веселость и остроуміе были причиной ея успѣховъ въ обществѣ; она пользовалась вниманіемъ Государя Николая Павловича, который любилъ бесѣдовать съ ней при встрѣчѣ. 28 Января 1831 г. она вышла замужъ за князя А. С. Долгорукова, и Государь пожелалъ быть лично крестнымъ отцомъ ея старшей дочери Александры (Львова). Съ большой добротой относилась къ ней и Императрица Александра Ѳеодоровна. Послѣ выхода замужъ, княгиня много лѣтъ прожила въ Москвѣ, уѣзжая на лѣто въ свою подмосковскую, с. Шеметово. Въ 50-хъ годахъ Долгорукіе переселились въ Петербургъ, а съ 1859 г. они жили постоянно за границей, въ Баденѣ и Ниццѣ. Княгиня Долгорукая умерла въ Дрезденѣ 28 Апрѣля 1865 года, гдѣ и похоронена. Въ перепискѣ братьевъ А. и К. Я. Булгаковыхъ, напечатанной въ „Русскомъ Архивѣ“, разсѣяно много мелкихъ, но интересныхъ подробностей о княгинѣ О. А. Долгорукой, симпатично ее характеризующихъ.

(Съ миніатюры работы Мартенъ; собственность А. А. Львовой, въ Москвѣ.)

77

La princesse **OLGA ALEXANDROWNA DOLGOROUKY**, 1814—1865, la dernière fille du directeur des postes de Moscou, dans la suite sénateur, Alexandre Yakovlewitch Boulgakoff et de Natalie Vassiliewna, née princesse Khovansky, naquit à Moscou le 1er juillet 1814. Grâce à son bon caractère, la „gentille petite camarde", comme l'appelaient son père et son oncle K. Boulgakoff, était l'enfant chérie de la famille; son physique avantageux et sympathique, sa gaîté toute naturelle et son esprit lui valurent ses succès dans le monde: elle était honorée de l'attention de l'empereur Nicolas, qui aimait causer avec elle. Le 28 janvier 1831, elle épousa le prince Dolgorouky, et l'empereur tint à être lui-même le parrain de sa fille aînée Alexandrine (plus tard Mme Lvoff). Elle fut également traitée avec une grande bonté par l'Impératrice Alexandra Féodorowna. Après son mariage, la princesse resta de nombreuses années à Moscou, passant l'été dans ses propriétés de Chémétowo, aux environs. Dans les années 50, les Dolgorouky se fixèrent à Pétersbourg, et à partir de 1859, ils furent constamment à l'étranger, à Bade et à Nice. La princesse mourut, le 28 avril 1865, à Dresde, où elle fut inhumée. Toute la correspondance des frères A. et K. Boulgakoff, publiée dans „l'Archive russe", renferme sur la princesse Dolgorouky un grand nombre de détails peu considérables, mais intéressants, qui donnent d'elle une idée très sympathique.

(D'après une miniature de Martin, appartenant à Mme A. Lvoff, à Moscou.)

Князь **АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ**, 1810—1873, сынъ генералъ-лейтенанта князя Сергѣя Николаевича, посла при Голландскомъ и Неаполитанскомъ дворахъ, отъ брака съ графиней Екатериной Алексѣевной Васильевой; службу началъ въ канцеляріи Министерства Иностранныхъ дѣлъ, но скоро вышелъ въ отставку для устройства дѣлъ матери и управленія ея имѣніями, такъ какъ она жила отдѣльно отъ мужа. 28 Января 1831 г. женился на дочери московскаго почтъ-директора Ольгѣ Александровнѣ Булгаковой и въ слѣдующемъ году пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Императоръ Николай Павловичъ, благоволившій къ братьямъ Булгаковымъ, не разъ высказывалъ желаніе видѣть Долгорукаго на службѣ, но онъ большею частью жилъ за границей, гдѣ и умеръ 4 Декабря 1873 года; похороненъ въ Дрезденѣ. Онъ имѣлъ одного сына Николая и дочь Александру (Львова).

(Съ миніатюры работы Мартенъ; собственность А. А. Львовой, въ Москвѣ.)

78

Le prince **ALEXANDRE SERGUÉEWITCH DOLGOROUKY**, 1810 — 1873, fils du général-lieutenant Serge Nicolaewitch, ambassadeur près des cours de Hollande et de Naples, et de Catherine Alexéewna, née comtesse Vassilieff, entra au service à la chancellerie du ministère des affaires étrangères, mais donna bientôt sa démission pour s'occuper des affaires et de la gestion des biens de sa mère, qui s'était séparée de son mari. Le 28 janvier 1831, il épousa la fille du directeur des postes de Moscou, Olga Alexandrowna Boulgakoff et, l'année suivante, fut fait gentilhomme de la chambre. L'Empereur Nicolas, qui honorait de sa faveur les frères Boulgakoff, exprima plus d'une fois le désir de voir Dolgorouky au service, mais celui-ci était presque constamment à l'étranger, où il mourut, le 4 décembre 1873; il est inhumé à Dresde. Il eut un fils, Nicolas, et une fille, Alexandrine, plus tard Mme Lvoff.

(D'après une miniature de Martin, propriété de Mme A. Lvoff, à Moscou.)

75

Пис. Босси, 1810 — Peint par Bossi, 1810

Графъ Александръ Ивановичъ Соллогубъ, 1788 — 1844 — Le Comte Alexandre Ivanowitch Sollogoub, 1788 — 1844

76

Пис. Босси, 1810 — Peint par Bossi, 1810

Графиня Софія Ивановна Соллогубъ, 1792 — 1854 — La Comtesse Sophie Ivanowna Sollogoub, 1792 — 1854

77

Пис. Мартенъ — Peint par Martin

Княгиня Ольга Александровна Долгорукая, 1814 — 1865 — La Princesse Olga Alexandrowna Dolgorouky, 1814 — 1865

78

Пис. Мартенъ — Peint par Martin

Князь Александръ Сергѣевичъ Долгорукій, 1810 — 1873 — Le Prince Alexandre Sergiéwitch Dolgorouky, 1810 — 1873

Графъ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ КАМЕНСКІЙ, 1776—1811, младшій сынъ фельдмаршала графа Михаила Ѳедотовича отъ брака съ княжной Анной Павловной Щербатовой, родился 2 Декабря 1776 г. Условія его дѣтства въ родительскомъ домѣ, гдѣ все, начиная съ матери, трепетало предъ деспотомъ-отцомъ, не были благопріятны; младшаго сына отецъ больше любилъ, но и онъ не избѣгалъ суровыхъ наказаній. Съ 4-хъ лѣтъ Каменскій былъ зачисленъ корнетомъ въ одинъ изъ кираспрскихъ полковъ, 19-и лѣтъ былъ уже подполковникомъ и 21-го года полковникомъ. 28 Іюня 1799 г. Каменскій былъ произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ шефомъ Архангелогородскаго полка. Затѣмъ онъ былъ отправленъ съ полкомъ въ Италію въ армію Суворова, гдѣ, среди тяжелой горной войны, прошелъ суровую военную школу подъ руководствомъ великаго полководца. Обнаруживъ неустрашимость и военныя способности, Каменскій на Чертовомъ мосту стремительной атакой рѣшилъ судьбу боя, за что награжденъ орд. Анны 1 ст. и похвалой Суворова, писавшаго старику Каменскому: „Юный сынъ вашъ—старый генералъ“. Въ войнахъ съ Наполеономъ, въ 1805—1807 гг., Каменскій принималъ участіе въ качествѣ дивизіоннаго генерала: при Аустерлицѣ онъ едва не погибъ, упавъ съ лошади, убитой ядромъ, но былъ спасенъ Закревскимъ, а за Прейсишъ-Эйлау награжденъ орд. св. Георгія 3 кл. Въ Финляндской кампаніи 1808 г. Каменскій командовалъ уже корпусомъ и былъ главнымъ виновникомъ завоеванія Финляндіи, при чемъ за битву при Оровайсѣ награжденъ орд. св. Георгія 2-й ст. Заслуживъ (отъ Барклая-де-Толли) репутацію „искуснѣйшаго генерала“, Каменскій 4 Февраля 1810 г. былъ назначенъ главнокомандующимъ Молдавской арміей. Стараясь обезпечить солдата продовольствіемъ и освободить его отъ мелочныхъ тягостей мирнаго времени—ученій, парадовъ, чистки аммуниціи, онъ въ то же время внушалъ командирамъ, что „кто будетъ находить невозможности, тотъ будетъ смѣненъ другимъ“. Заносчивость и высокомѣріе 34-лѣтняго главнокомандующаго сильно вредили ему. Начальники настолько не терпѣли его, насколько солдаты боготворили Каменскаго, дѣлившаго съ ними всѣ лишенія. На Дунаѣ его постигли неудачи; осада Шумлы и штурмъ Рущука ослабили его энергію почти до упадка духа. Излишне самоувѣренный, Каменскій старался всего сразу достигнуть и вездѣ оказался слабѣе противника. Къ тому же онъ скоро заболѣлъ тяжелой изнурительной лихорадкой. 12 Марта Каменскій отправился въ Одессу; на пути онъ лишился слуха, и у него обнаружились признаки умственнаго разстройства. 4 Мая 1811 г. онъ умеръ въ Одессѣ и похороненъ въ с. Сабуровѣ, Орловской губ., рядомъ съ отцомъ. Гр. Каменскій не былъ женатъ; говорили, что онъ былъ женихомъ гр. А. А. Орловой-Чесменской, но свадьба эта не состоялась, хотя невѣста навсегда сохранила къ нему теплыя чувства.

Личность гр. Каменскаго не легко поддается оцѣнкѣ. Страхъ передъ отцомъ, безличность матери, суровое воспитаніе, скупость старика Каменскаго,—все это неблагопріятно отозвалось на впечатлительной натурѣ гр. Н. М.: явился характеръ нервный, неуравновѣшенный; добрый отъ природы, но страшно вспыльчивый, онъ иногда проявлялъ холодную жестокость; способный привязать къ себѣ близкихъ, онъ оскорблялъ вообще людей подозрительностью и недовѣріемъ и отталкивалъ ихъ завистливостью и высокомѣріемъ. Отъ полнаго безстрашія и безумной храбрости, онъ быстро переходилъ къ крайней нерѣшительности. Благодаря постоянному напряженію нервовъ, онъ могъ переносить труды и лишенія войны, успѣхи оживляли его, неудачи дѣйствовали удручающе какъ морально, такъ и физически. Люди, близко знавшіе Каменскаго, прощали ему его недостатки, высоко цѣнили его достоинства и были глубоко ему преданы—таковы К. Я. Булгаковъ, Закревскій; другіе, какъ гр. П. А. Строгановъ, кн. В. С. Трубецкой, кн. С. Г. Волконскій, критиковали его какъ командующаго арміей и черезчуръ строго судили его какъ человѣка, обвиняя въ безмѣрной жестокости, бездарности, позорной трусости... Какъ бы то ни было, гр. Н. М. Каменскій былъ выдающимся человѣкомъ и имѣлъ безспорныя качества боевого генерала.

(Съ миніатюры работы П. Григорьева; собраніе Великаго Князя Николая Михайловича.)

Le comte NICOLAS MIKHAÏLOWITCH KAMENSKY, 1776—1811, le plus jeune fils du feld-maréchal comte Michel Fédotowitch et de la princesse Anne Pavlowna, née princesse Chtcherbatoff, naquit le 2 décembre 1776. Dans la maison paternelle, où tout, à commencer par sa mère, tremblait devant un père despote, son enfance se passa dans des conditions peu favorables; préféré de son père, il n'était pourtant pas, lui plus, sans se voir infliger des châtiments rigoureux. A 4 ans, Kamensky fut enrôlé cornette dans un régiment de cuirassiers: à 19 ans, il était déjà lieutenant-colonel, et à 21 colonel. Le 28 juin 1799, il fut promu général-major et nommé chef du régiment Arkhangélogorodsky. C'est alors qu'il fut envoyé avec son régiment en Italie à l'armée de Souvoroff: à cette dure guerre de montagnes, il fut à une rude école sous la direction du grand capitaine. L'intrépidité et les capacités guerrières dont il fit preuve au Pont du Diable dans une attaque impétueuse qui décida l'issue du combat valurent à Kamensky l'ordre de Ste-Anne de 1re classe et les éloges de Souvoroff, qui écrivit à son père: „Votre jeune fils est un vieux général". Kamensky fit les campagnes contre Napoléon comme général de division: à Austerlitz, où il fut précipité à terre avec son cheval tué sous lui par un boulet, il aurait péri sans le secours de Zakrewsky; à Eylau, il reçut l'ordre de St-Georges de 3e classe. Dans la campagne de Finlande, Kamensky était à la tête d'un corps entier, et contribua plus que qui que ce soit à la conquête de cette province: la bataille d'Orovaïs lui valut l'ordre de St-Georges de 2e classe. Il se fit une réputation de „général de grande valeur", selon l'expression de Barclay-de-Tolly, et fut nommé, le 4 février 1810, commandant en chef de l'armée de Moldavie. D'une part, il prit à tâche, d'assurer la subsistance du soldat et de l'affranchir des menues sujétions du temps de paix, exercices, revues, astiquages; de l'autre, il fit comprendre aux chefs que „celui qui trouverait des impossibilités serait remplacé". La hauteur et l'arrogance de ce commandant en chef de 34 ans lui firent beaucoup de tort. Autant les chefs le trouvaient insupportable, autant les soldats l'adoraient, en le voyant partager avec eux toutes leurs privations. Sur le Danube, il essuya des échecs: le siège de Choumla, l'assaut de Rouchtchouk affaiblirent son énergie presque jusqu'au découragement. Dans son excès de confiance en lui-même, Kamensky voulut arriver à tout d'un seul coup, et partout se trouva plus faible que l'ennemi; de plus, il ne tarda pas à tomber gravement malade d'une fièvre lente. Le 12 mars, il repartit pour Odessa, mais en route il perdit l'ouïe, et manifesta des signes de dérangement cérébral. Le 4 mai 1811, il mourut à Odessa, et fut inhumé au village de Sabourowo, gouvernement d'Orel, près de son père. Le comte Kamensky ne se maria pas; il fut, dit-on, fiancé à la comtesse A. A. Orloff-Tchesmensky, mais le mariage ne se fit pas, et pourtant les sentiments de la comtesse ne se refroidirent jamais.

La personnalité du comte Kamensky n'est pas facile à apprécier. La crainte de son père, le rôle effacé de sa mère, la sévérité de son éducation, l'avarice du vieux Kamensky, tout cela eut une répercussion fâcheuse sur la nature impressionnable du jeune homme et lui fit un caractère nerveux, mal pondéré; naturellement bon, mais d'un emportement terrible, il faisait preuve parfois d'une froide cruauté. Liant avec ses proches, il froissait les gens en général par son humeur soupçonneuse et méfiante, et les éloignait par sa jalousie et son arrogance. D'une parfaite intrépidité et d'une bravoure insensée il passait rapidement à une extrême indécision. Une tension nerveuse incessante lui permettait de supporter les fatigues et les privations de la guerre; le succès l'enivrait, l'insuccès l'abattait, moralement et physiquement. Ceux qui le connaissaient de près lui passaient ses défauts, appréciaient hautement ses mérites, et lui étaient profondément dévoués: tels furent K. Boulgakoff, Zakrewsky; les autres, le comte P. A. Stroganoff, le prince V. S. Troubetzkoï, le prince S. G. Wolkonsky, critiquaient le chef d'armée, et jugeaient trop sévèrement l'homme, l'accusant de cruauté excessive, d'incapacité, de honteuse lâcheté... Quoi qu'il en soit, le comte Kamensky fut un homme éminent, et un officier d'une valeur incontestable.

(D'après une miniature de I. Grigorieff, collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

80

Графъ ВЛАДИМІРЪ ФЕДОРОВИЧЪ ВАСИЛЬЕВЪ, 1782—1839, сынъ подполковника Федора Ивановича, 18 Августа 1807 г. получилъ графскій титулъ послѣ смерти дяди, министра финансовъ, графа Алексѣя Ивановича Васильева († 15 Августа 1807 г.). Начавъ службу въ 1799 г. въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ и при лондонской миссіи, Васильевъ въ 1802 г., въ чинѣ коллежскаго асессора, поступилъ поручикомъ въ Кавалергардскій полкъ, въ 1805 г. произведенъ въ штабъ-ротмистры, а въ 1806 г. переведенъ въ Псковскій драгунскій полкъ и отправился въ дѣйствующую противъ Наполеона армію. Здѣсь онъ состоялъ при Бенингсенѣ и явился въ Петербургъ курьеромъ съ радостной вѣстью о битвѣ при Пултускѣ, какъ о побѣдѣ. Переведенный тѣмъ же чиномъ въ кавалергарды, въ 1807 г. Васильевъ былъ произведенъ въ ротмистры, а въ слѣдующемъ году уволенъ отъ службы, съ чиномъ полковника. Переименованный въ коллежскіе совѣтники, графъ Васильевъ опредѣленъ въ Петербургскую полицію, а затѣмъ назначенъ полиціймейстеромъ Петербурга. Онъ пользовался особеннымъ довѣріемъ и расположеніемъ Цесаревича Константина Павловича, и во время похода 1812—14 гг. ему поручены были заботы о Стрѣльнинской мызѣ, гдѣ оставались близкія Великому Князю лица. Отъ этого времени сохранился рядъ писемъ Константина Павловича къ графу Васильеву, въ которыхъ онъ съ полной откровенностью высказывается о совершавшихся событіяхъ и даетъ нерѣдко рѣзкіе отзывы о разныхъ дѣятеляхъ эпохи. Позднѣе послѣдовало охлажденіе. Въ 1816 г. Васильевъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ командиромъ 2-й бригады 1-й гусарской дивизіи, а въ 1820 г.—Тульскимъ губернаторомъ, съ чиномъ дѣйств. ст. совѣтника. Черезъ 3 года графъ Васильевъ былъ удаленъ отъ управленія губерніей по случаю психическаго разстройства, продолжавшагося до конца жизни. Онъ жилъ все это время въ Москвѣ, гдѣ и умеръ 6 Мая 1839 года; погребенъ на Московскомъ Ваганьковскомъ кладбищѣ. Былъ женатъ съ 1805 г. на дочери извѣстнаго графа Кутайсова, Маріи Ивановнѣ (р. 1787, † 1870), и имѣлъ одного сына, графа Алексѣя (р. 1809, † 1895), и 3 дочерей. Родъ прекратился, и титулъ перешелъ къ единственной его внучкѣ графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Васильевой-Шиловской, также не имѣющей потомства.

(Съ миніатюры, принадлежащей графинѣ А. А. Васильевой-Шиловской, Москва.)

80

Le comte VLADIMIR FÉODOROWITCH VASSILIEFF, 1782—1839, fils du lieutenant-colonel Fédor Ivanowitch, reçut le 18 août 1807 le titre de comte après la mort de son oncle, ministre des finances, le comte Alexis Ivanowitch Vassilieff († le 15 août 1807). Après avoir commencé sa carrière en 1799 au Collège des Affaires Etrangères et à la mission de Londres, Vassilieff, qui avait alors le rang d'assesseur de collège, entra, en 1802, comme lieutenant au régiment des Chevaliers-Gardes, fut promu en 1805 sous-chef d'escadrons et passa, en 1806, aux dragons de Pskoff, avec lesquels il rejoignit l'armée d'opérations contre Napoléon. Il y fut attaché à Bennigsen et envoyé comme courrier à Pétersbourg avec l'heureuse nouvelle de la bataille de Poultousk comme d'une victoire. Rentré aux Chevaliers-Gardes avec son grade, Vassilieff passa en premier en 1807 et prit sa retraite l'année suivante avec le grade de colonel. Il entra avec le rang de conseiller de collège dans la police de Pétersbourg, puis fut nommé maître de police de Pétersbourg. Il jouissait d'une confiance et d'une bienveillance particulières près du Césaréwitch Constantin Pavlowitch, et, pendant la campagne de 1812—1814, il eut la garde de la métairie de Strelna, où le Grand-Duc avait laissé ses proches. On a de cette époque une série de lettres de Constantin Pavlowitch au comte Vassilieff, où il juge les événements en cours et donne de divers personnages du temps des appréciations parfois vives. Il y eut dans la suite refroidissement. En 1816, Vassilieff fut promu général-major et désigné au commandement de la 2e brigade de la 1re division de hussards. En 1820, il fut nommé gouverneur de Toula, avec rang de conseiller d'état actuel: trois ans après, il dut quitter ce poste en raison d'un dérangement cérébral qui dura jusqu'à la fin de ses jours. Il resta dès lors à Moscou, où il mourut le 6 mai 1839; il y fut inhumé au cimetière Vagankoff. Il avait épousé en 1805 la fille du célèbre comte Koutaïssoff, Marie Ivanowna (1787—1870), dont il eut un fils, le comte Alexis (1809—1895), et trois filles. La race est éteinte, et le titre est passé à son unique petite-fille, la comtesse Anne Alexéewna Vassilieff-Chilowsky, qui n'a pas non plus de postérité.

(D'après une miniature appartenant à la comtesse A. A. Vassilieff-Chilowsky, à Moscou.)

Графъ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ТОЛСТОЙ, 1765—1816, оберъ-гофмаршалъ и постоянный спутникъ Императора Александра I въ его заграничныхъ поѣздкахъ, старшій братъ извѣстнаго графа Петра Александровича Толстого, посла въ Парижѣ при Наполеонѣ, правнукъ графа Петра Андреевича, сподвижника Петра Великаго, былъ сынъ гр. Александра Петровича (1719—1792), женатаго на Евдокіи Львовнѣ Измайловой, сестрѣ Михаила Львовича Измайлова, который первый доставилъ Екатеринѣ отреченіе Петра III. Родственники графа Н. А. принадлежали также къ именитымъ родамъ русскимъ. Двоюродный братъ его, Николай Ивановичъ Салтыковъ, былъ фельдмаршаломъ и предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Графъ Н. А. Толстой былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Ивановнѣ Барятинской, дочери князя Ивана Сергѣевича (посланника въ Парижѣ при Людовикѣ XVI) и жены его, Екатерины Петровны, рожд. принцессы Гольштейнъ-Бекской.

При такомъ именитомъ родствѣ и связяхъ, гр. Толстой сдѣлался человѣкомъ весьма близкимъ ко двору Екатерины, а впослѣдствіи пользовался и расположеніемъ Императора Павла. Со вступленіемъ на престолъ Александра I начинается придворная дѣятельность гр. Н. А., который почти безотлучно состоялъ при Государѣ въ теченіе 15-и первыхъ лѣтъ его царствованія, занимая видный постъ оберъ-гофмаршала до самой своей кончины.

Гр. Н. А. Толстой принадлежалъ къ той группѣ лицъ, которыми окружалъ себя Александръ въ первую половину своего царствованія, и пользовался большимъ довѣріемъ и благосклонностью Государя, несмотря на необычную для царедворца рѣзкость своего характера. Извѣстно, что гр. Толстой нерѣдко позволялъ себѣ разныя выходки даже по адресу Государя, который, несмотря на это, относился къ нему снисходительно. Такъ, напримѣръ, въ Эрфуртѣ, гр. Н. А. ясно показалъ свою ненависть къ Наполеону, и когда тотъ возложилъ на него орденъ Почетнаго Легіона, а вслѣдъ затѣмъ тоже хотѣлъ сдѣлать Императоръ Александръ, держа въ рукахъ Андреевскую ленту, Толстой отступилъ, сказавъ: „Можетъ ли нашъ Андрей Первозванный быть рядомъ съ орденомъ Бонапарта?“

Въ общемъ гр. Толстой, будучи царедворцемъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, находился въ центрѣ многочисленныхъ интригъ, которыя велъ весьма успѣшно частью отъ себя, частью въ качествѣ исполнителя высшихъ, не всегда даже ему ясныхъ, предначертаній. Обстоятельство это въ значительной степени рисуетъ намъ оберъ-гофмаршала Александра, какъ человѣка весьма неискренняго, быть-можетъ, даже двуличнаго, но несомнѣнно настойчиваго, достаточно ловкаго. Такъ, М. А. Корфъ, со словъ Закревскаго, даетъ слѣдующій портретъ гр. Н. А.: „Человѣкъ безъ всякихъ высшихъ видовъ, даже довольно ограниченный, „Толстой сумѣлъ достигнуть величайшей милости средствами противоположными обыкновеннымъ: вмѣсто „колѣнопреклоненія и раболѣпства, онъ былъ грубъ и дерзокъ со всѣми“.

Въ эпоху Отечественной войны, начало которой ознаменовано такимъ крупнымъ политическимъ событіемъ, какъ ссылка Сперанскаго, Толстой примыкалъ къ той группѣ лицъ, которыя тайно содѣйствовали сверженію недавняго любимца и совѣтника Александра. Какія чувства питалъ въ дѣйствительности оберъ-гофмаршалъ къ будущему составителю Свода законовъ—неизвѣстно, но участіе его въ паденіи знаменитаго государственнаго секретаря несомнѣнно. Тайный союзъ противъ Сперанскаго, руководимый, по словамъ М. А. Корфа, самимъ Императоромъ, состоялъ изъ пяти главныхъ лицъ, стоявшихъ на высшихъ ступеняхъ государственной службы (графовъ Моркова, Ростопчина, Армфельда, ген. Балашова и тайнаго агента Людовика XVIII въ Петербургѣ де-Вернега) и нѣсколькихъ второстепенныхъ, во главѣ которыхъ находился гр. Н. А. Толстой. О роли Толстого въ дѣлѣ Сперанскаго М. А. Корфъ говоритъ слѣдующее: „Роль „гр. Н. А. Толстого, въ настоящемъ дѣлѣ была похожа на роль Ростопчина. Она заключалась въ наговорахъ и переносахъ, къ которымъ Толстой имѣлъ весьма часто всѣ случаи, находясь неотлучно при Государѣ и присвоивъ себѣ право говорить все, что ни вспадало ему на мысль. Въ этомъ смыслѣ сакерментъ—„такъ называлъ его Александръ—представлялъ нѣкоторымъ образомъ прислужника Армфельда и всей аристократической партіи, находившихъ въ немъ всегда охотное орудіе къ доведенію до свѣдѣнія Государя „всевозможныхъ жалобъ и клеветъ на ненавистнаго поповича“.

Гр. Н. А. Толстой умеръ 9 Декабря 1816 года и погребенъ въ Лазаревой церкви Александро-Невской лавры. Гр. Толстой имѣлъ двоихъ сыновей, Александра и Эммануила, и дочь Екатерину (за кн. Любомирскимъ).

(Съ миніатюры, принадлежащей Императорскому Эрмитажу.)

Le comte NICOLAS ALEXANDROWITCH TOLSTOÏ, 1765—1816, grand maréchal de la Cour, et compagnon inséparable de l'Empereur Alexandre Ier dans ses voyages à l'étranger, frère aîné du comte Pierre Alexandrowitch Tolstoï, l'ambassadeur à Paris sous Napoléon, arrière-petit-fils du comte Pierre Andréewitch, le compagnon d'armes de Pierre-le-Grand, était fils du comte Alexandre Pétrowitch (1719—1792) et d'Eudoxie Lvowna, née Izmaïloff, sœur de Michel Lvowitch Izmaïloff, qui présenta le premier à Catherine l'abdication de Pierre III. Les parents du comte Nicolas Tolstoï appartenaient aussi à des familles russes de qualité: un de ses cousins, Nicolas Ivanowitch Saltykoff, fut feld-maréchal et président du conseil de l'Empire. Le comte N. A. Tolstoï épousa la princesse Anne Ivanowna Bariatinsky, fille du prince Ivan Serguéewitch, ambassadeur à Paris sous Louis XVI, et de Catherine Pétrowna, née princesse de Holstein-Beck.

Avec une telle parenté et de telles relations, le comte Tolstoï devint un des personnages les plus proches de la Cour de Catherine, et jouit également dans la suite de la faveur de l'Empereur Paul. C'est à l'avènement d'Alexandre Ier que commença son rôle à la Cour même: il resta attaché en permanence à la personne de l'Empereur pendant les quinze premières années de son règne, avec les fonctions de grand maréchal de la Cour, qu'il exerça jusqu'à sa mort.

Le comte Tolstoï faisait partie de l'entourage que s'était créé l'Empereur Alexandre dans la première moitié de son règne, et jouissait de toute la confiance et la bienveillance du Souverain, malgré une acrimonie de caractère rare chez un courtisan. On sait qu'il se permettait souvent toute espèce de sorties à l'adresse de l'Empereur même, qui se montrait malgré tout indulgent. C'est ainsi qu'à Erfurt, il manifesta hautement son antipathie pour Napoléon: quand celui-ci l'eut décoré de l'ordre de la Légion d'Honneur, et qu'Alexandre voulut ensuite le revêtir du cordon de St-André, il se recula en disant: „Peut-on mettre notre André Pervozvanny à côté d'une décoration de Bonaparte?“

Somme toute, le comte Tolstoï, courtisan au vrai sens du terme, se trouva être le pivot de nombreuses intrigues, qu'il conduisit fort heureusement, en partie de son propre chef, en partie, dans laquelle il ne voyait même pas toujours clair comme instrument d'une volonté d'en haut. Ceci fait éminemment voir dans le grand maréchal de la Cour d'Alexandre Ier un homme sans aucune bonne foi, peut-être même à double face, mais en tout cas tenace et assez adroit. C'est ainsi qu'au témoignage de Zakrewsky, Korff fait de lui le portrait suivant: „Homme sans la moindre largeur de vues, et même passablement borné, Tolstoï sut se concilier la faveur de l'Empereur, non pas, comme d'ordinaire, à force de génuflexions et de servilité, mais, tout en se montrant grossier et impertinent envers tout le monde“.

A l'époque de la Guerre Patriotique, dont le début fut marqué par l'événement considérable que fut la disgrâce de Spéransky, Tolstoï entra dans le groupe qui travailla sourdement au renversement de celui qui avait été la veille le favori et le conseiller d'Alexandre. Quels étaient au fond les sentiments du grand maréchal de la Cour pour le futur rédacteur du Code, on ne sait; mais il fut, cela ne fait aucun doute, un des artisans de la chute du célèbre Secrétaire d'Etat. Le complot contre Spéransky, mené, au témoignage de Korff, par l'Empereur lui-même, comprenait d'abord cinq personnages placés aux échelons supérieurs de la hiérarchie gouvernementale, les comtes Morkoff, Rostoptchine, Armfeld, le général Balachoff, et l'agent secret de Louis XVIII à Pétersbourg, de Werner, puis quelques autres de second ordre, à la tête desquels Tolstoï. Du rôle de Tolstoï dans l'affaire Spéransky, Korff dit ce qui suit: „Le rôle du comte Nicolas Tolstoï dans cette affaire est, comme celui de Rostoptchine, fait de calomnies et de racontars: les occasions ne manquaient pas, Tolstoï se trouvant en permanence près de l'Empereur et s'étant arrogé le droit de dire tout ce qui lui passait par la tête. Sous ce rapport, „Sacrement“, comme l'appelait Alexandre, était comme un instrument docile aux mains d'Armfeld et de tout le parti aristocratique, qui le trouvaient toujours disposé à porter à la connaissance de l'Empereur toute espèce de plaintes et de calomnies contre le fils de pope détesté“.

Le comte Nicolas Tolstoï mourut le 9 décembre 1816, et fut inhumé à l'église St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Il eut deux fils, Alexandre et Emmanuel, et une fille, Catherine, qui épousa le prince Lubomirsky.

(D'après une miniature de l'Ermitage Impérial.)

СТЕПАНЪ СТЕПАНОВИЧЪ КОЛЫЧЕВЪ, 1756—1810, гофмаршалъ, сынъ Степана Степановича и Прасковьи Федоровны, рожденной графини Головиной, двоюродный братъ вице-канцлера, 9-и лѣтъ былъ записанъ въ Конную гвардію и въ 1777 г. произведенъ въ корнеты; черезъ два года пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ 1785 г. въ ротмистры лб.-гв. Коннаго полка, а въ 1793 г. былъ уже дѣйствительнымъ камергеромъ и состоялъ при графѣ д'Артуа. Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II былъ гофмаршаломъ, но по воцареніи Павла Петровича тотчасъ же отставленъ отъ этой должности, несмотря на то, что, какъ говорятъ, въ дѣтствѣ разыгрывалъ съ нимъ дуэты на скрипкѣ. Въ молодости онъ славился и своей красотой, и успѣхомъ у женщинъ, пользовался покровительствомъ М. П. Нарышкиной (рожд. Балкъ-Полевой). Въ Парижѣ онъ такъ увлекся парижанками, особенно „комедіантками и танцовщицами", что просрочилъ свой отпускъ, къ крайнему неудовольствію Государыни. Но въ то же время это не мѣшало ему быть особенно набожнымъ: онъ всегда возилъ съ собой чтимую въ родѣ Колычевыхъ икону Заморской Божіей Матери и во время остановокъ вездѣ зажигалъ передъ ней лампаду. М. П. Нарышкина называла Колычева „совершеннымъ умницей", и въ 1788 г. „нашла ему невѣсту презрядную дѣвицу, совершенную красавицу, въ которую онъ влюбленъ и собирается жениться". Но Колычевъ такъ никогда и не женился, хотя и выбиралъ себѣ жену послѣ „изъ здѣшнихъ танцовщицъ, но не можетъ сыскать противъ французской Симонши, ибо всѣ здѣшнія танцовщицы премерзкія". Колычевъ имѣлъ до 3 тысячъ душъ крестьянъ и заводы конный, овчарный и винокуренный. Умеръ 14 октября 1810 г. и погребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

(Съ миніатюры работы Ритта; собраніе графини П. М. Соллогубъ, Москва.)

82

STÉPANE STÉPANOWITCH KOLYTCHEFF, 1756—1810, maréchal de la Cour, fils de Stépane Stépanowitch et de Prascovie Féodorowna, née comtesse Golovine, cousin germain du vice-chancelier Kolytcheff, fut, à l'âge de 9 ans, enrôlé dans la Garde à cheval, et, en 1777, promu cornette; deux ans plus tard, nommé gentilhomme de la chambre, en 1785, promu capitaine au régiment de la Garde Impériale à cheval, et, en 1793, fait chambellan actuel et attaché au comte d'Artois. Dans les dernières années du règne de Catherine II, il était maréchal de la Cour, mais, à l'avènement de Paul Ier, il fut immédiatement destitué, bien qu'il eût, dit-on, exécuté, étant enfant, des duos de violon avec le futur empereur. Dans sa jeunesse, il était réputé pour sa beauté et ses succès auprès des femmes et jouit de la protection de Mme Narychkine, née Balk-Poléva et de celle de Potemkine lui-même. A Paris, il fut pris d'un tel enthousiasme pour les parisiennes et, en particulier, pour les „comédiennes et danseuses" qu'il rentra en retard à la fin de son congé, au grand mécontentement de l'Impératrice. Mais cela ne l'empêchait pas de se montrer en même temps d'une piété particulière: il emportait toujours dans ses déplacements l'image de la Vierge d'Outremer, objet du culte spécial des Kolytcheff, devant laquelle il ne manquait jamais d'allumer la lampe sainte lorsqu'il s'arrêtait. Mme Narychkine l'appelait „un parfait homme d'esprit", et, en 1788, „lui trouva une fiancée tout à fait convenable, d'une beauté accomplie, dont il est amoureux et qu'il va épouser". Mais Kolytcheff resta cependant sans jamais se marier, et pourtant lui-même se cherchait un parti „dans les danseuses d'ici, mais sans pouvoir rien trouver qui vaille la française Simonchi, car ici il n'y a que des horreurs en fait de danseuses". Kolytcheff n'avait pas moins de 3000 âmes de paysans, avec un haras, une bergerie et une distillerie d'eau-de-vie. Il mourut le 14 octobre 1810, et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après une miniature de Ritt, collection de la comtesse N. Sollogoub, à Moscou.)

79

Пис. И. Григорьевъ — Peint par I. Grigorieff

Графъ Николай Михайловичъ Каменскій,
1776 — 1811

Le Comte Nicolas Mikhaïlowitch Kamensky,
1776 — 1811

80

Графъ Владиміръ Федоровичъ Васильевъ,
1782 — 1839

Le Comte Vladimir Fédorowitch Vassilieff,
1782 — 1839

81

Графъ Николай Александровичъ Толстой,
1765 — 1816

Le Comte Nicolas Alexandrowitch Tolstoï,
1765 — 1816

82

Пис. Риттъ — Peint par Ritt

Степанъ Степановичъ Колычевъ,
1756 — 1810

Stépane Stépanowitch Kolytcheff,
1756 — 1810

АЛЕКСАНДРЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ БУЛГАКОВЪ, 1781—1863, сенаторъ, Московскій почтъ-директоръ, старшій сынъ извѣстнаго дипломата, д. тайн. сов. Якова Ивановича Булгакова и француженки Екатерины Любимовны Эмберъ (Imbert; позднѣе за докторомъ Шумлянскимъ), родился 15 Ноября 1781 г. въ Константинополѣ, гдѣ отецъ его былъ тогда чрезвычайнымъ посланникомъ; въ 1790 г. вмѣстѣ съ братомъ получилъ фамилію и гербъ Булгаковыхъ. Воспитывался въ Петербургской нѣмецкой школѣ св. Петра. Записанный съ 1789 г. сержантомъ въ Преображенскій полкъ, въ 1796 г. поступилъ юнкеромъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ. Съ 1802 г. состоялъ при миссіи въ Неаполѣ и Палермо, въ 1809 г., чтобы жить въ Москвѣ вмѣстѣ съ отцомъ, причислился къ Московскому архиву Иностранныхъ дѣлъ; въ 1812 г. назначенъ чиновникомъ для особыхъ порученій къ гр. Ростопчину, особенную любовь котораго и довѣріе сумѣлъ заслужить, при чемъ самъ относился къ нему съ глубокимъ благоговѣніемъ и почитаніемъ; въ этой должности онъ состоялъ и при преемникѣ Ростопчина, гр. Тормасовѣ. Произведенный въ 1819 г. въ дѣйств. статскіе совѣтники и пожалованный въ 1826 г. въ камергеры, продолжалъ числиться при архивѣ, пока въ 1832 г. не былъ назначенъ Московскимъ почтъ-директоромъ, къ большому удовольствію москвичей и чиновниковъ почтоваго вѣдомства, еще живо помнившихъ всѣми искренно любимаго его брата, К. Я. Булгакова, положившаго не мало труда на устройство Московскаго почтамта. Самъ мастеръ писать письма, страстный любитель новостей, А. Я. Булгаковъ имѣлъ теперь въ своемъ распоряженіи богатый матеріалъ для удовлетворенія этой своей слабости; по выраженію князя Вяземскаго, онъ „купался и плавалъ въ письмахъ, какъ осетръ въ рѣкѣ“. Поэтому для него было большимъ ударомъ перемѣщеніе въ 1856 г. съ должности почтъ-директора въ Сенатъ. Булгаковъ быстро осунулся и, 7 лѣтъ спустя, умеръ въ Дрезденѣ въ 1863 году.

Женатъ былъ 2 раза: на княжнѣ Наталіи Васильевнѣ Ховринской (р. 7 Мая 1785, † 9 Апр. 1841), отъ которой имѣлъ 2 сыновей—Константина, извѣстнаго повѣсу, и Павла, и дочерей—Екатерину (за Соломирскимъ) и Ольгу (за кн. Долгорукимъ), и вторымъ бракомъ—на Мацневой.

Сынъ француженки, уроженецъ юга, Булгаковъ по внѣшности и темпераменту, отражавшемуся на его живомъ лицѣ и въ тѣлодвиженіяхъ, напоминалъ южанина, по убѣжденіямъ же и вкусамъ былъ вполнѣ русскимъ человѣкомъ. Не имѣя глубокаго ума, считался образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени, былъ пріятенъ въ обществѣ, умѣлъ хорошо подмѣчать слабости людей и ихъ искусно передразнивать; мастеръ разсказывать, любилъ чтеніе и самъ былъ не чуждъ литературы, хотя и безъ особеннаго успѣха. Былъ друженъ со многими выдающимися людьми своего времени—Вяземскимъ, Тургеневымъ, Закревскимъ, Воронцовымъ, пользовался благоволеніемъ Государя Николая Павловича и Великаго Князя Михаила Павловича, котораго умѣлъ развлекать въ Москвѣ своими остроумными разсказами. Человѣкъ общительный, онъ имѣлъ обширный кругъ знакомства; часто получая отъ брата Петербургскія новости, Булгаковъ являлся въ Москвѣ какъ бы живой газетой и любилъ первый сообщить какое-нибудь пріятное извѣстіе. Въ его обширной перепискѣ, по словамъ кн. Вяземскаго, отразились „весь бытъ, все движеніе государственное и общежительное, событія, слухи, дѣла и сплетни, учрежденія и лица, съ вѣрностью и живостью“. Но Булгаковъ, кромѣ писемъ, оставилъ еще интересныя „Записки“, только незначительная часть которыхъ была напечатана, изданія же остальной—приходится ожидать съ большимъ нетерпѣніемъ.

(Съ акварельнаго портрета акад. Горбунова 1839 г.; собственность А. А. Львовой, въ Москвѣ.)

ALEXANDRE YAKOVLEWITCH BOULGAKOFF, 1781—1863, sénateur, directeur des Postes de Moscou, fils aîné du conseiller privé actuel et diplomate bien connu Jacob Boulgakoff et d'une française, Catherine Imbert, qui épousa plus tard le docteur Choumliansky, naquit le 15 novembre 1781 à Constantinople, où son père était alors envoyé extraordinaire; en 1790, il reçut le nom et les armes des Boulgakoff. Il fit ses études à l'école allemande St-Pierre, à Pétersbourg, s'enrôla sergent, en 1789, au régiment Préobragensky, et, en 1796, avec rang de porte-enseigne, entra au Collège des Affaires étrangères. En 1802, il fut attaché aux missions diplomatiques de Naples, puis de Palerme, et, en 1809, pour rester près de son père à Moscou, se fit donner un emploi aux Archives des Affaires étrangères. En 1812, il fut nommé fonctionnaire des commissions spéciales près du comte Rostoptchine, dont il sut se concilier l'affection et la confiance particulières: lui-même, de son côté, lui témoignait une vénération et une estime profondes; il conserva la même fonction près du successeur de Rostoptchine, le comte Tormassoff. Il passa, en 1819, conseiller privé actuel, puis fut fait, en 1826, gentilhomme de la chambre, toujours sans quitter les Archives; enfin, en 1832, il fut nommé directeur des Postes de Moscou, à la grande satisfaction des moscovites et des fonctionnaires de l'administration des Postes: tous avaient présent à la mémoire le souvenir de son frère Constantin, qui s'était fait sincèrement aimer à Moscou pour les soins qu'il avait mis à organiser la Poste. Maître lui-même dans l'art de la correspondance, amateur passionné de nouvelles, Boulgakoff avait maintenant à sa disposition de riches matériaux pour satisfaire sa faiblesse: comme dit Viazemsky, il „plongeait et nageait dans les lettres comme le poisson dans l'eau". Aussi ce fut pour lui un coup terrible quand il dut, en 1856, quitter la direction des Postes pour le Sénat: il baissa rapidement et mourut à Dresde au bout de sept ans, en 1863.

Il se maria deux fois; de la princesse Natalie Vassiliewna Khovansky (née le 7 mai 1785, † 9 avril 1841), il eut deux fils, Constantin, connu par ses frasques, et Paul, et deux filles, Catherine, qui épousa Solomirsky, et Olga, qui épousa le prince Dolgorouky; il épousa en secondes noces Mlle Matzneff.

Fils d'une française, originaire du midi, Boulgakoff était un vrai méridional par son extérieur et par son tempérament, qui perçait dans la vivacité de son visage et dans ses gestes: mais ses idées et ses goûts étaient entièrement russes. Sans avoir un esprit profond, il passait pour l'homme le plus cultivé de son temps; il était agréable en société, savait saisir les faiblesses des gens et possédait le talent de les parodier. Passé maître dans l'art de raconter, il aimait la lecture, et ne fut pas sans se mêler lui-même de littérature, mais avec un succès douteux. Il était lié avec beaucoup d'hommes éminents de son temps, Viazemsky, Tourguéneff, Zakrewsky, Vorontzoff, et jouissait de la faveur de l'Empereur Nicolas et du Grand-Duc Michel Pavlowitch, qu'il sut distraire à Moscou par ses récits spirituels. Eminemment sociable, il avait un cercle de relations très étendu; tenu par son frère au courant des nouveautés de Pétersbourg, il était pour Moscou une sorte de gazette vivante, et aimait à être le premier à répandre une bonne nouvelle. Son immense correspondance est, dit Viazemsky, un écho, „plein d'exactitude et de vivacité, de toute la vie, de tout le mouvement de l'Etat et de la société, des événements, des bruits, des affaires et des racontars, des institutions et des hommes". Mais Boulgakoff, outre ses lettres, a encore laissé d'intéressants Mémoires, dont il n'a été publié qu'une toute petite partie: on ne saurait trop impatiemment attendre le reste.

(D'après l'aquarelle (1839) de l'acad. Gorbounoff, propriété de Mme A. Lvoff, à Moscou.)

КОНСТАНТИНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ БУЛГАКОВЪ, 1782—1855, Петербургскій почтъ-директоръ и управляющій почтовымъ департаментомъ, родился въ Константинополѣ 31 Декабря 1782 г.; учился вмѣстѣ со старшимъ братомъ А. Я. Булгаковымъ въ училищѣ св. Петра и въ 1797 г. поступилъ въ Архивъ Иностранныхъ дѣлъ, въ Москвѣ. Въ 1802 г. причисленъ къ посольству въ Вѣнѣ и заслужилъ расположеніе какъ князя А. Б. Куракина, такъ и гр. Разумовскаго, довѣрившихъ Булгакову секретныя дѣла. Въ 1807 г. сопровождалъ Поццо-ди-Борго въ Архипелагъ, а въ 1810—12 гг. состоялъ правителемъ дипломатической канцеляріи главнокомандующихъ молдавской арміей гр. Каменскаго и Кутузова. Оба полюбили способнаго, всегда бодраго и веселаго Булгакова, и первый въ своемъ завѣщаніи поручалъ его покровительству Государя, а второй любилъ говорить: „Когда вижу Булгакова, у меня сердце радуется“. Посланный въ Константинополь адмираломъ Чичаговымъ, Булгаковъ блестяще исполнилъ порученіе, достигнувъ ратификаціи султаномъ мирнаго договора. Въ 1813 г. управлялъ Гродненской губерніей, затѣмъ состоялъ при кн. П. М. Волконскомъ и гр. Нессельроде, а въ день вступленія русскихъ въ Парижъ находился при Александрѣ I, и ему поручено было принимать прошенія; затѣмъ сопровождалъ Государя въ Лондонъ и гр. Нессельроде на Вѣнскій конгрессъ. Въ 1816 г., незадолго передъ тѣмъ женившійся на дочери Валахскаго вестіарія румынкѣ Маріи Константиновнѣ Варламъ, Булгаковъ отказался отъ мѣста посланника въ Даніи и былъ назначенъ Московскимъ почтъ-директоромъ. Въ Москвѣ онъ заслужилъ всеобщую любовь; почтовые чиновники, провожая его, благодарили за заботы о ихъ нуждахъ и „всевозможныя благодѣянія“, которыя онъ „возвышалъ искреннимъ и всегда ободряющимъ обращеніемъ, благосклонными и съ отеческой нѣжностью соединенными наставленіями“. Въ 1819 г. переведенъ на ту же должность въ Петербургъ, въ 1821 г. награжденъ Владиміромъ 2-й ст., въ 1826 г. произведенъ въ тайн. совѣтники, въ 1832 г. получилъ Бѣлаго Орла. Булгаковъ умеръ отъ удара 29 Октября 1855 г., всего 53 лѣтъ, и похороненъ въ церкви Св. Духа Александро-Невской лавры.

Онъ сдѣлалъ много полезнаго въ почтовомъ дѣлѣ: ускорилъ движеніе почты, впервые устроилъ городскую почту, уменьшилъ таксу, ввелъ дилижансы, экстра-почту, заключилъ конвенцію съ Пруссіей и пр.—Государи Александръ I и Николай Павловичъ, Императрицы Марія Ѳеодоровна и Александра Ѳеодоровна выражали ему свое благоволеніе. Благодаря своимъ личнымъ качествамъ, Булгаковъ пользовался общей симпатіей. Живой и общительный, онъ и внѣшностью напоминалъ старшаго брата, но его нравственныя правила и убѣжденія были чище, его сердечность глубже, его доброта чужда своекорыстныхъ соображеній. Онъ былъ всѣмъ доступенъ и со всѣми вѣжливъ, особенно съ подчиненными; его готовность помочь всякому была общеизвѣстна, и онъ являлся, какъ говоритъ Вяземскій, „средоточіемъ, къ которому стекались повсемѣстныя просьбы“. Онъ обладалъ „особенной ловкостью“ убѣждать людей холодныхъ и недоступныхъ, и его ходатайства достигали цѣли; онъ никогда ничего не просилъ для себя и никому никогда не отказывалъ самъ, такъ что почти всѣ считали себя въ долгу передъ нимъ. Домъ его часто бывалъ полонъ гостей, и эти собранія были „биржей животрепещущихъ новостей“, но самъ Булгаковъ былъ надежнымъ хранителемъ извѣстныхъ ему тайнъ. Устраивая у себя благотворительные вечера и лотереи, онъ любилъ самъ отыскивать бѣдныхъ и оказывать имъ помощь. Его обширная переписка, изданная въ „Русскомъ Архивѣ“, является богатой и интересной хроникой русскаго общества начала XIX вѣка и даетъ обильный матеріалъ для симпатичной характеристики самого писавшаго.

Марія Константиновна Булгакова (съ 1832 г. кавал. дама орд. св. Екатерины 2 класса) пережила мужа на 43 г., умерла 83 лѣтъ (р. 3 Апр. 1796, † 17 Апр. 1879) и похоронена рядомъ. У нихъ были дѣти: сынъ Александръ и дочери: Софія (за гр. Перовскимъ), Марія и Екатерина.

(Съ акварельнаго портрета Бешнера 1821 г.; собраніе Великаго Князя Николая Михайловича.)

CONSTANTIN YAKOVLEWITCH BOULGAKOFF, 1782—1835, directeur des Postes et gérant du département des Postes à Pétersbourg, naquit à Constantinople le 31 décembre 1782. Il fit ses études avec son frère aîné Alexandre à l'école St-Pierre, et, en 1797, entra aux Archives des Affaires étrangères à Moscou. En 1802, il fut attaché à l'ambassade de Vienne et se concilia la bienveillance, aussi bien du prince Kourakine que du comte Razoumowsky, qui lui avaient confié les affaires secrètes. En 1807, il accompagna Pozzo-di-Borgo dans l'Archipel, et, en 1810—1812, fut à la tête de la chancellerie diplomatique des comtes Kamensky et Koutouzoff, commandants en chef de l'armée de Moldavie. Tous deux le prirent en affection pour sa capacité, son entrain et sa gaîté; le premier le confie dans son testament à la protection de l'Empereur, et le second répète: „Quand je vois Boulgakoff, mon cœur se réjouit". Envoyé à Constantinople par l'amiral Tchitchagoff, Boulgakoff s'acquitta brillamment de sa mission en obtenant du sultan la ratification de la paix. En 1813, il administra le gouvernement de Grodno, puis fut attaché au prince P. Volkonsky et au comte Nesselrode, et, le jour de l'entrée des Russes à Paris, se trouva aux côtés d'Alexandre Ier, avec la mission de recevoir les suppliques; il accompagna ensuite l'Empereur à Londres et le comte Nesselrode au congrès de Vienne. En 1816, peu après son mariage avec une roumaine, Marie Konstantinowna Varlame, fille d'un dignitaire valaque, il renonça au poste d'ambassadeur en Danemark, pour se faire nommer directeur des Postes à Moscou. Il se fit, là aussi, universellement aimer, et, à son départ, les fonctionnaires placés sous ses ordres lui exprimèrent leur gratitude pour sa sollicitude à leur égard et pour ses „bienfaits de toute nature", qu'il „relevait par son attitude franche et toujours encourageante, par ses instructions d'une bienveillance et d'une tendresse paternelles". En 1819, il passa avec la même fonction à Pétersbourg, en 1821, reçut St-Vladimir de 2e classe, en 1826, fut promu conseiller privé, et, en 1832, décoré de l'Aigle Blanc. Boulgakoff mourut d'apoplexie, le 29 octobre 1835, à l'âge de 53 ans seulement, et fut inhumé à l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky.

Il fit beaucoup de bien aux Postes: il accéléra les échanges, fit desservir pour la première fois l'intérieur de la ville, abaisser la taxe, employer les diligences, créa la poste extraordinaire, conclut une convention avec la Prusse, etc. Les Empereurs Alexandre et Nicolas, les Impératrices Marie Féodorowna et Alexandra Féodorowna, lui témoignèrent leur gratitude. Ses qualités personnelles lui attirèrent toutes les sympathies. Gai et sociable comme son frère aîné, il lui ressemblait aussi physiquement; mais il était plus pur de principes et de convictions, sa cordialité était plus profonde, sa bonté dégagée de considérations d'intérêt. Accessible à tous, aimable avec tous, surtout avec ses subordonnés, on le savait toujours disposé à rendre service: il était, selon l'expression de Viazemsky, „le point de concentration de sollicitations venues de partout". Il avait „un talent particulier" pour venir à bout des gens au cœur froid et à l'accès difficile, et son entremise était toujours couronnée de succès; il ne demandait jamais rien pour lui et ne refusait lui-même jamais rien à personne, de sorte que presque tout le monde se sentait en reste avec lui. Sa maison était souvent pleine d'invités, et ces réunions faisaient „une bourse de nouvelles d'un intérêt palpitant", mais lui gardait scrupuleusement les secrets dont il avait connaissance. Il organisait chez lui des soirées et des loteries de bienfaisance, et aimait aller lui-même à la recherche des pauvres et leur porter secours. Son immense correspondance, publiée dans „l'Archive Russe", est une riche et intéressante chronique de la société russe du commencement du XIXe siècle, et donne, sous nombre de rapports, une idée bien sympathique de la personnalité de l'auteur.

Marie Konstantinowna Boulgakoff, née le 3 avril 1796, dame de l'Ordre de Ste-Catherine de 2e classe depuis 1832, mourut à l'âge de 83 ans, le 17 avril 1879, après avoir survécu de 43 ans à son mari, et fut inhumée à ses côtés. Ils eurent un fils, Alexandre, et trois filles, Sophie, plus tard Mme Pérowsky, Marie et Catherine.

(D'après l'aquarelle (1821) de Benner, collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

83

Александръ Яковлевичъ Булаковъ,
1781 — 1863

Alexandre Yakovlewitch Boulgakoff,
1781 — 1863

84

Константинъ Яковлевичъ Булаковъ,
1782 — 1835

Constantin Yakovlewitch Boulgakoff,
1782 — 1835

Княгиня ЕКАТЕРИНА ФЕДОРОВНА ДОЛГОРУКАЯ, 1769—1849, дочь оберъ-гофмаршала князя Федора Сергѣевича Барятинскаго, женатаго на княжнѣ Маріи Васильевнѣ Ховапской, родилась 29 Октября 1769 года. Шестнадцати лѣтъ отъ роду, при первомъ своемъ выѣздѣ въ свѣтъ, на праздникѣ маскарадѣ, данномъ Потемкинымъ въ Аничковомъ дворцѣ въ честь Екатерины, она привела всѣхъ въ восторгъ своей красотой и граціей. Въ 1785 г. княжна Барятинская была пожалована во фрейлины, а въ слѣдующемъ году вышла замужъ за генералъ-поручика князя Василія Васильевича Долгорукаго, сына извѣстнаго князя В. М. Долгорукаго-Крымскаго. Во время второй турецкой войны она послѣдовала за мужемъ въ армію Потемкина и провела зиму 1790 г. въ Бендерахъ, въ обществѣ другихъ извѣстныхъ красавицъ, оживлявшихъ лагерную жизнь свѣтлѣйшаго. Потемкинъ серіозно увлекался ею: давалъ въ честь ея роскошные праздники въ своемъ дворцѣ-землянкѣ, на которыхъ она появлялась въ костюмѣ одалиски; малѣйшія ея прихоти исполнялись какъ бы волшебствомъ; курьеры скакали въ Парижъ за бальными башмаками для нея. Всѣми мѣрами старался снискать ея благосклонность, Потемкинъ, по увѣренію современниковъ, ускорилъ штурмъ Измаила, чтобы дать ей зрѣлище атаки крѣпости, и, какъ говорятъ, совершенно напрасно и преждевременно отпраздновалъ свою побѣду надъ ея сердцемъ ночной тревогой со стопушечной пальбой и батальнымъ огнемъ.

Вернувшись въ Петербургъ въ 1791 г., кн. Долгорукая заняла первое мѣсто среди молодыхъ красавицъ Екатерининскаго двора. Виже-Лебрень, пользовавшаяся ея дружбой и написавшая ея портретъ въ костюмѣ Сивиллы, такъ описываетъ ея наружность: „Красота ея меня поразила: черты ея лица были строго классическія, съ примѣсью чего-то еврейскаго, особенно въ профилѣ; длинные темнокаштановые волосы падали на ея плечи; талія ея была удивительная, и во всей ея особѣ было столько же благородства, сколько и граціи“. Соединяя съ красотою умъ, веселость и обворожительную любезность, кн. Долгорукая была окружена толпою обожателей, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занималъ австрійскій посолъ, графъ Кобенцель, слѣдовавшій за нею, какъ тѣнь. Обладая сценическимъ талантомъ, она ввела въ моду въ Петербургѣ домашнія представленія и живыя картины, въ которыхъ постоянно участвовала; пользовалась расположеніемъ Екатерины, всегда благоволившей къ семейству Барятинскихъ. Съ воцареніемъ Павла родители ея подверглись опалѣ и уѣхали за границу; скоро за ними послѣдовала и она. Поселившись въ Парижѣ, гдѣ у нея было много друзей, кн. Долгорукая заняла тамъ выдающееся положеніе. Парижане очень заинтересовались ея внѣшностью, яркими туалетами и драгоцѣнностями, которыми она любила себя осыпать. Ея острый умъ, блестящія и колкія рѣчи привлекали на ея вечера современныхъ знаменитостей Парижа: Ривароль, Лагарпъ, абб. Делиль, гр. Сегюръ, Виже-Лебренъ были постоянными посѣтителями ея салона; она была дружна и съ г-жей Рекамье. При первомъ появленіи своемъ при дворѣ перваго консула она пронзвела большой эффектъ своимъ высокимъ ростомъ, осанкою и великолѣпными брильянтами; но ея слегка презрительное отношеніе ко „двору“ въ С.-Клу и колкія замѣчанія навлекли на нее неудовольствіе Наполеона; въ газетахъ появились инспирированныя Фуше, весьма нелестныя для княгини, статьи, и, съ провозглашеніемъ Имперіи, она предпочла уѣхать въ Италію. Вернувшись въ Россію и овдовѣвъ въ 1812 г., кн. Долгорукая въ 1816 г. пожалована въ кавалерственныя дамы, въ коронацію Императора Николая I пожалована въ статсъ-дамы и въ 1841 г. получила орд. св. Екатерины большого креста. До глубокой старости она пользовалась большимъ почетомъ въ свѣтѣ и при дворѣ и до послѣднихъ годовъ жизни присутствовала на придворныхъ торжествахъ, являлась живой хроникой конца XVIII в., и разсказы ея слушались съ интересомъ. Она имѣла двухъ сыновей, Василія и Николая, и дочь, княжну Екатерину, за княземъ С. И. Салтыковымъ.

Княгиня Е. Ф. Долгорукая скончалась 30 Октября 1849 г., 80 лѣтъ, и похоронена рядомъ съ мужемъ въ с. Полуехтовѣ Рузскаго уѣзда, въ 90 верстахъ отъ Москвы.

(Съ портрета Лампи; собственность княгини М. П. Долгорукой, въ Москвѣ.)

La princesse CATHERINE FEODOROWNA DOLGOROUKY, 1769—1849, fille du prince Théodore Serguéewitch Bariatinsky, grand-maréchal de la Cour, et de la princesse Marie Vassiliewna, née Khovansky, naquit le 29 octobre 1769. A 16 ans, le jour de son entrée dans le monde, au bal masqué donné par Potemkine au palais Anitchkoff en l'honneur de Catherine, sa beauté et sa grâce soulevèrent l'enthousiasme général. En 1785, la princesse Bariatinsky fut faite demoiselle d'honneur, et, l'année suivante, épousa le général-lieutenant prince Basile Vassiliewitch Dolgorouky, fils du célèbre prince B. Dolgorouky-Krymsky. Lors de la seconde campagne de Turquie, elle suivit son mari à l'armée de Potemkine, et passa l'hiver de 1790 à Bender, avec toutes les jolies femmes en renom qui animaient le camp du prince sérénissime. Potemkine se prit pour elle d'une passion sérieuse; il donnait en son honneur, dans son palais souterrain, des fêtes somptueuses, où elle venait costumée en odalisque; ses moindres fantaisies étaient satisfaites comme par enchantement: des courriers volaient à Paris lui chercher des souliers de bal. S'efforçant par tous les moyens de se concilier sa faveur, Potemkine, assurent les contemporains, fit hâter l'assaut d'Izmaïl pour lui donner le spectacle de l'attaque d'une forteresse, et fit célébrer, dit-on, absolument à tort et prématurément, la conquête de son cœur par une alarme de nuit avec salve de cent coups de canon et feu roulant.

A son retour à Pétersbourg, en 1791, la princesse occupa le premier rang parmi les jeunes et jolies femmes de la Cour de Catherine. Mme Vigée-Lebrun, qui était liée d'amitié avec elle et avait fait son portrait en Sybille, la dépeint en ces termes: „Sa beauté me frappa: ses traits avaient tout le caractère grec, mêlé de quelque chose de juif, surtout de profil; sa taille était admirable et toute sa personne avait à la fois de la noblesse et de la grâce, sans aucune affectation". Unissant à la beauté l'esprit, la gaîté et une amabilité captivante, la princesse Dolgorouky fut entourée d'une foule d'adorateurs, au premier rang desquels l'ambassadeur d'Autriche, le comte Cobentzel, qui la suivait comme son ombre. Douée d'un talent d'artiste, elle mit en vogue à Pétersbourg les spectacles de société et les tableaux vivants, et y jouait constamment son rôle; elle jouissait de la faveur de Catherine, qui témoigna toujours sa bienveillance aux Bariatinsky. A l'avènement de Paul, ses parents tombèrent en disgrâce et partirent pour l'étranger; elle ne tarda pas à les y suivre. Elle se fixa à Paris, où elle avait beaucoup d'amis, et y occupa bientôt une position très en vue. Les Parisiens goûtèrent fort sa beauté, ses toilettes voyantes et les bijoux dont elle aimait à se couvrir. Son esprit piquant, sa conversation brillante et mordante, attirèrent à ses soirées les célébrités parisiennes du temps: Rivarol, La Harpe, l'abbé Delille, le comte de Ségur, Vigée-Lebrun étaient ses habitués; elle était également liée avec Mme Récamier. A sa première apparition à la Cour du Premier Consul, elle fit sensation par sa haute taille, sa majesté et ses magnifiques brillants; mais son attitude tant soit peu dédaigneuse vis-à-vis de „la Cour" de Saint-Cloud et ses remarques caustiques lui attirèrent le mécontentement de Napoléon: les journaux se mirent à publier, à l'instigation de Fouché, des articles fort peu flatteurs pour la princesse, et, à la proclamation de l'Empire, elle préféra s'en aller en Italie. De retour en Russie et devenue veuve, en 1812, elle fut faite dame de Ste-Catherine, en 1816, puis dame d'honneur à l'occasion du couronnement de l'Empereur Nicolas Ier, et, en 1841, reçut la grande croix de l'Ordre de Ste-Catherine. Jusqu'à une vieillesse avancée, elle fut reçue avec une haute distinction dans le monde et à la Cour, figurant même dans les dernières années de sa vie à toutes les fêtes données à la Cour, où ses récits, chronique vivante de la fin du XVIIIe siècle, éveillaient l'intérêt général. Elle eut deux fils, Basile et Nicolas, et une fille, la princesse Catherine, qui épousa le prince S. Saltykoff.

La princesse Dolgorouky mourut, le 30 octobre 1849, à l'âge de 80 ans, et fut inhumée près de son mari, au village de Polouekhtowo, à 90 verstes de Moscou.

(D'après l'original de Lampi, propriété de la princesse M. Dolgorouky, à Moscou.)

Графиня **ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА СТРОГАНОВА**, 1744—1815, дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и сенатора князя Петра Никитича Трубецкого отъ брака съ княжной Анастасіей Васильевной Хованской, красивая, умная и веселая, вышла замужъ довольно поздно, лѣтъ 26-27, за незадолго передъ тѣмъ овдовѣвшаго графа Александра Сергѣевича Строганова (1733—1811), одного изъ образованнѣйшихъ и близкихъ къ Екатеринѣ людей. Послѣ свадьбы супруги отправились путешествовать по Европѣ, избравъ главнымъ своимъ мѣстопребываніемъ Парижъ, гдѣ у нихъ родилась дочь, Наталія, умершая въ дѣтствѣ, а затѣмъ, 7 Іюня 1772 г., сынъ Павелъ. Въ Парижѣ Строгановы вращались въ блестящемъ кругу молодого Версальскаго двора и въ то же время имѣли знакомство въ средѣ философовъ и энциклопедистовъ. Въ Фернеѣ они посѣтили старика Вольтера, который обошелся весьма привѣтливо съ ними. Это посѣщеніе произвело настолько глубокое впечатлѣніе на графиню Строганову, что старушкой, живя въ Москвѣ, она любила разсказывать о своемъ знакомствѣ съ Вольтеромъ и о тѣхъ комплиментахъ, которыхъ удостоилъ ее престарѣлый мудрецъ. Дряхлый, больной Вольтеръ рѣдко уже выходилъ на воздухъ и однажды, послѣ прогулки въ солнечный день, встрѣтивъ у порога своего дома гр. Строганову, дышавшую юностью и красотой, привѣтствовалъ ее словами: „Ah, Madame, quel beau jour pour moi—j'ai vu le soleil et vous“.—Эти первые годы супружества гр. Е. П. Строгановой были несомнѣнно счастливы, и лишь въ 1779 г., по возвращеніи супруговъ въ Петербургъ, разыгралась семейная драма, навсегда ихъ разлучившая. Молодой фаворитъ Екатерины, Иванъ Николаевичъ Корсаковъ, красивый 24-лѣтній человѣкъ, любившій музыку, пѣніе и обладавшій хорошимъ голосомъ, влюбился въ гр. Екатерину Петровну и безъ труда добился взаимности. Влюбленные были обнаружены, и онъ удаленъ отъ двора; къ общему удивленію, гр. Строганова послѣдовала въ Октябрѣ 1779 г. за Корсаковымъ въ Москву. Гр. Строгановъ, быстро и непріятно лишившійся второй жены, велъ себя по-рыцарски: предоставилъ ей для житья свой домъ въ Москвѣ и подмосковное имѣніе Братцево, до сихъ поръ дышащее воспоминаніями о ней. Продолжая носить имя мужа и не порывая связи съ сыномъ, оставшимся у отца, воспитаніемъ коего она постоянно интересовалась, гр. Е. П. Строганова провела остальную часть жизни между Братцевымъ и Москвою. Родители тщательно скрывали отъ сына свои порванныя отношенія, о чемъ онъ узналъ лишь значительно позже. Она жила роскошно и въ Москвѣ, и въ Братцевѣ; принимала у себя все высшее московское общество, а также всѣхъ заѣзжихъ пѣвцовъ и виртуозовъ, такъ какъ страстно любила музыку и театръ, который часто посѣщала. Строганова до конца дней сохранила свою привязанность къ Корсакову, и когда, при Императорѣ Павлѣ, ему велѣно было удалиться въ Саратовъ (въ 1799 г.), хотѣла послѣдовать за нимъ и туда. Въ послѣдніе годы жизни тяжкая болѣзнь, параличъ ногъ, приковала ее къ креслу. Скончалась 71-го года въ Москвѣ, 20 Ноября 1815 г., и погребена въ Спасо-Андроніевскомъ монастырѣ. П. Н. Корсаковъ пережилъ ее на 15 лѣтъ († 16 Февраля 1831 г.); у нихъ былъ сынъ В. П. Ладомирскій.

Слѣдующими словами описываетъ ее кн. П. М. Долгорукій въ „Капищѣ своего сердца“: „Женщина характера высокаго и отмѣнно любезная, бесѣда ея имѣла что-то особо замапчивое, одарена многими прелестями природы, умна, мила, пріятна. Любила театръ, искусство, поэзію, художество съ такимъ же огнемъ въ 70 лѣтъ, какъ и въ молодости. Была очень живого характера“. До глубокой старости сохранила она полную память и съ юношескимъ пыломъ предавалась воспоминаніямъ о своей молодости; живая и занимательная бесѣда ея была „архивомъ анекдотовъ любопытныхъ“ о блестящихъ временахъ Екатерины II и вѣкѣ Людовика XVI.

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ Н. М. Соллогубъ, въ Москвѣ.)

La comtesse CATHERINE PÉTROWNA STROGANOFF, 1744—1815, était fille du prince Pierre Trou-betzkoï, conseiller privé actuel et sénateur, et de la princesse Anastasie Vassiliewna, née Khovansky. Elle avait de la beauté, de l'esprit et de la gaîté, et ne se maria qu'assez tard, vers 26 ou 27 ans, avec le comte Alexandre Serguéewitch Stroganoff (1733—1811), veuf depuis peu, l'un des hommes les plus cultivés de l'entourage immédiat de l'Impératrice Catherine. Les nouveaux époux partirent pour un voyage dans toute l'Europe, avec l'intention de séjourner surtout à Paris, où il leur naquit une fille, Natalie, morte petite, puis, le 7 juin 1772, un fils, Paul. A Paris, les Stroganoff fréquentèrent la société brillante de la jeune cour de Versailles, entretenant en même temps des relations avec des philosophes et des encyclopédistes. Ils allèrent à Ferney voir Voltaire, qui leur fit un excellent accueil. Cette visite fit une impression si profonde sur la comtesse, que, dans sa vieillesse, retirée à Moscou, elle aimait à raconter sa connaissance avec Voltaire et les compliments dont il la flatta: malade, affaibli par l'âge, le vieux philosophe ne sortait que rarement, et, au retour d'une promenade, un jour de beau soleil, il trouva à sa porte la princesse, exubérante de jeunesse et de beauté, et l'aborda par ces mots: „Ah, Madame, quel beau jour pour moi: j'ai vu le soleil et vous!" Ces premières années de mariage furent incontestablement heureuses pour la comtesse, et ce n'est qu'en 1779, au retour des Stroganoff à Pétersbourg, que se déroula un drame intime, qui les sépara pour toujours. Un jeune favori de Catherine, Ivan Nicolaewitch Korsakoff, bel homme de 24 ans, amateur de musique et de chant et doué lui-même d'une jolie voix, se prit de passion pour la comtesse et fut sans peine payé de retour. Les coupables furent découverts: lui dut s'éloigner de la Cour, et elle, à l'étonnement général, alla, en octobre 1779, le rejoindre à Moscou. Le comte, qui perdait sa seconde femme de cette manière prématurée et désagréable, se conduisit en chevalier: il laissa à sa disposition, pour les habiter, sa maison de Moscou et sa propriété de Brattzéwo, aux environs, toute pleine encore du souvenir de leur amour. La comtesse ne cessa pas de porter le nom de son mari, resta en relations avec le jeune Paul, qui était chez son père et à l'éducation duquel elle continua à s'intéresser, et partagea le reste de sa vie entre Brattzéwo et Moscou. Les parents cachaient soigneusement leur rupture à l'enfant: il ne la sut que beaucoup plus tard. La comtesse Stroganoff mena une vie luxueuse dans ses deux résidences, recevant chez elle toute la haute société moscovite, ainsi que tous les artistes et virtuoses de passage, car elle avait une passion pour la musique et le théâtre, où elle allait beaucoup. Elle ne cessa pas d'aimer Korsakoff, et quand celui-ci, sous l'Empereur Paul, en 1799, reçut l'ordre de se retirer à Saratoff, elle voulut encore l'y suivre. Elle passa les dernières années de sa vie clouée dans son fauteuil par une paralysie des jambes. Elle mourut à Moscou dans sa 71e année, le 20 novembre 1815, et fut inhumée au monastère Spasso-Androniewsky. Korsakoff lui survécut de quinze ans, et mourut le 16 février 1831; ils eurent un fils, V. Ladomirsky.

Le prince Dolgorouky fait d'elle le portrait suivant, dans son „Sanctuaire de mon cœur": „D'un caractère supérieur et d'une extrême amabilité, avec quelque chose de particulièrement captivant dans sa conversation. Douée de tous les charmes de la nature, spirituelle, gentille, agréable; aimant le théâtre, la poésie, l'art, aussi passionnément à 70 ans que dans sa jeunesse. D'une grande animation de caractère". Elle conserva sa mémoire intacte jusque dans une vieillesse avancée, se plongeant avec une ardeur juvénile dans ses souvenirs de jeunesse; sa conversation, animée et intéressante, était une „archive d'anecdotes curieuses" des époques brillantes de Catherine II et de Louis XVI.

(D'après un original appartenant à la comtesse N. Sollogoub, à Moscou.)

85

Княгиня Екатерина Федоровна Долгорукая.
1769 — 1849

La Princesse Catherine Fédorowna Dolgorouky,
1769 — 1849

86

Графиня Екатерина Петровна Строганова,
1744 — 1815

La Comtesse Catherine Pétrowna Stroganoff,
1744 — 1815

Князь АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1723—1807, вице-канцлеръ, оберъ-камергеръ, сынъ генералъ-адмирала кн. Михаила Михайловича отъ брака съ Татьяной Кирилловной Нарышкиной, началъ службу въ 1742 г. „дворяниномъ“ посольства въ Голландіи; въ 1755 г. назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Лондонъ, откуда отозванъ 28 Декабря 1761 г., и 9 Іюня 1762 г. пожалованъ въ вице-канцлеры, съ назначеніемъ вице-президентомъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Во время Іюньскаго переворота кн. Голицынъ былъ посланъ Петромъ III къ Екатеринѣ съ первымъ письмомъ, въ которомъ Императоръ „просилъ помилованія“ и разрѣшенія удалиться въ Голштинію; Голицынъ не вернулся и перешелъ на сторону Императрицы. Оставаясь вице-канцлеромъ еще болѣе 10-и лѣтъ, онъ не пользовался, однако, ея расположеніемъ. Интересуясь преимущественно внѣшней стороной сношеній съ дипломатами и всякимъ „представительствомъ“, Голицынъ, будучи полной посредственностью, не имѣлъ и не могъ имѣть никакого вліянія на дѣла; руководителемъ русской политики сдѣлался Панинъ. Иностранцы не высоко ставили способности кн. Голицына, но отмѣчали, что онъ всегда стоялъ внѣ партій и сторонился отъ интригъ, можетъ-быть, именно потому, что съ нимъ „не совѣщались о дѣлахъ“, да онъ и самъ этого не желалъ, ибо, по словамъ англійскаго посланника, „скорѣе путалъ, чѣмъ помогалъ, даже въ тѣхъ бездѣлицахъ, до которыхъ его допускали“. 22 Сентября 1764 г. кн. Голицынъ произведенъ въ дѣйств. тайные совѣтники; 25 Декабря 1774 г. пожалованъ орденомъ св. Андрея; 26 Февраля слѣдующаго года назначенъ сенаторомъ. Въ Апрѣлѣ 1775 г. уволенъ отъ должности вице-канцлера и пожалованъ въ оберъ-камергеры. Три года спустя, совсѣмъ оставилъ службу и удалился въ Москву, гдѣ всецѣло посвятилъ себя благотворительнымъ дѣламъ: былъ почетнымъ опекуномъ Воспитательнаго дома и попечителемъ Павловской больницы, при чемъ пользовался вниманіемъ и расположеніемъ Императоровъ Павла и Александра I и особенно Государыни Маріи Ѳеодоровны. Послѣдніе годы жизни былъ занятъ постройкой Голицынской больницы; 25 Октября 1801 г. Государь писалъ ему: „Примите свидѣтельство моего истиннаго одобренія за труды и попеченіе ваше о сооруженіи изящной больницы, имя рода вашего носящей. Она пребудетъ навсегда наилучшимъ памятникомъ толико полезнаго употребленія капитала покойнаго брата вашего кн. Дмитрія Михайловича, коего тѣло, сходно желанія вашего, нахожу я справедливымъ и приличнымъ перевезти въ Москву и положить въ церкви, ждущеніемъ его при больницѣ сей воздвигнутой“. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ онъ получалъ милостивыя письма отъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, интересовавшейся его домашними дѣлами, посылавшей подарки и поклоны его дочерямъ и внукамъ; Государыня подписывалась всегда „votre sincère et bonne amie“ и называла князя „mon bon, digne cher ami“.

Голицынъ былъ любителемъ художествъ и собралъ цѣлый музей рѣдкихъ картинъ и скульптуры; собиралъ въ теченіе многихъ лѣтъ, „не малымъ ждущеніемъ“, много получалъ въ подарокъ, въ томъ числѣ отъ князя Дм. Мих. Голицына. Судьба этого драгоцѣннаго собранія сильно озабочивала старика князя, и онъ завѣщалъ всѣ вещи Голицынской больницѣ на вѣчное храненіе, для чего рѣшилъ построить особую галлерею: „Думалъ я такъ: ежели оставить оныя моимъ наслѣдникамъ или близкимъ воспитанникамъ моимъ, въ такомъ случаѣ вся коллекція раздроблена была бы на разныя мелкія части“. Князь считалъ, что его собраніе будетъ „полезно Отечеству“, послужитъ „къ удовольствію публики“ и будетъ доступно „россійскимъ художникамъ, которые не всегда имѣютъ случай видѣть хорошія оригинальныя картины, съ жадностью ищутъ онаго“, и князь желалъ, „чтобы позволено имъ было копировать съ оригиналовъ, чѣмъ многіе уже воспользовались“... Воля завѣщателя была, однако, нарушена; вся его галлерея уже въ 1818 г. была распродана съ аукціона и большею частью ушла за границу. Теперь въ больницѣ осталось всего нѣсколько превосходныхъ и рѣдчайшихъ портретовъ, которые заслуживаютъ самаго тщательнаго храненія гдѣ-либо въ музеѣ.

Князь Голицынъ умеръ въ Москвѣ, въ своемъ домѣ на Дѣвичьемъ полѣ, 15 Ноября 1807 г., и погребенъ подъ церковью Голицынской больницы.

Женатъ не былъ, но въ его домѣ, въ Москвѣ, долго жила Венгерская графиня Клюпфель, отъ которой онъ имѣлъ сына Александра и двухъ дочерей, Екатерину-Каролину (за кн. Долгорукимъ) и Дарью-Генріету (за Олсуфьевымъ), получившихъ фамилію де-Лицыныхъ.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le prince ALEXANDRE MIKHAÏLOWITCH GOLITZYNE, 1723—1807, vice-chancelier, grand-chambellan, fils du général-amiral prince Michel Mikhaïlowitch Golitzyne et de Tatiana Kyrillowna, née Narychkine, entra au service en 1742 comme attaché d'ambassade de Hollande. En 1755, il fut nommé ambassadeur à Londres, d'où il fut rappelé le 28 décembre 1761, et, le 9 juin 1762, fait vice-chancelier et nommé vice-président du Collège des Affaires étrangères. Au moment de la révolution de juin, Pierre III l'envoya porter à Catherine une première lettre pour „demander grâce" et recevoir l'autorisation de s'en aller en Holstein. Golitzyne ne revint pas et passa du côté de l'Impératrice. Tout en étant encore resté vice-chancelier pendant plus de dix ans, il ne jouissait guère de sa faveur. Préoccupé surtout du côté formel des rapports avec les diplomates et de la „représentation" de toute nature, Golitzyne, qui était d'ailleurs une parfaite médiocrité, n'avait et ne pouvait avoir aucune influence sur les affaires: la tête de la politique russe, c'était Panine. Les étrangers n'avaient pas haute opinion de ses talents, mais remarquaient qu'il se tenait constamment au-dessus des coteries et en dehors des intrigues, peut-être précisément parce qu'on „se passait de lui pour tout", et lui-même ne songeait pas à s'en plaindre, car, disait l'ambassadeur d'Angleterre, „il était plutôt gênant qu'utile, même dans les cas sans importance où on ne le tenait pas à l'écart". Le 22 septembre 1764, le prince Golitzyne fut fait conseiller privé actuel; le 25 décembre 1774, il reçut le cordon de St-André, et le 26 février de l'année suivante, il fut nommé sénateur. En avril 1775, il fut relevé de ses fonctions de vice-chancelier et fait grand-chambellan. Trois ans après, il quitta définitivement le service et se retira à Moscou, où il se consacra tout entier à des œuvres de bienfaisance; il fut tuteur honoraire des Enfants-Trouvés et curateur de l'hôpital Paul, et y fut honoré de l'attention et de la faveur des Empereurs Paul et Alexandre Ier et surtout de l'Impératrice Marie Féodorowna. Les dernières années de sa vie furent employées à la fondation de l'hôpital Golitzyne; le 25 octobre 1801, l'Empereur lui écrivait: „Recevez le témoignage de mon entière approbation pour les travaux et les soins que vous a coûtés l'installation du bel hôpital qui porte votre nom. Il restera toujours le plus digne monument de l'heureux usage que vous avez fait du capital laissé par feu votre frère le prince Dmitri Mikhaïlowitch, dont la dépouille, comme il est de toute justice et de toute convenance, sera, conformément à votre désir, transportée à Moscou pour être déposée dans l'église qu'il a fait élever à cet hôpital". Il fut durant de longues années honoré de la correspondance de l'Impératrice Marie Féodorowna, qui s'intéressait à sa vie de famille, envoyant des cadeaux et des compliments à ses filles et petites-filles; elle signait toujours „votre sincère et bonne amie" et appelait le prince „mon bon, digne cher ami".

Golitzyne était amateur d'art et se fit tout un musée de tableaux rares et de sculptures, qui lui coûta de nombreuses années et „une dépense sérieuse", et pour lequel il reçut de nombreux dons, en particulier du prince Dmitri Golitzyne. La destinée de cette précieuse collection préoccupait fortement le vieux prince: il la légua par testament à l'hôpital Golitzyne pour être conservée à perpétuité, et décida de faire construire une galerie spéciale à cet effet. „Je me suis dit: léguer tout cela à mes héritiers ou à mes proches élèves, ce serait tout disperser en menus fragments". Il pensa que sa collection serait „utile à la Patrie", servirait „à l'agrément du public" et serait accessible „aux artistes russes, qui n'ont pas toujours l'occasion de voir de beaux originaux et la recherchent avidement". Aussi désirait-il „qu'il leur fût permis de copier sur place, comme l'ont déjà fait plusieurs".... La volonté du testateur ne fut cependant pas obéie: toute la galerie fut, dès 1808, mise aux enchères, et une bonne partie s'en alla à l'étranger. Il ne reste plus aujourd'hui à l'hôpital qu'un certain nombre de magnifiques portraits fort rares, qui méritent d'être conservés avec le plus grand soin dans quelque musée.

Le prince Golitzyne mourut à Moscou, dans sa maison du Diévitchié Polé, le 15 novembre 1807, et fut inhumé dans la crypte de la chapelle de l'hôpital Golitzyne.

Il ne se maria pas, mais il garda longtemps chez lui, dans sa maison de Moscou, une hongroise, Mme Klüpfel, dont il eut un fils, Alexandre, et deux filles, Catherine-Caroline, qui épousa le prince Dolgorouky, et Daria-Henriette, plus tard Mme Olsoufieff; ces enfants reçurent le nom de de-Litzyne.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Князь **ПЕТРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ**, 1738—1775, генералъ-поручикъ, сынъ адмирала князя Михаила Михайловича отъ брака съ Татьяной Кирилловной Нарышкиной, въ юности былъ близокъ съ П. И. Шуваловымъ, покровительствомъ котораго пользовался. Въ 1767 г. былъ выбранъ депутатомъ отъ Бѣлгородской губерніи въ комиссію Уложенія. Какъ военный человѣкъ, извѣстенъ былъ храбростью и неустрашимостью; какъ военный начальникъ, подавалъ блестящія надежды, благодаря своимъ незаурядными способностямъ. Въ 70-хъ гг. одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ поляками и, въ чинѣ бригадира, 12 Марта 1770 г. получилъ Георгія 3 ст., а 4 Декабря произведенъ въ генералъ-майоры. Вмѣстѣ съ Бибиковымъ, при которомъ онъ служилъ въ Польшѣ, былъ посланъ противъ Пугачова, при чемъ ему поручено было охранять дорогу между Казанью и Оренбургомъ; въ Мартѣ 1772 г. онъ взялъ крѣпость Татищеву и обратилъ въ бѣгство самого Пугачова. Черезъ 3 года произведенъ въ генералъ-поручики и вернулся въ Петербургъ. Молодой, красивый генералъ, со славой побѣдителя самозванца, обратилъ на себя благосклонное вниманіе Императрицы. Этому обстоятельству молва приписывала преждевременную смерть Голицына, убитаго на дуэли съ П. А. Шепелевымъ. Говорили, что Потемкинъ видѣлъ въ лицѣ Голицына опаснаго соперника и былъ виновникомъ дуэли, при чемъ Шепелевъ „измѣнически“ закололъ князя, 14 Ноября 1775 года. Онъ погребенъ въ Москвѣ, въ зимней церкви Донского монастыря. Былъ женатъ съ 1763 г. на княжнѣ Екатеринѣ Александровнѣ Долгоруковой и имѣлъ сына и дочь.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le prince PIERRE MIKHAÏLOWITCH GOLITZYNE, 1738—1775, général-lieutenant, fils de l'amiral prince Michel Mikhaïlowitch et de Tatiana Kyrillowna, née Narychkine, fut, étant jeune, dans l'intimité de I. Chouvaloff, qui lui accorda sa protection. En 1767, il fut délégué par le gouvernement de Bielgorod comme membre de la commission du Code. Comme militaire, il était connu pour sa bravoure et son intrépidité; comme chef, il donnait de brillantes espérances, doué comme il l'était de capacités peu communes. Dans les années 70, il remporta plusieurs victoires sur les Polonais; le 12 mars 1770, ayant rang de brigadier, il reçut la croix de St-Georges de 3e classe, et, le 4 décembre, fut fait général-major. Avec Bibikoff, sous les ordres duquel il avait servi en Pologne, il fut envoyé contre Pougatchoff, avec la mission de garder la route de Kazan à Orenbourg; en mars 1772, il prit la forteresse de Tatichtchewa et mit Pougatchoff même en fuite. Trois ans après, il fut promu général-lieutenant et revint à Pétersbourg. Le jeune général, avec sa belle prestance et l'auréole de sa victoire sur l'usurpateur, fut l'objet de la bienveillante attention de l'Impératrice. Ce fut là, à en croire la rumeur, la cause de la fin prématurée de Golitzyne, tué en duel par B. Chépéleff. On a dit que Potemkine voyait dans la personne de Golitzyne un dangereux rival, et que le duel avait été provoqué à son instigation; enfin, Chépéleff aurait „perfidement" transpercé son adversaire (14 novembre 1775). Le prince fut inhumé à Moscou, à l'église d'hiver du monastère Donskoï. Il avait épousé, en 1763, la princesse Catherine Alexandrowna Dolgoroukoff, dont il eut un fils et une fille.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Князь ФЕДОРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1751—1827, дѣйствительный камергеръ, сынъ генералъ-поручика князя Николая Федоровича отъ брака съ Прасковьей Ивановной Шуваловой, родной сестрой знаменитаго Ивана Ивановича, былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Любимый племянникъ и воспитанникъ Шувалова, онъ провелъ молодость за границей, во Франціи, Италіи и Швейцаріи, гдѣ, по порученію дяди, посѣщалъ Вольтера. Людовикъ XVI и Марія-Антуанетта выказывали ему свое расположеніе и приглашали на субботніе вечера. По возвращеніи въ Россію, въ сентябрѣ 1777 г., пожалованъ въ камеръ-юнкеры и назначенъ на службу въ Сенатъ, хотя самого его манила къ себѣ дипломатическая дѣятельность Только два раза онъ получалъ незначительныя дипломатическія порученія: въ 1787 г. въ Стокгольмъ—благодарить короля за его поздравленіе Екатерины съ возвращеніемъ ея изъ Крыма, и въ 1790 г. въ Вѣну—поздравить Леопольда II со вступленіемъ на престолъ. Въ Швеціи онъ произвелъ такое благопріятное впечатлѣніе, что получилъ отъ королевы оставшееся за нимъ навсегда прозвище „Gentil cavalier“; тѣмъ не менѣе хлопоты его, даже чрезъ Зубова, о мѣстѣ посланника при Сардинскомъ дворѣ не увѣнчались успѣхомъ: Екатерина въ душѣ не довѣряла Ив. Ив. Шувалову. По вступленіи на престолъ Павла, кн. Голицынъ назначенъ, будучи дѣйствительнымъ камергеромъ, кураторомъ Московскаго университета, основаннаго стараніями его дяди. По свидѣтельству проф. Тимковскаго, онъ произвелъ на профессоровъ благопріятное впечатлѣніе своей любезностью и вниманіемъ, но главныя заботы его касались внѣшняго благоустройства— ремонта, чистоты и т. п.; и на это онъ привлекъ много пожертвованій. Несогласія между кураторами огорчали кн. Голицына, и онъ въ концѣ 1801 г., по болѣзни жены, охотно уѣхалъ за границу, а 21 Ноября 1803 г., по случаю упраздненія должности куратора, уволенъ отъ службы тайнымъ совѣтникомъ. Заботы о воспитаніи дѣтей поглощали теперь все его вниманіе, и только изрѣдка онъ находилъ время для литературныхъ занятій: писалъ стихи, переводилъ Монтескье, написалъ біографію П. П. Шувалова и свою автобіографію. До конца дней сохранилъ необыкновенную память и могъ наизусть декламировать своихъ любимыхъ писателей, читалъ особенную любовь къ природѣ и искусству. Умеръ въ Москвѣ 5 Декабря 1827 г. и похороненъ въ своемъ с. Петровскомъ (Звенигородскаго уѣзда, близъ Москвы). Женатъ былъ 2 раза: на княжнѣ Прасковіи Николаевнѣ Репниной, съ 15 Февраля 1783 г., умершей чрезъ годъ, и на вдовѣ княгинѣ Варварѣ Ивановнѣ Волконской, рожденной Шиповой, отъ которой у него было 5 сыновей.

По современному отзыву, отличительными свойствами князя Ф. П. Голицына были: „безграничная преданность отечеству, благородство въ сношеніяхъ съ высшими, обходительность съ равными, снисхожденіе къ низшимъ; душа, открытая для всего добраго и высокаго и радующаяся успѣхамъ наукъ и искусствъ“; современный неизвѣстный поэтъ посвятилъ ему такіе стихи:

„Ты просвѣщенъ, тебя Шуваловъ воспиталъ,
„Которому Парнасъ столпъ вѣчный въ честь создалъ;
„Ты тамъ плоды наукъ срывалъ, гдѣ прахъ Мароновъ,
„Гдѣ гробы славные Лукулловъ и Катоновъ,
„Въ далекихъ спхъ странахъ обрѣлъ ты знаній свѣтъ“....

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le prince THÉODORE NICOLAEWITCH GOLITZYNE, 1751—1827, chambellan actuel, fils du général-lieutenant prince Nicolas Féodorowitch et de Prascovie Ivanowna Chouvaloff, sœur du célèbre Ivan Ivanowitch Chouvaloff, était l'un des hommes les plus cultivés de son temps. Neveu et élève favori de Chouvaloff, il passa sa jeunesse à l'étranger, en France, en Italie et en Suisse, où il alla de la part de son oncle voir Voltaire. Louis XVI et Marie-Antoinette l'honorèrent de leur bienveillance et le reçurent à leurs samedis. De retour en Russie, il fut, en septembre 1777, fait gentilhomme de la chambre et nommé au Sénat, bien que lui-même se sentît attiré vers la carrière diplomatique. Deux fois seulement il fut chargé de missions diplomatiques sans grande importance: en 1787, il alla à Stockholm remercier le roi des félicitations adressées à Catherine à l'occasion de son retour de Crimée, et, en 1790, à Vienne féliciter Léopold II de son avènement au trône. En Suède, il produisit une impression si favorable, qu'il reçut de la reine le sobriquet de „gentil cavalier", qui lui resta pour toujours; néanmoins il ne put arriver, même avec l'aide de Zouboff, à se faire nommer ambassadeur près la cour de Sardaigne: au fond, Chouvaloff n'avait pas la confiance de Catherine. A l'avènement de Paul, le prince Golitzyne fut nommé, ayant rang de chambellan actuel, curateur de l'université de Moscou, fondée par les soins de son oncle. Au témoignage du professeur Timkowsky, son amabilité et ses attentions firent bonne impression sur les professeurs, mais il donna surtout ses soins à l'installation extérieure, entretien, réparations, etc., et sut y intéresser de nombreux bienfaiteurs. Froissé à la suite de divergences de vues entre les curateurs, le prince Golitzyne, à la fin de 1801, s'empressa de se retirer à l'étranger pour la santé de sa femme, et, le 21 novembre 1803, lors de la suppression de la charge de curateur, il fut mis à la retraite avec rang de conseiller privé. Le soin de l'éducation de ses enfants l'absorba alors tout entier, et il ne trouva plus que peu de temps à consacrer à ses travaux littéraires: il composa des vers, traduisit Montesquieu, rédigea une biographie d'Ivan Chouvaloff et son autobiographie. Il conserva jusqu'à la fin de ses jours une mémoire extraordinaire: il savait par cœur ses auteurs préférés; il avait un goût particulier pour la nature et pour l'art. Il mourut à Moscou le 5 décembre 1827, et fut inhumé dans son village de Pétrowskoïé, aux environs. Il avait épousé en premières noces, le 13 février 1783, la princesse Prascovie Nicolaewna Repnine, qui mourut au bout d'un an de mariage, et en secondes noces la princesse Varvara Ivanowna, Vve Volkonsky, née Chipoff, dont il eut cinq fils.

Au témoignage des contemporains, le prince Th. Golitzyne se distinguait par „son dévouement sans bornes pour sa patrie, sa déférence envers ses supérieurs, son affabilité avec ses pairs, sa bienveillance envers ses inférieurs; il avait une âme ouverte à tout ce qu'il y a de beau et d'élevé, et heureuse du progrès des sciences et des arts". Un contemporain resté inconnu lui consacra les vers suivants:

„Chouvaloff t'instruisit, te donna ses lumières:
„Au Parnasse on lui fit un monument de gloire.
„Tu vins cueillir le fruit de la science aux lieux
„Où reposent Virgile et les fameux Catons:
„De ces lointains pays tu reçus ton savoir".

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

90

Княгиня ВАРВАРА ИВАНОВНА ГОЛИЦЫНА, 17..—1804, дочь флота капитанъ-лейтенанта Ивана Петровича Шипова отъ брака съ княжной Варварой Алексѣевной Горчаковой. Была замужемъ дважды: въ первомъ бракѣ за бригадиромъ княземъ Михаиломъ Алексѣевичемъ Вяземскимъ, во второмъ—за куратором Московскаго университета, тайнымъ совѣтникомъ княземъ Федоромъ Николаевичемъ Голицынымъ, однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени.

Князь въ 1784 г. лишился своей первой жены, кн. Прасковіи Николаевны, рожденной кн. Репниной, проживъ съ ней въ супружествѣ всего годъ, и въ 1786 г. женился на молодой вдовѣ княгинѣ Вяземской; у ней отъ 1-го брака остался одинъ сынъ Павелъ, а въ 1787 г. родился отъ второго мужа сынъ Николай. Затѣмъ слѣдовали еще 3 сына, Иванъ, Федоръ и Александръ, и, наконецъ, 15 Апрѣля 1801 г., родился младшій и послѣдній сынъ Михаилъ. Послѣ его рожденія здоровье княгини пошатнулось, и мужъ принужденъ былъ оставить службу и увезти жену за границу, покинувъ Москву, гдѣ они зимой жили въ своемъ домѣ на Покровкѣ, а лѣтомъ въ любимомъ селѣ Петровскомъ, Звенигородскаго уѣзда, Московск. губ. (домъ и с. Петровское сохранились въ родѣ Голицыныхъ). Княгиня уже не вернулась въ Россію. Она умерла въ Парижѣ 14 Сентября 1804 г. и погребена на Монмартрскомъ кладбищѣ.

(Съ миніатюры, принадлежащей князю В. М. Голицыну, въ Москвѣ.)

90

La princesse VARVARA IVANOWNA GOLITZYNE, 17 . .—1804, fille du capitaine-lieutenant de marine Ivan Pétrowitch Chipoff et de la princesse Varvara Alexéewna Gortchakoff, fut mariée deux fois: la première, au brigadier prince Michel Alexéewitch Viazemsky, la seconde, au curateur de l'université de Moscou et conseiller privé prince Théodore Nikolaewitch Golitzyne, l'un des hommes les plus éclairés de son temps.

Le prince avait perdu, en 1784, sa première femme, la princesse Prascovie Nikolaewna, née princesse Repnine, après un an seulement de mariage; deux ans plus tard, il épousa une jeune veuve, la princesse Viazemsky: elle avait de son premier mari un fils, Paul, et elle eut, en 1787, de son second mari un autre fils, Nicolas. Puis vinrent encore trois fils, Ivan, Théodore et Alexandre, et enfin, le 15 avril 1801, un dernier-né, Michel. Dès lors la santé de la princesse se trouva compromise et son mari dut quitter le service pour l'emmener à l'étranger, en abandonnant Moscou, où ils passaient l'hiver dans leur maison de la Pokrowka, et l'été dans leur domaine préféré des environs, Pétrowskoïé, qui, depuis le temps, n'est pas sorti de la famille. La princesse ne revint plus en Russie. Elle mourut à Paris, le 14 septembre 1804, et fut inhumée au cimetière Montmartre.

(D'après une miniature appartenant au prince B. Golitzyne, à Moscou.)

87

Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ,
1723 — 1807

Le Prince Alexandre Mikhaïlowitch Golitzyne,
1723 — 1807

88

Князь Петръ Михайловичъ Голицынъ,
1738 — 1775

Le Prince Pierre Mikhaïlowitch Golitzyne,
1738 — 1775

89

Князь Федоръ Николаевичъ Голицынъ,
1751 — 1827

Le Prince Théodore Nicolaewitch Golitzyne,
1751 — 1827

90

Княгиня Варвара Ивановна Голицына,
17 . . — 1804

La Princesse Varvara Ivanowna Golitzyne,
17 . . — 1804

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Графиня МАРІЯ ГРИГОРЬЕВНА РАЗУМОВСКАЯ, 1772—1865, дочь статск. сов. князя Григорія Ивановича Вяземскаго отъ второй жены его—Беклемишевой, родилась 10 Апрѣля 1772 г.; почти ребенкомъ была выдана за молодого князя А. Н. Голицына, прозваннаго „Cosa-rara", крайняго самодура, быстро промотавшаго свое громадное состояніе. Бракъ не былъ счастливъ; молодая, красивая княгиня скучала въ одиночествѣ и только подписывала векселя расточительнаго мужа, ожидая скораго разоренія. Въ 1801 г. Императоръ Александръ I, отказывая княгинѣ въ ея просьбѣ обуздать мужа и его кредиторовъ, старался „утѣшить" ее увѣреніемъ: „Одна невозможность полагаетъ мѣры моему на помощь вашу расположенію; коль скоро я позволю себѣ нарушать законы, кто тогда почтетъ за обязанность наблюдать оные; быть выше ихъ, если бы я могъ, но, конечно, не захотѣлъ бы".... Болѣе удачно исполнилъ роль утѣшителя гр. Левъ Разумовскій, ставшій выше закона; человѣкъ добрѣйшей души, высокой честности, веселый собесѣдникъ, „его нѣжное сердце не устояло при видѣ ея миловидности и несчастнаго положенія" и встрѣтило полную взаимность. Въ 1802 г. княгиня повѣнчалась съ гр. Разумовскимъ съ согласія прежняго мужа, добровольно уступившаго жену и сохранившаго дружескія отношенія къ обоимъ. Семья Разумовскихъ была недовольна, но молодая, прелестная графиня быстро очаровала старика свекра; московское общество, съ „princesse Moustache" во главѣ, безпощадно осуждало ея безнравственный поступокъ, хотя и не отказывалось посѣщать балы и пріемы жены гр. Льва въ ихъ домѣ на Тверской и въ Петровскомъ-Разумовскомъ, пока, наконецъ, въ 1809 г., на балу у главнокомандующаго Москвы, гр. И. В. Гудовича, самъ Государь не назвалъ ее громко „графиней". Бракъ теперь былъ признанъ всѣми и былъ самымъ счастливымъ. Въ 1818 г. графиня овдовѣла и „долго предавалась искренней и глубокой скорби". Вторую, большую половину своей долголѣтней жизни графиня прожила частью въ Петербургѣ, частью за границей. Въ Парижъ ее влекла особенная слабость къ нарядамъ и яркимъ цвѣтамъ, которые за границей „носили пожилыя дамы". Извѣстно, какъ однажды она хотѣла провезти чрезъ границу „бездѣлицу", всего 300 платьевъ; передъ коронаціей Александра II, когда ей было 84 г., она нарочно поѣхала въ Парижъ, чтобы запастись тамъ туалетами. Любя всякія развлеченія, устраивая балы, она чужда была расточительности и иногда была даже расчетлива, хотя дѣлала много добра. Свое громадное имѣніе Полтавской губерніи, Карловку, она продала за значительную пожизненную пенсію, что при ея долголѣтіи, сдѣлало эту продажу для нея очень выгодной.

Графиня Разумовская умерла въ Петербургѣ 9 Августа 1865 г. и погребена въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ, рядомъ съ мужемъ, котораго пережила на 47 лѣтъ.

По словамъ князя П. А. Вяземскаго, графиню „всѣ любили, но не всѣ ее знали: она была правдивая и чистосердечная личность. Подъ радужными отблесками свѣтской жизни, подъ пестрою оболочкой нарядовъ парижскихъ, нерѣдко таятся въ русской женщинѣ сокровища благодушія, добра и сердоболія". Такова была графиня М. Г. Разумовская.

(Съ миніатюры, принадлежащей М. А. Васильчиковой; с. Кораллово, Моск. губ.)

La comtesse MARIE GRIGORIEWNA RAZOUMOWSKY, 1772—1865, fille du prince Grégoire Ivanowitch Viazemsky, conseiller d'état, et de sa seconde femme, Mme Béklémicheff, naquit le 10 avril 1772; à peine sortie de l'enfance, elle fut mariée au jeune prince A. Golitzyne, surnommé „Cosa rara", un cerveau brûlé qui eut vite fait de dissiper une immense fortune. Le mariage ne fut pas heureux; la jeune et belle princesse restait plongée dans la tristesse et la solitude et ne faisait qu'endosser les traites de son prodigue mari, en attendant la ruine complète. En 1801, l'Empereur Alexandre, lui refusant son entremise pour tenir en bride le mari et ses créanciers, lui disait en guise de consolation: „C'est l'impossibilité seule qui met des bornes à ma bienveillance à votre égard: si je me permets un jour de transgresser la loi, qui est-ce qui se croira obligé de lui obéir? Etre au-dessus d'elle, si je le pouvais, je ne le voudrais certes pas"... La princesse trouva un meilleur consolateur dans la personne du prince Léon Razoumowsky, qui sut se mettre au-dessus de la loi; excellente nature, d'une haute honorabilité, d'une société agréable, „son cœur sensible ne put résister en présence de sa gentillesse et de sa malheureuse position"; il fut entièrement payé de retour. En 1802, la princesse l'épousa avec l'assentiment de son premier mari, qui céda sa femme de bonne grâce et resta en bonnes relations avec tous deux. La famille Razoumowsky n'était pas contente, mais la jeune et charmante comtesse eut vite fait d'enchanter son vieux beau-père; la société de Moscou, avec la „Princesse Moustache" en tête, condamnait impitoyablement son acte immoral, tout en continuant à venir aux bals et aux réceptions de la femme du comte Léon à leur maison de la Tverskaïa et à Pétrowskoïé-Razoumowskoïé: un jour enfin, en 1809, à un bal chez le commandant en chef de Moscou comte I. Goudowitch, l'Empereur lui-même l'appela bien haut „comtesse". Le mariage fut dès lors reconnu par tout le monde et fut parfaitement heureux. En 1818, la comtesse perdit son mari, et „fut longtemps en proie à un sincère et profond chagrin". Pendant la seconde et plus grande partie de sa longue vie, la comtesse résida tantôt à Pétersbourg, tantôt à l'étranger. A Paris elle était attirée par son faible particulier pour les parures et les couleurs voyantes que portaient alors les personnes d'âge à l'étranger. On sait qu'elle voulut une fois entrer en Russie „une bagatelle", rien que 300 costumes; pour le couronnement d'Alexandre II, elle avait alors 84 ans, elle fit exprès le voyage de Paris pour acheter des toilettes. Avec son goût pour les distractions de toute sorte, pour les bals qu'elle organisait chez elle, elle était loin de la prodigalité, et se montrait parfois même intéressée: elle fit cependant beaucoup de bien. Elle avait mis en viager son immense propriété de Karlowka, gouvernement de Poltava, et ce fut une opération fort avantageuse pour elle, en raison de l'âge avancé auquel elle parvint.

La comtesse Razoumowsky mourut à Pétersbourg le 9 août 1865 et fut inhumée à Moscou, au monastère Donskoï, près de son mari, auquel elle avait survécu de 47 ans.

Au témoignage du prince Viazemsky, „la comtesse était aimée de tous, mais tous ne la connaissaient pas: c'était une personnalité pleine de droiture et de franchise. Sous les reflets irisés de la vie mondaine, sous l'attirail bariolé des modes de Paris, la femme russe cache souvent des trésors de bonté, de bienfaisance et de charité". Telle était bien la comtesse Marie Razoumowsky.

(D'après une miniature appartenant à Mlle M. Vassiltchikoff, à Korallowo, gouv. de Moscou.)

Графъ ЛЕВЪ КИРИЛЛОВИЧЪ РАЗУМОВСКІЙ, 1757—1818, четвертый сынъ гетмана гр. Кирилла Григорьевича отъ брака съ Екатериной Ивановной Нарышкиной, родился 8 Января 1757 г.; въ концѣ 60-хъ гг. былъ отправленъ для окончанія образованія за границу и слушалъ лекціи въ Гёттингенскомъ университетѣ, жилъ въ Лозаннѣ и тщетно старался познакомиться съ Вольтеромъ. По возвращеніи въ Россію, отправился въ свитѣ посла князя Н. В. Репнина въ Константинополь и, вернувшись съ Востока, поступилъ въ Семеновскій полкъ, гдѣ дослужился до чина полковника; въ 1782 г. поступилъ адъютантомъ къ кн. Потемкину. Въ арміи онъ командовалъ егерскими полками, подъ начальствомъ Суворова, и за отличія въ бояхъ при Сакчѣ и Мачинѣ и при взятіи Измаила и Бендеръ награжденъ орд. св. Владиміра 2-й ст. Произведенный въ 1790 г. въ генералъ-майоры, въ 1796 г. Разумовскій вышелъ въ отставку по болѣзни и уѣхалъ за границу, навлекши на себя гнѣвъ Императора Павла; затѣмъ навсегда поселился въ Москвѣ, гдѣ ему принадлежалъ домъ на Тверской (теперь Англійскій клубъ) и великолѣпное старинное Нарышкинское имѣніе с. Петровское (Петровское-Разумовское, близъ Москвы).

Гр. Л. К. Разумовскій былъ однимъ изъ первыхъ петербургскихъ щеголей и пользовался громаднымъ успѣхомъ у женщинъ; красавицы дарили его своей благосклонностью, и къ нему, какъ бы по наслѣдству, перешли дамы, бывшія черезчуръ неравнодушными раньше къ его старшему брату Андрею. Онъ пользовался всеобщей любовью товарищей, купилъ, дѣлалъ долги и „не малую наводилъ скуку своими безпутными и неумѣренными издержками“ на старика-гетмана, который говорилъ о сынѣ: „Левъ первой руки мотъ“. Несмотря на это, гр. К. Г. Разумовскій отдѣлилъ ему, кромѣ Петровскаго-Разумовскаго, еще громадное малороссійское имѣніе Карловку, въ Полтавской губерніи.

Въ началѣ 1802 г. гр. Разумовскій женился на княгинѣ Маріи Григорьевнѣ Голицыной, рожденной княжнѣ Вяземской, при живомъ мужѣ, извѣстномъ самодурѣ и расточителѣ, кн. А. Н. Голицынѣ, прозванномъ „Cosa-gaga“, съ обоюднаго и дружелюбнаго согласія всѣхъ трехъ заинтересованныхъ лицъ. Бракъ былъ самый счастливый. Одно отравляло покой гр. Л. К.—это мысль, что онъ, вопреки Евангелію, женился на „пущеницѣ“, но это еще болѣе привязывало его къ любимой женщинѣ; 16 лѣтъ протекли въ самой нѣжной любви и согласіи. Дѣтей отъ этого брака не было, но отъ дочери берейтора Прасковіи Михайловны Соболевской Разумовскій имѣлъ сына (Ив. Ив. Подчасскаго) и двухъ дочерей.

Истинный и глубоко вѣрующій христіанинъ, Разумовскій чувствовалъ склонность къ мистицизму и былъ въ перепискѣ съ масономъ Поздѣевымъ. Веселый, любезный и простой, онъ былъ чуждъ безграничнаго высокомѣрія и важности своихъ старшихъ братьевъ; „ему были рады вездѣ, куда онъ ни придетъ“. Князь Вяземскій говоритъ о Львѣ Кирилловичѣ, что онъ былъ „замѣчательная и особенно сочувственная личность. Много оставилъ онъ въ памяти знавшихъ его: долго жилъ въ допотопной или допожарной Москвѣ, забавлялъ ее своими праздниками, спектаклями, концертами и балами. Человѣкъ высокообразованный, онъ любилъ книги, науки, музыку, художество; едва ли не у него перваго былъ зимній садъ въ домѣ; истинный баринъ, добродушно и утонченно вѣжливый, онъ любилъ угощать и веселить другихъ.... Плохой хозяинъ, какъ и подобало русскому барству, не знавшій счета деньгамъ, онъ былъ любезный говорунъ и, при серіозномъ лицѣ, часто отпускалъ живое и забавное слово; нѣсколько картавилъ, и его даже вѣчный насморкъ придавалъ рѣчи его особенно привлекательный діапазонъ“. Москва любила его — она знала его сани, съ бѣлымъ передкомъ и высокимъ гайдукомъ на запяткахъ, и его большую мѣховую муфту, которую онъ ловко и даже граціозно бросалъ въ передней, входя въ комнаты....

Графъ Л. К. Разумовскій умеръ въ Москвѣ 21 Ноября 1818 г. и погребенъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ. Всѣ свои громадныя родовыя имѣнія въ Малороссіи онъ оставилъ женѣ, что вызвало послѣ его смерти процессъ со стороны графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, къ величайшему неудовольствію другихъ братьевъ, особенно князя Андрея. Процессъ этотъ Алексѣй Разумовскій проигралъ.

(Съ миніатюры изъ собранія князя П. П. Оболенскаго, въ Москвѣ.)

Le comte LEON KYRILLOWITCH RAZOUMOWSKY, 1757—1818, quatrième fils de l'hetman comte Cyrille Grigoriewitch et de Catherine Ivanowna, née Narychkine, naquit le 8 janvier 1757; à la fin des années 60, on l'envoya finir son éducation à l'étranger: il suivit les cours de l'Université de Göttingue, passa quelque temps à Lausanne, et tenta, sans y réussir, de faire connaissance avec Voltaire. Il rentra ensuite en Russie, d'où il partit pour Constantinople comme attaché à l'ambassade du prince N. Repnine; à son retour du Levant, il entra au régiment Séménowsky, où il resta jusqu'au grade de colonel, et, en 1782, devint aide de camp du prince Potemkine. Il passa ensuite dans l'Armée à la tête de régiments de chasseurs, sous le commandement de Souvoroff, et sa distinction aux combats de Saktché et de Matchine et à la prise d'Izmaïl et de Bender lui valut la croix de St-Vladimir de 2e classe. Promu général-major, en 1790, il prit sa retraite pour raisons de santé et partit pour l'étranger: il avait encouru la colère de l'Empereur Paul. Il revint depuis se fixer pour toujours à Moscou, où il avait une maison à la Tverskaïa (aujourd'hui maison du club Anglais), et possédait, au village de Pétrowskoïé, dans la banlieue, l'ancien et magnifique domaine des Narychkine, Pétrowskoïé-Razoumowskoïé.

Le comte L. Razoumowsky était un des premiers élégants de Pétersbourg, et avait un succès considérable auprès des femmes; les jolies femmes lui accordaient leurs faveurs, et il lui en vint même, comme par héritage, qui avaient été dans le temps fort peu cruelles à son frère aîné André. Il était universellement aimé parmi ses camarades; ses frasques, ses dettes, „ses dérèglements et ses dépenses effrénées causèrent de gros soucis“ au vieil hetman, qui disait en parlant de son fils: „Léon est un vrai bourreau d'argent“! Néanmoins, le comte Cyrille lui réserva, outre Pétrowskoïé-Razoumowskoïé, son immense propriété de Petite-Russie, Karlowka, gouv. de Poltava.

Au commencement de 1802, le comte Razoumowsky épousa la princesse Marie Grigoriewna Golitzyne, née princesse Viazemsky, du vivant de son mari, le prince A. Golitzyne, connu sous le sobriquet de „Cosa rara“ et réputé comme cerveau brûlé et dissipateur; la chose fut faite d'un commun accord entre les trois intéressés et avec leur consentement à tous. Le mariage fut parfaitement heureux. Un seul point troublait la tranquillité du comte: c'était la pensée qu'il avait, en dépit de l'Evangile, épousé une femme divorcée; mais cela ne fit que l'attacher davantage, et seize ans passèrent dans l'amour le plus tendre et l'union la plus étroite. Razoumowsky n'eut pas d'enfants de ce mariage, mais Prascovie Mikhaïlowna, fille de l'officier écuyer Sobolewsky, lui donna un fils, Ivan Ivanowitch Podtchasky, et deux filles.

Vrai chrétien et profond croyant, Razoumowsky avait un penchant au mysticisme et fut en correspondance avec le franc-maçon Pozdéeff. Gai, aimable et simple, il n'avait rien de l'arrogance et de l'importance démesurées de ses frères aînés; „on était content de le voir, partout où il allait“. Le prince Viazemsky le représente comme „une figure remarquable et particulièrement sympathique. Il laissa une foule de souvenirs à ceux qui l'avaient connu: il avait passé de longues années dans la Moscou antédiluvienne d'avant l'incendie, la distrayant avec ses fêtes, ses spectacles, ses concerts et ses bals. D'une instruction étendue, il aimait les livres, les sciences, la musique, l'art; il fut sans doute le premier à avoir un jardin d'hiver chez lui. Vrai maître de maison, d'une amabilité bon enfant et délicate, il aimait voir son monde bien reçu et amusé.... Mauvais économe, en bon russe qu'il était, il ne savait pas la valeur de l'argent. Aimable causeur, il lui arrivait souvent de lancer le mot pour rire en gardant tout son sérieux. Il avait un léger grasseyement, et un rhume perpétuel donnait à sa voix un timbre particulièrement captivant“. Tout Moscou l'aimait et connaissait son traîneau, à l'avant-train blanc avec le grand heidouque derrière, et son gros manchon de fourrure, qu'il jetait adroitement et non sans grâce dans l'antichambre, en rentrant...

Le comte Razoumowsky mourut à Moscou le 21 novembre 1818, et fut inhumé au monastère Donskoï. Il avait laissé à sa femme en toute propriété ses immenses biens de famille en Petite-Russie. Ce fut à sa mort l'origine d'un procès intenté par son frère Alexis, au grand mécontentement des deux autres, et surtout du prince André: le comte Alexis perdit.

(D'après une miniature de la collection du prince N. Obolensky, à Moscou.)

Графъ АРСЕНІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЗАКРЕВСКІЙ, 1783—1865, сынъ тверского дворянина поручика Андрея Ивановича, родился 13 Сентября 1783 г.; воспитывался въ Гродненскомъ кадетскомъ корпусѣ и 19-и лѣтъ выпущенъ прапорщикомъ въ Архангелогородскій полкъ; участвовалъ въ кампаніяхъ 1805—1807 гг., гдѣ заслужилъ рядъ отличій и назначенъ адъютантомъ къ молодому гр. Каменскому, которому спасъ жизнь при Аустерлицѣ. Въ Молдавіи, при штурмѣ Рущука, былъ контуженъ въ руку и ногу, а за сраженіе при Батинѣ получилъ орд. св. Георгія 4-й ст. По смерти Каменскаго, назначенъ директоромъ канцеляріи военнаго министра. Участвовалъ въ Отечественной войнѣ и за Бородино получилъ св. Владиміра 3-й ст.; 3 Декабря пожалованъ флигель-адъютантомъ; за кампаніи 1813 и 1814 гг. произведенъ въ генералъ-майоры и пожалованъ 8 Октября 1813 г. въ генералъ-адъютанты. Изъ дежурныхъ генераловъ 30 Августа 1823 г. назначенъ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ. Императоръ Николай I назначилъ его членомъ верховнаго суда надъ декабристами, а 19 Апрѣля 1828 г. министромъ Внутреннихъ дѣлъ, съ оставленіемъ и финляндскимъ генералъ-губернаторомъ. 3 Августа 1830 г. возведенъ въ графское достоинство В. Кн. Финляндскаго. При появленіи холеры, посланъ съ громадными полномочіями для борьбы съ нею, но мѣры эти не остановили страшной „холеры-морбусъ“, а крайнее самовластіе графа вызвало неудовольствіе Государя. 19 Ноября 1831 г. Закревскій оставилъ службу и 17 лѣтъ оставался не у дѣлъ. 6 Мая 1848 г. графъ былъ назначенъ вновь генералъ-адъютантомъ и московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ. Послѣ князя Щербатова Москву нужно было подтянуть въ виду призраковъ революціи и замѣченнаго шатанія умовъ... „и ракетою конгревской на уснувшій городъ палъ пресловутый графъ Закревскій“; не менѣе пресловутый князь Мещиковъ говорилъ тогда, что стала Москва „не только святой, но и великомученицей“. Въ слѣдующемъ году Закревскій назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и получилъ Андреевскую звѣзду, а Александръ II въ день коронаціи пожаловалъ ему свой портретъ при милостивомъ рескриптѣ.

Увольненіе Закревскаго 16 Апрѣля 1859 г. было полной неожиданностью и послѣдовало за то, что его единственная, балованная дочь гр. Лидія Нессельроде отъ живаго мужа, съ вѣдома отца, была повѣнчана съ кн. Друцкимъ-Соколинскимъ и уѣхала за границу съ паспортомъ, незаконно данным генералъ-губернаторомъ. Графъ донесъ Государю только тогда, когда это перестало быть секретомъ. Послѣ оставленія поста генералъ-губернатора, Закревскій жилъ большею частью въ Италіи и умеръ во Флоренціи 11 Января 1865 г.; погребенъ въ своемъ имѣніи, „Galeritto“, близъ Флоренціи.

Получивъ самое скудное образованіе, безъ всякой протекціи, Закревскій всѣмъ былъ обязанъ только себѣ и часто съ гордостью говорилъ о своемъ „прямомъ пути“ и о „чистотѣ своихъ намѣреній“. А. П. Ермоловъ, гр. Киселевъ, братья Булгаковы, гр. Воронцовъ были его друзьями и признавали за нимъ выдающіяся способности и безукоризненную честность; они даже находили у него отзывчивое сердце и добрую душу, для большинства, впрочемъ, гдѣ-то глубоко скрытыя подъ ледяной оболочкой; даже недоброжелатели считали его человѣкомъ далеко незаурядным. Чуждый какихъ-либо либеральныхъ теценцій, онъ своимъ здравымъ разсудкомъ ясно видѣлъ недостатки окружающей его дѣйствительности, и ему нельзя отказать въ пониманіи политическихъ событій; особенно отрицательно онъ относился къ дѣятельности Аракчеева, котораго называлъ „чумой“, „змѣемъ“ и „единственнымъ государственнымъ злодѣемъ“. Но высокомѣріе, рѣзкость и недоступность сближали его самого съ этимъ ненавистнымъ временщикомъ, и онъ мало кѣмъ былъ любимъ, хотя самъ этого не замѣчалъ. Въ Москвѣ, куда онъ явился уже на закатѣ своихъ дней, Закревскій увѣрялъ, что ему „нужно было быть суровымъ по виду“, и былъ серіозно убѣжденъ, что править столицей только „патріархально“, въ ея духѣ, являясь защитникомъ правыхъ и грозой для всякаго зла; однако, благодаря тяжелой опекѣ надъ обывателями, административному произволу и системѣ шпіонства, для большинства Закревскій являлся капризнымъ и подозрительнымъ деспотомъ, ставившимъ свою волю внѣ закона, при томъ еще доступнымъ стороннему вліянію, начиная съ легкомысленной его дочери и кончая его камердинеромъ, знаменитымъ Матвѣемъ. Человѣкъ непреклонной воли и желѣзнаго характера, грозный графъ, передъ которымъ все трепетало, пасовалъ предъ натискомъ своихъ домашнихъ и являлся безпомощно слабымъ предъ капризами своей любимой, доброй, но причудливой жены, гр. Аграфены Федоровны, причинявшей ему не мало огорченій, какъ человѣку и супругу.

(Съ миніатюры изъ собранія П. И. Щукина, въ Москвѣ.)

Le comte ARSÈNE ANDREEWITCH ZAKREWSKY, 1783—1865, fils d'un noble de Tver, le lieutenant André Ivanowitch, naquit le 13 septembre 1783; il fut élevé au Corps des Cadets de Grodno, d'où il sortit à 19 ans porte-enseigne au régiment d'Arkhangélogorod. Il fit les campagnes de 1805—1807, y remporta une série de distinctions et devint aide de camp du jeune comte Kamensky, auquel il avait sauvé la vie à Austerlitz. En Moldavie, il reçut à l'assaut de Rouchtchouk des contusions au bras et à la jambe, et la bataille de Batine lui valut l'ordre de St-Georges de 4e classe. A la mort de Kamensky, il fut fait directeur de la chancellerie du ministre de la Guerre. Il prit part à la Guerre Patriotique: Borodino lui valut St-Vladimir de 3e classe; le 3 décembre, il fut nommé aide de camp de Sa Majesté. A la suite des campagnes de 1813 et 1814, il fut promu général-major, puis, le 8 octobre 1813, général aide de camp. Général de service à la Cour, il fut nommé, le 30 août 1823, général-gouverneur de Finlande. L'Empereur Nicolas l'envoya siéger à la Haute Cour pour le jugement des Décabristes, puis, le 19 avril 1828, le fit ministre de l'Intérieur, en lui laissant ses fonctions en Finlande. Le 3 août 1830, il fut élevé à la dignité de comte du Grand-Duché de Finlande. A l'apparition du choléra, il fut chargé des pouvoirs les plus étendus pour aller le combattre, mais il ne sut pas réussir à enrayer le terrible fléau, et ses abus d'autorité ne firent que mécontenter l'Empereur. Le 19 novembre 1831, il quitta le service et passa dix-sept ans loin des affaires. Le 6 mai 1848, on lui rendit son grade de général aide de camp et on l'envoya à Moscou comme général-gouverneur militaire. C'était la succession du prince Chtcherbatoff, et Moscou avait besoin d'être tenue serré en raison des symptômes de révolution et des indices de fermentation des esprits; le prince Menchikoff disait alors que „Moscou la sainte était devenue sainte et martyre". L'année suivante, Zakrewsky fut nommé au Conseil de l'Empire et reçut l'étoile de l'ordre de St-André, et, à son avènement, Alexandre II lui fit remettre son portrait accompagné d'un rescrit Impérial.

La révocation de Zakrewsky, le 16 avril 1850, fut complètement inopinée: sa fille unique, son enfant gâté, la comtesse Lydie Nesselrode, s'était fait marier, du vivant de son mari et au su de son père, au comte Droutzkoy-Sokolinsky et était partie pour l'étranger avec un passeport illégal délivré par le général-gouverneur. Zakrewsky ne rendit compte à l'Empereur que quand la chose ne fut plus un secret pour personne. Après sa disgrâce, il habita presque constamment l'Italie et mourut à Florence, le 11 janvier 1865; il fut inhumé aux environs, dans sa propriété de Galertto.

Pourvu de l'instruction la plus rudimentaire, dénué de toute protection, Zakrewsky ne dut rien qu'à lui-même; il parlait souvent avec fierté de „la droiture de sa marche" et de „la pureté de ses intentions". A. Yermoloff, le comte Kisseleff, les frères Boulgakoff, le comte Vorontzoff furent ses amis et lui reconnaissaient des capacités éminentes et une honnêteté irréprochable; ils lui trouvaient même un cœur généreux et bon: mais toutes ces qualités restaient presque pour tout le monde profondément cachées sous une enveloppe glaciale. Ses ennemis mêmes le jugeaient d'une valeur peu commune. Etranger à toute tendance libérale, il voyait nettement, avec son jugement sûr, les défauts de toute l'organisation qu'il avait sous les yeux, et on ne saurait lui refuser une parfaite intelligence de la politique; il avait une antipathie particulière pour l'œuvre d'Araktchéeff, qu'il appelait „une peste", „une vipère", „un malfaiteur public unique". Pourtant son arrogance, son importance et l'âpreté de son caractère étaient autant de traits de ressemblance avec ce favori détesté, et il n'était guère aimé, sans trop s'en apercevoir lui-même. A Moscou, où il n'alla que sur son déclin, Zakrewsky prétendait „qu'il fallait avoir un air de sévérité", et avait sérieusement la conviction que son administration était „patriarcale", bien dans l'esprit moscovite, et qu'il était l'appui des bons et la terreur des méchants. Or la tutelle qu'il fit peser sur l'habitant, son arbitraire administratif et son système d'espionnage le faisaient considérer en général comme un despote capricieux et ombrageux, dont la volonté primait la loi, et qui d'ailleurs n'était pas inaccessible aux influences étrangères, depuis sa fille frivole jusqu'à son valet de chambre, le fameux Mathieu. Avec son caractère inflexible et sa volonté de fer, le terrible comte, qui faisait tout plier devant lui, était le jouet de ses proches dans son intérieur: il resta sans défense devant les caprices de sa femme bien-aimée, bonne personne, mais bizarre, la comtesse Agrippine Féodorowna, qui lui causa mille déboires, comme homme et comme mari.

(D'après une miniature de la collection P. Chtchoukine, à Moscou.)

Графиня АГРАФЕНА ФЕДОРОВНА ЗАКРЕВСКАЯ, 1800—1879, дочь гр. Федора Андреевича Толстого, женатаго на Степанидѣ Алексѣевнѣ Дурасовой, внучкѣ богача Мясникова. Единственный ребенокъ въ семьѣ, любимица бабушки-старовѣрки, „Грушенька“ была избалована чудакомъ отцомъ, способнымъ „дать примѣръ всякимъ глупостямъ“, и сама безумно любила мать, вышедшую изъ среды полной темноты и суевѣрія. Среди полнаго бездѣлья прошло ея дѣтство; красавицей дѣвушкой она порхала по балamъ съ молодившимся отцомъ. Страстная любительница французскихъ романовъ, за которыми проводила все свободное время, она въ минуты огорченій крестилась по-раскольничьи „двумя перстами“. Раздвоеніе воли сдѣлало ее неуравновѣшенной: безгранично добрая, на видъ капризная, „вѣтреная хохотушка“, она, „раба томительной мечты“, страдала „въ тоскѣ душевной пустоты“, и ея „судорожное веселье“ быстро переходило въ истерическія рыданія. „Какъ Магдалина, плачешь ты, и, какъ русалка, ты хохочешь“! писалъ о ней Баратынскій. 27 Сентября 1818 г. она вышла замужъ за 35-лѣтняго сухого педанта Закревскаго и не внесла въ его домъ „спокойствія и благополучія“. Чрезъ 5 лѣтъ, увлекаемая „своей тоскливою мечтой“, уѣхала за границу лѣчиться, и не ждали ея возвращенія. „Я слышалъ“, писалъ Булгаковъ, „что на балѣ во Флоренціи Кобургскій объявилъ, что не можетъ ѣхать съ ней въ Ливорно; она упала въ обморокъ и имѣла обычный припадокъ“; но прошло нѣсколько дней, и она вернулась: „Ты можешь себѣ представить радость Закревскаго: А. Ф. свѣжа, какъ розанъ, нѣсколько подобрѣла, очень весела и довольна, что здѣсь. Такая же вѣтреница, говоритъ о 10 предметахъ въ одно время“... Въ Финляндіи она дарила благосклонностью молодыхъ людей, состоявшихъ при мужѣ, но особеннымъ ея благоволеніемъ пользовался гр. Армфельдъ. 18 Іюля 1826 г. родилась ея единственная дочь Лидія. Увлеченія ея продолжались и были такъ же часты, какъ быстры ея разочарованія; своимъ „напереснкомъ“ она сдѣлала Пушкина, и онъ, „сгорая пламенемъ любви, потупя голову, ревниво“ слушалъ ея „признанья“ и писалъ: „Но прекрати твои разсказы; тан, тан свои мечты: боюсь ихъ пламенной заразы, боюсь узнать, что знала ты!“ Поэтъ завидовалъ счастливцу, „при комъ любовью млѣешь явно, чьи взоры властвуютъ тобой“, а этимъ „счастливцемъ“ (въ 1828 г.) былъ другой поэтъ, Баратынскій; очарованный ея обаятельной красотой, попавшій въ ея „волшебныя сѣти“, онъ воспѣвалъ безумный хохотъ своей „русалки“:

„Какъ много ты, въ немного дней прожить, прочувствовать успѣла!
„Въ мятежномъ пламени страстей, какъ страстно ты перегорѣла!“

Прошло 20 лѣтъ, въ Москвѣ, попрежнему злодзычіе оплетало ее; она и здѣсь собирала около себя молодыхъ людей, обязанныхъ ея покровительству служебными успѣхами у графа, ей приписывали самыя рискованныя приключенія, она „ничѣмъ не стѣснялась“. Москва веселилась на балахъ и спектакляхъ у нея на дачѣ (Студенецъ) и въ Ивановскомъ, Подольскаго уѣзда, но ея вечера въ Москвѣ не имѣли успѣха: „строгія московскія дамы уклонялись отъ ея общества“, что ее, впрочемъ, мало огорчало: она всегда „любила только общество мужчинъ и не умѣла разговаривать съ дамами“. „Деликатная съ низшими, ласковая со всѣми, дорого цѣня всякую услугу, она не умѣла отказывать въ просьбахъ и не могла видѣть слезъ; преобладающей чертой ея характера была доброта, доходившая до слабости“. Она щедро благотворила, но безъ разбора, всѣмъ хотѣла помочь, но часто въ ущербъ справедливости; она была какъ нельзя болѣе на мѣстѣ рядомъ съ недоступнымъ и грознымъ графомъ и многихъ спасала; даже гонимые въ то время старообрядцы, благодаря ей, находили въ Закревскомъ заступника предъ самимъ Филаретомъ. По смерти мужа, Закревская жила лѣтомъ въ Ливорно, а остальное время года во Флоренціи, гдѣ и умерла зимой 1879 года. Погребена въ усыпальницѣ рядомъ съ мужемъ.

Не глупая отъ природы, подчинявшая своей слабой волѣ людей выдающагося ума и твердаго характера, Закревская имѣла крупные недостатки, искупавшіеся высокими качествами ея сердца. Пушкинъ нѣсколькими изящными штрихами удачно набросалъ ея „портретъ“:

„Съ своей пылающей душой, съ своими бурными страстями,
„О, жены Сѣвера, межъ вами она является порой,
„И мимо всѣхъ условій свѣта стремится до утраты силъ,—
„Какъ беззаконная комета въ кругу расчисленныхъ свѣтилъ“.

(Съ миніатюры, принадлежащей графу Д. П. Толстому, въ Петербургѣ.)

La comtesse AGRIPPINE FEODOROWNA ZAKREWSKY, 1800—1879, était fille du comte Théodore Andréewitch Tolstoï et de Stépanide Alexéewna, née Dourassoff, la petite-fille du riche Miasnikoff. Fille unique, enfant chérie de sa grand'mère, qui était vieille-croyante, elle fut gâtée par son père, un original capable de „donner l'exemple de toutes les sottises“; elle-même adorait sa mère, qui sortait d'un milieu complètement ignorant et superstitieux. Elle passa toute son enfance sans rien faire; jeune fille, elle ne fit que dévorer des romans français, pour lesquels elle avait une passion. D'une bonté sans bornes, avec son air capricieux et ses „frivoles éclats de rire“, „victime d'un rêve épuisant“, elle souffrait „du vide angoissant de son âme“, et sa „gaîté convulsive“ faisait vite place à des sanglots d'hystérie:

„Comme Madeleine tu pleures,
„Comme une Roussalka tu ris“,

disait d'elle le poète Baratynsky. Le 27 septembre 1818, elle épousa Zakrewsky avec ses 35 ans et sa sécheresse pédante, sans porter dans son intérieur „la tranquillité ni la prospérité“. Au bout de cinq ans, entraînée par „son anxieuse rêverie“, elle alla à l'étranger se soigner, et on ne compta pas la revoir. „J'ai entendu dire“, dit Boulgakoff, „qu'à un bal, à Florence, le prince de Cobourg avait déclaré qu'il ne pouvait aller avec elle à Livourne; elle s'évanouit et eut sa crise habituelle“; quelques jours après, elle rentrait.... En Finlande, elle accorda sa faveur aux jeunes fonctionnaires du service de son mari, mais son préféré fut le comte Armfeldt. Le 18 juillet 1826, elle eut sa fille unique Lydie. Ses entraînements continuaient sans fin et étaient aussi fréquents que ses désenchantements étaient rapides; elle avait fait de Pouchkine son „confident“, et,

„Dévoré du feu de l'amour,
„Tête baissée, avec ferveur,

il écoutait ses „aveux“, et lui disait:

„Mais trève de tous tes propos!
„Garde pour toi tes rêveries:
„J'ai peur de leur feu qui me gagne,
„Peur de savoir ce que tu sais“.

Le poète portait envie à l'heureux mortel

„A qui ton amour se déclare,
„Dont le regard te tient captive“,

et cet „heureux mortel“ c'était (en 1828) un autre poète, Baratynsky.

Vingt ans passèrent: à Moscou, comme par le passé, la médisance s'acharnait après elle: là encore, elle tenait rassemblé autour d'elle un cercle de jeunes gens qui durent à sa protection près du comte leur fortune de fonctionnaires; on lui attribuait les aventures les plus scabreuses, elle „n'avait aucun scrupule“. Tout Moscou allait s'amuser aux bals et aux spectacles qu'elle donnait à sa villa de Stoudénetz et dans son domaine d'Ivanowskoïé, en Podolie, mais ses soirées de Moscou n'eurent aucun succès: „les dames de Moscou avaient des principes qui leur faisaient éviter sa société“, ce qui, d'ailleurs, ne la touchait guère: „elle n'avait jamais de goût que pour la société des hommes et ne savait pas faire la conversation aux dames“. „Délicate avec ses inférieurs, gracieuse pour tout le monde, faisant grand cas du moindre service, elle ne savait pas repousser une prière et ne pouvait voir de larmes; le trait dominant de son caractère, c'était une bonté poussée jusqu'à la faiblesse“. Elle faisait la bienfaisance avec largesse, mais sans choix, voulant ne laisser personne de côté, et souvent aux dépens de l'équité. Placée bien à propos près du comte pour tempérer ce qu'il avait d'inaccessible et de terrible, elle fut le salut de bien des infortunes: il n'était pas jusqu'aux vieux-croyants, alors en butte aux persécutions, auxquels elle n'eût fait trouver dans Zakrewsky un défenseur près de Philarète même. Après la mort de son mari, elle passa l'été à Livourne et le reste de l'année à Florence, où elle mourut en l'hiver de 1879. Elle fut inhumée près de son mari, dans la sépulture de famille.

Bien douée comme esprit, elle sut soumettre à sa faible volonté des hommes aux facultés supérieures et au caractère ferme; mais elle avait des travers considérables, que compensait son excellent cœur.

(D'après une miniature appartenant au comte D. Tolstoï, à St-Pétersbourg.)

91

Графиня Марія Григорьевна Разумовская,
1772 — 1865

La Comtesse Marie Grigorievna Razoumowsky,
1772 — 1865

92

Графъ Левъ Кирилловичъ Разумовскій,
1757 — 1818

Le Comte Léon Kyrillowitch Razoumowsky,
1757 — 1818

93

Графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій,
1783 — 1865

Le Comte Arsène Andréewitch Zakrewsky,
1783 — 1865

94

Графиня Аграфена Федоровна Закревская,
1800 — 1879

La Comtesse Agrippine Féodorowna Zakrewsky,
1800 — 1879

95

Княгиня **АНАСТАСІЯ ВАСИЛЬЕВНА ДОЛГОРУКАЯ**, 1725—1803, рожденная Волынская, жена князя Василія Михайловича Долгорукаго-Крымскаго, была статсъ-дамой Императрицы Екатерины II. Во время похода на Крымъ, прославившаго имя князя Долгорукаго, онъ просилъ Императрицу утвердить все его имѣніе за княгиней, и Екатерина II въ Іюлѣ 1774 г. такъ отвѣтила на эту просьбу: „Письмо ваше отъ 15 числа сего мѣсяца, которымъ вы просили, чтобы ваше имѣніе по васъ оставить женѣ вашей, я сего же мѣсяца 28 дня, конфирмовавъ, отослала въ Сенатъ. Только я сердечно желаю, чтобы многіе годы сіе распоряженіе осталось безъ дѣйствія, ибо по усердію вашему ко мнѣ весьма вамъ желаю здравствовать".

Княгиня пережила мужа на 23 года. Въ день коронаціи, 15 Сентября 1801 г., Императоръ Александръ I пожаловалъ кн. Долгорукой Екатерининскую ленту, какъ старѣйшей статсъ-дамѣ, у которой уже младшая дочь, гр. Прасковія Васильевна Мусина-Пушкина (р. 1754 г., † 1826 г.), имѣла то же званіе. Кромѣ этой дочери, у ней было 2 сына, Михаилъ и Василій, и 2 дочери, Евдокія (р. 1744 г., † 1811 г.; была за дѣйств. тайн. сов. Грушецкимъ) и Ѳеодосія (р. 1747 г., † 1825 г.).

Княгиня Долгорукая умерла 4 Января 1803 г., на 83 году, и погребена рядомъ съ мужемъ въ церкви Трехъ Святителей села Волынщины (Полуехтова), Рузскаго уѣзда, въ 90 верстахъ отъ Москвы; надгробный памятникъ, въ видѣ женщины, облокотившейся на урну, на пьедесталѣ съ барельефомъ княгини, изъ бѣлаго мрамора, указываетъ мѣсто могилы.

(Съ портрета, принадлежащаго князю П. Д. Долгорукову, с. Волынщина, Моск. губ.)

95

La princesse ANASTASIE VASSILIEWNA DOLGOROUKY, 1723—1805, née Volynsky, femme du prince Basile Mikhaïlowitch Dolgorouky-Krymsky, était dame d'honneur de l'Impératrice Catherine II. Au moment de la campagne de Crimée, qui rendit célèbre le nom de Dolgorouky, celui-ci pria l'Impératrice d'assurer à la princesse la possession de tous ses biens, et Catherine répondit en ces termes à sa requête, en juillet 1774: „Votre lettre du 15 de ce mois, par laquelle vous demandez que tous vos biens reviennent après vous à votre femme, a été confirmée par moi et transmise au Sénat. Seulement je désire de tout mon cœur que la disposition prise reste de longues années sans effet, car votre zèle à mon service me fait vivement souhaiter de vous voir en bonne santé".

La princesse survécut 23 ans à son mari. Le jour de son couronnement, le 15 septembre 1801, l'Empereur Alexandre Ier lui fit remettre le cordon de Ste-Catherine, en sa qualité de plus ancienne dame d'honneur avec une de ses filles, la plus jeune, la comtesse Prascovie Vassiliewna Moussine-Pouchkine, dans la même dignité (née 1754, † 1826). Outre cette fille, elle avait encore deux fils, Michel et Basile, et deux autres filles, Eudoxie (née 1744, † 1811), qui épousa le conseiller privé actuel Grouchetzky, et Théodosie (née 1747, † 1825).

La princesse Dolgorouky mourut, dans une vieillesse avancée, le 4 janvier 1805, et fut inhumée près de son mari dans l'église des Trois-Prélats, au village de Polouekhtowo, à 90 verstes de Moscou.

(D'après un original appartenant au prince P. Dolgorouky, à Volynchtchino, gouvernement de Moscou.)

Митрополитъ АМВРОСІЙ (въ мірѣ Андрей Подобѣдовъ), 1742—1818, сынъ священника Владимірской губерніи, по окончаніи курса въ Троицко-лаврской семинаріи, былъ оставленъ въ ней учителемъ; въ 1768 г. постриженъ въ монашество и назначенъ проповѣдникомъ Московской академіи, при чемъ въ 1771 г., при отпѣваніи убитаго во время чумы Московскаго архіепископа Амвросія Зертисъ-Каменскаго, сказалъ краснорѣчивое надгробное слово, обратившее вниманіе на молодого проповѣдника; въ 1774 г. назначенъ ректоромъ Академіи и скоро сдѣлался лично извѣстенъ Императрицѣ. 5 Іюля 1778 г., въ присутствіи Государыни посвященъ въ епископы Сѣвскіе, викаріи Московскіе, въ 1782 г. назначенъ епископомъ Крутицкимъ и въ 1785 г. архіепископомъ въ Казань. Вызванный въ 1795 г. въ Петербургъ для присутствованія въ Синодѣ, Амвросій замѣнилъ при Императорѣ Павлѣ впавшаго въ немилость митрополита Гавріила (Петрова), и первый изъ духовныхъ сановниковъ былъ украшенъ орденами. Тотчасъ по воцареніи, Павелъ возложилъ на него ленту св. Александра Невскаго, въ 1798 г. онъ получилъ орд. св. Іоанна Іерусалимскаго, а въ 1799 г.— св. Андрея. Въ этомъ же году, 16 Октября, назначенъ архіепископомъ Петербургскимъ, съ управленіемъ и Новгородской епархіей. За день до своей кончины, 10 Марта 1801 г., Павелъ пожаловалъ Амвросію санъ митрополита. Съ новымъ царствованіемъ положеніе его пошатнулось, ему пришлось вести упорную борьбу съ извѣстнымъ княземъ А. Н. Голицынымъ и окружавшими его мистиками, имѣвшими въ то время большую силу. Амвросій, „ограждавшій всегда свои дѣйствія осторожностью“, на старости лѣтъ потерялъ эту драгоцѣнную способность, чѣмъ не преминули воспользоваться его враги. 26 Марта 1818 г. онъ былъ лишенъ Петербургской епархіи и удаленъ въ Новгородъ; 76-лѣтній митрополитъ, физически слабый, страдавшій и раньше уже жестокими припадками, не выдержалъ этого удара и черезъ 2 недѣли по пріѣздѣ въ Новгородъ скончался 21 Мая 1818 года.

Амвросій заботился объ устройствѣ и улучшеніи духовныхъ школъ; ему обязана Казанская духовная академія своимъ существованіемъ. По отзывамъ всѣхъ, даже его недоброжелателей, онъ былъ „расположенъ къ мягкосердечію и, не сходственно съ законами“, снисходителенъ къ провинившимся. Вообще далекій отъ идеала аскета, онъ самъ любилъ жить и давалъ жить другимъ; чуждый свойственной многимъ слабости окружать себя посредственностями, онъ выдвинулъ своихъ сотрудниковъ, Евгенія Болховитинова (митрополита Кіевскаго) и Филарета (Московскаго), не пытаясь заслонять ихъ своей собственной особой. Его роскошный образъ жизни и общительность пріобрѣли ему въ Казани особенное расположеніе дворянства; извиняя его слабости, его любили вездѣ, гдѣ онъ служилъ. Неоднократно привѣтствуя, благодаря и напутствуя Екатерину своими краснорѣчивыми проповѣдями, онъ получилъ отъ нея рядъ подарковъ—брилліантовые кресты, панагіи, облаченія и деньги, но, осыпанный ея милостями, благоразумно удержался отъ произнесенія уже сочиненнаго надгробнаго ей слова и сдѣлался любимцемъ Павла.

(Съ портрета Боровиковскаго; Румянцевскій музей, въ Москвѣ.)

Le métropolite AMBROISE (dans le monde André Podobiédoff), 1742—1818, fils d'un prêtre du gouvernement de Vladimir, à sa sortie du séminaire du monastère Troïtzky, y resta en qualité de maître; en 1768, il se fit moine et fut nommé prédicateur de l'académie de Moscou: l'éloquente oraison funèbre qu'il prononça sur la tombe de l'archevêque de Moscou Ambroise Zertis-Kamensky, tué lors de l'épidémie de peste, attira l'attention sur lui; en 1774, il fut fait directeur de l'académie et ne tarda pas à se faire connaître personnellement de l'Impératrice. Le 5 juillet 1778, il fut oint en sa présence évêque de Sevsk, vicaire de Moscou, puis, en 1782, évêque de Kroulitzk, et, en 1785, archevêque de Kazan. Appelé à Pétersbourg, en 1795, pour siéger au Synode, Ambroise prit près de l'Empereur Paul la place du métropolite Gabriel (Pétroff), tombé en disgrâce, et fut le premier dignitaire ecclésiastique qui reçut des décorations. Dès son avènement, Paul lui remit le cordon de St-Alexandre Newsky; en 1798, il fut décoré de St-Jean-de-Jérusalem et, en 1799, de St-André. Le 16 octobre de la même année, il fut nommé évêque de Pétersbourg, avec le diocèse de Novgorod. La veille de sa mort, le 10 mars 1801, Paul lui conféra la dignité de métropolite. Les événements politiques ébranlèrent sa situation: il eut à soutenir une lutte acharnée contre le fameux prince A. Golitzyne et son entourage de mystiques, qui avait alors une grande puissance. Ambroise, „qui agissait en toute circonstance sous le couvert de la prudence", se départit avec l'âge de cette précieuse qualité, et ses ennemis ne manquèrent pas d'en profiter. Le 26 mars 1818, on lui retira le diocèse de Pétersbourg, et il dut s'éloigner à Novgorod. Le vieux métropolite, affaibli physiquement par ses 76 ans, sujet depuis longtemps déjà à de cruelles attaques, ne put supporter le coup, et mourut quinze jours après son arrivée à Novgorod, le 21 mai 1818.

Ambroise prit soin de l'organisation et de l'amélioration des écoles ecclésiastiques: c'est à lui que l'académie ecclésiastique de Kazan doit son existence. De l'aveu de tous, même de ses ennemis, „il avait de la sensibilité, et était disposé, à l'encontre des lois", à l'indulgence envers les coupables. Ne présentant rien, en général, de l'idéal d'un ascète, il aimait jouir de la vie et laisser les autres en jouir. Etranger à la faiblesse généralement répandue de s'entourer de médiocrités, il fit parvenir ses collaborateurs, Eugène Volkhovitinoff, métropolite de Kieff, et Philarète de Moscou, sans essayer de les effacer de sa propre personne. Son genre de vie luxueux et son caractère sociable le rendirent particulièrement sympathique à la noblesse de Kazan; partout où il servit, on fut indulgent pour ses faiblesses et on l'aima. A maintes reprises, il adressa à Catherine avec son éloquence habituelle des allocutions de bienvenue, de remerciement ou d'adieu, qui lui valurent toute une série de présents, croix en brillants, images saintes, vêtements sacerdotaux: mais, comblé par elle de bienfaits, il s'abstint prudemment de prononcer l'oraison funèbre qu'il avait préparée pour elle, et devint le favori de Paul.

(D'après l'original de Borovikowsky, Musée Roumiantzeff, à Moscou.)

95

Княгиня Анастасія Васильевна Долгорукая,
1723 — 1805

La Princesse Anastasi Vassilievna Dolgorouky,
1723 — 1803

96

Амвросій,
Митрополитъ С.-Петербургскій.
1742 — 1818

Ambroise,
Métropolite de St-Pétersbourg,
1742 — 1818

Экспед. Загот. Госуд Бумагъ — Manufacture des papiers de l Etat

ФЕДОРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ САМАРИНЪ, 1784—1853, сынъ Василія Николаевича отъ брака съ княжной Маріей Васильевной Мещерской, родился въ Москвѣ; въ 1800 г. поступилъ въ Измайловскій полкъ и участвовалъ во всѣхъ войнахъ начала XIX вѣка, включительно до вступленія русскихъ въ Парижъ, при чемъ за сраженіе подъ Журжею и Измаиломъ (1807 г.) получилъ золотое оружіе и орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. 27 Января 1816 г. вышелъ въ отставку полковникомъ и поступилъ на службу въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, при чемъ пожалованъ былъ въ камергеры, а затѣмъ въ гофмейстеры. Въ Апрѣлѣ 1818 г. женился на фрейлинѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны Софьѣ Юрьевнѣ Голеадишской-Мелецкой, дочери извѣстнаго Юрія Александровича, и зачисленъ шталмейстеромъ ко двору Императрицы-матери; 26 Сентября 1826 г. вышелъ въ отставку дѣйств. ст. совѣтникомъ и поселился въ Москвѣ. Не оставляя здѣсь окончательно общественной дѣятельности, Самаринъ въ 1830 г. завѣдывалъ холернымъ участкомъ и больницею, былъ попечителемъ Глазной больницы, и т. п.; но главной его заботой было воспитаніе дѣтей, сосредоточенное всецѣло въ его рукахъ. Человѣкъ широко образованный, съ твердымъ характеромъ, съ умомъ холоднымъ и послѣдовательнымъ, онъ выработалъ цѣлую систему воспитанія, удачнымъ результатомъ примѣненія которой вышелъ его знаменитый сынъ Юрій (р. 1819, † 1876), твердый и убѣжденный дѣятель въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Домъ Самарина въ 40-хъ годахъ въ Москвѣ былъ однимъ изъ центровъ, гдѣ собирались и высшее Московское общество, и профессора, и учащаяся молодежь; на литературныхъ вечерахъ участвовали—Щепкинъ, Шумскій и Садовскій. Интересуясь лично сельскимъ хозяйствомъ, Самаринъ много сдѣлалъ полезнаго въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ, гдѣ добрая память о немъ долго сохранялась среди крестьянъ, его бывшихъ крѣпостныхъ. Въ Симбирскомъ имѣніи онъ построилъ церкви, завелъ общественныя запашки, благодаря которымъ составился запасный капиталъ въ 50/т. руб., переданный крестьянамъ послѣ освобожденія, въ Богородскомъ уѣздѣ ввелъ взаимное страхованіе отъ огня, на Волгѣ въ степяхъ завелъ стада мериносовъ (до 20/т. головъ), въ Тульскомъ имѣніи построилъ сахарный заводъ.

Самаринъ умеръ 26 Ноября 1853 г. и похороненъ въ Московскомъ Даниловскомъ монастырѣ.

На миніатюрѣ, писанной въ Парижѣ въ 1824 г., онъ изображенъ съ дочерью Маріей (графиня Соллогубъ, р. 15 Апр. 1821 г., † 16 Марта 1888 г.).

(Съ миніатюры I. Vernet 1824 г., принадлежащей В. П. Самариной, въ Москвѣ.)

THÉODORE VASSILIEWITCH SAMARINE, 1784—1853, fils de Basile Nicolaewitch et de la princesse Marie Vassiliewna, née Mechtchersky, naquit à Moscou; il entra, en 1800, au régiment Izmaïlowsky et prit part à toutes les campagnes du début du XIXe siècle, jusqu'après l'entrée des Russes à Paris: la bataille de Giurgewo et d'Izmaïl (1807) lui valut une épée d'or et l'ordre de St-Vladimir de 4e classe avec rosette. Le 27 janvier 1816, il prit sa retraite comme colonel et reçut un emploi au Collège des Affaires étrangères; il fut en même temps fait chambellan, puis maître de la Cour. En avril 1818, il épousa une demoiselle d'honneur de l'Impératrice Marie Féodorowna, la fille Sophie du fameux Youri Nélédinsky-Méletzky, et fut fait écuyer à la Cour de l'Impératrice mère; le 26 septembre 1826, il prit sa retraite comme conseiller d'état actuel et se fixa à Moscou. Là, il ne resta pas définitivement à l'écart de la vie publique: en 1830, il eut la direction d'un hôpital et d'un des districts organisés lors de l'épidémie de choléra, puis il fut curateur de la Clinique ophtalmologique, etc.; mais il consacra principalement ses soins à l'éducation des enfants, qui était tout entière concentrée entre ses mains. D'une instruction étendue, d'un caractère ferme, avec son sens rassis et son esprit de suite, il avait élaboré tout un système d'éducation, qu'il appliqua fort heureusement à son célèbre fils Youri (né 1819, † 1876), acteur si ferme et si convaincu de l'affranchissement des serfs. Dans les années 40, la maison de Samarine à Moscou fut un des centres de réunion de la haute société moscovite, des professeurs et de la jeunesse des écoles; à ses soirées littéraires prirent part Chtchepkine, Choumsky et Sadowsky. Il aimait lui-même à s'occuper d'exploitation rurale, et fit beaucoup de bien dans ses immenses propriétés, où il laissa un souvenir durable parmi les paysans, ses anciens serfs. Dans son domaine de Simbirsk, il construisit des églises, organisa des labours communaux, qui furent l'origine d'un capital de réserve de 50.000 roubles, remis aux paysans après l'émancipation; dans le district de Bogorodsk, il introduisit l'assurance mutuelle contre l'incendie, inaugura dans les steppes du Volga l'élevage du mérinos avec environ 20.000 têtes de bétail, construisit une sucrerie dans son domaine de Toula.

Samarine mourut le 26 novembre 1853, et fut inhumé à Moscou, au monastère Danilowsky.

Sur sa miniature, faite à Paris en 1824, il est représenté avec sa fille Marie, plus tard comtesse Sollogoub, née le 15 avril 1821, † le 16 mars 1888.

(D'après la miniature (1824) de I. Vernet, propriété de Mme V. Samarine, à Moscou.)

СОФЬЯ ЮРЬЕВНА САМАРИНА, 1793—1879, младшая дочь статсъ-секретаря Павла I, позднѣе почетнаго опекуна, пользовавшагося дружескимъ расположеніемъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, небезъизвѣстнаго поэта Юрія Александровича Нелединскаго-Мелецкаго отъ брака съ княжной Екатериной Николаевной Хованской, родилась 18 Апрѣля 1793 г. и получила хорошее домашнее воспитаніе; въ 1810 г. была пожалована во фрейлины, а, 8 лѣтъ спустя, Императрица Марія Ѳеодоровна близко приняла къ сердцу устройство судьбы С. Ю. Нелединской; по выраженію отца, Императрица „пеклась о ея благополучіи при замужествѣ, вела ее къ вѣнцу". Въ Апрѣлѣ 1818 г. она вышла замужъ за Федора Васильевича Самарина, вскорѣ пожалованнаго въ шталмейстеры двора Императрицы-матери. Первые годы послѣ замужества она провела въ Петербургѣ, а затѣмъ, съ 1826 г., послѣ выхода мужа въ отставку, навсегда поселилась въ Москвѣ, проводя лѣто въ одной изъ своихъ подмосковныхъ деревень. Очень скромная, не любившая удовольствій и чуждая суеты свѣта, она посвятила себя всецѣло семьѣ, заботамъ о воспитаніи дѣтей, которыхъ у нея было 9 человѣкъ. 26 Ноября 1853 г. С. Ю. Самарина овдовѣла и остальную половину жизни провела въ домѣ своей дочери, графини М. Ф. Соллогубъ, гдѣ не играла, однако, первостепенной роли. Тихая и кроткая, благочестивая и вмѣстѣ съ тѣмъ строгая въ томъ, что считала нравственнымъ долгомъ, она вносила миръ и нравственную выдержку въ окружавшую ея среду. Представительница далекихъ лѣтъ, давно пережитыхъ эпохъ, живое преданіе старины, о которой она не любила говорить, Самарина до конца своей долголѣтней жизни умѣла соединять вокругъ себя близкихъ и знакомыхъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ у нея собрались сыновья, ихъ друзья и противники; вокругъ нея шла борьба литературная и общественная, нарождались новыя условія жизни, но ей оставались малопонятными и эти горячіе споры, въ которыхъ такую видную роль игралъ ея старшій знаменитый сынъ Юрій, и эта борьба, и эта новая жизнь. Она сидѣла молча и что-нибудь вязала ....

С. Ю. Самарина на 26 лѣтъ пережила мужа и умерла 27 Февраля 1879 г.; погребена въ Московскомъ Даниловскомъ монастырѣ.

На миніатюрѣ, работы I. Vernet въ Парижѣ, въ 1824 г., она изображена съ сыномъ Юріемъ Федоровичемъ Самаринымъ (р. 21 Апрѣля 1819 г., † 19 Марта 1876 г.), воспріемниками котораго при крещеніи были Государь Александръ I и Императрица Марія Ѳеодоровна.

(Съ миніатюры Вернэ, принадлежащей В. П. Самариной, въ Москвѣ.)

SOPHIE YOURIEWNA SAMARINE, 1793—1879, la plus jeune fille de Youri Alexandrowitch Nélédinsky-Méletzky, secrétaire d'Etat de Paul Ier, puis tuteur honoraire, favorisé de la bienveillance de l'Impératrice Marie Féodorowna et assez connu comme poète, et de la princesse Catherine Nicolaewna Khovansky, naquit le 18 avril 1793 et reçut une bonne éducation dans sa famille. En 1810, elle fut faite demoiselle d'honneur, et, huit ans plus tard, l'Impératrice Marie Féodorowna prit à cœur l'avenir de Sophie Nélédinsky; selon l'expression de son père, l'Impératrice „pourvut à sa félicité conjugale, l'assista pendant la bénédiction nuptiale". En avril 1818, elle épousa Théodore Vassiliewitch Samarine, qui fut peu après élevé à la dignité d'écuyer de la Cour de l'Impératrice mère. Les premières années de son mariage, elle habita Pétersbourg, puis, en 1826, à la retraite de son mari, se fixa pour toujours à Moscou, passant l'été dans ses propriétés des environs. Toute simple, sans le moindre goût pour les plaisirs mondains ni pour la vie agitée de société, elle se consacra entièrement à sa famille, au soin de l'éducation de ses neuf enfants. Le 26 novembre 1853, elle perdit son mari et passa dès lors toute sa vie dans la maison de sa fille, la comtesse M. Sollogoub, sans y jouer toutefois un rôle bien marquant. D'humeur tranquille et douce, pieuse et en même temps intransigeante en matière de devoir moral, elle portait partout avec elle un élément de concorde et de dignité morale. Représentante d'années lointaines, témoin d'événements reculés, souvenir vivant d'un passé dont elle n'aimait pas à parler, Mme Samarine sut jusqu'à la fin de sa longue vie retenir autour d'elle un cercle d'intimes et d'amis. Au début des années 60, il y eut chez elle des réunions où se rencontraient ses fils, leurs amis et leurs adversaires; elle assista à la lutte littéraire et sociale, à l'éclosion d'une nouvelle organisation de vie, mais sans parvenir guère à comprendre ni ces discussions ardentes, dans lesquelles joua un rôle si marquant son célèbre fils aîné Youri, ni cette lutte, ni cette vie nouvelle. Elle restait sans rien dire, occupée à son tricot..... Sophie Samarine survécut de vingt-six ans à son mari, et mourut le 27 février 1879; elle fut inhumée au monastère Danilowsky, à Moscou.

Sur la miniature de Vernet (Paris, 1824), elle est représentée avec son fils Youri (né le 21 avril 1819, † 19 mars 1876), filleul de l'Empereur Alexandre Ier et de l'Impératrice Marie Féodorowna.

(D'après une miniature appartenant à Mme V. Samarine, à Moscou.)

97

Пис. I. Верне, 1824

Федоръ Васильевичъ
Самаринъ,
1791 — 1853

Peint par I. Vernet, 182.

Théodore Vassiliewitch
Samarine,
1784 — 1853

98

Софья Юрьевна
Самарина,
1793 — 1879

Sophie Youriewna
Samarine,
1793 — 1879

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ САЛТЫКОВЪ, 1726—17..., сынъ Василія Федоровича, женатаго на княжнѣ Маріи Алексѣевнѣ Голицыной, благодаря близости матери къ Императрицѣ Елизаветѣ, былъ назначенъ камергеромъ двора Великаго Князя Петра Федоровича. Живой и веселый, онъ забавлялъ Великаго Князя и казался ему вѣрнымъ и преданнымъ другомъ; въ то же время онъ развлекалъ скучавшую въ одиночествѣ Великую Княгиню Екатерину Алексѣевну, сопровождая ее въ ея далекихъ прогулкахъ верхомъ. „Прекрасный, какъ день", обладавшій „прелестью обращенія и мягкими манерами", по выраженію Екатерины, онъ обратилъ на себя послѣ долгихъ искательствъ исключительное вниманіе Великой Княгини, которая „только потомъ узнала, какъ онъ умѣлъ скрывать свои недостатки—склонность къ интригѣ и отсутствіе строгихъ правилъ". Хотя Салтыковъ съ 1750 г. былъ женатъ „по любви" на Матренѣ Павловнѣ Балкъ, но въ это время называлъ уже свой бракъ „минутой ослѣпленія". Въ 1752 г. сплетни, ходившія въ обществѣ по поводу занятаго имъ при великокняжескомъ дворѣ положенія, побудили Императрицу уволить Салтыкова въ продолжительный отпускъ. По возвращеніи въ Петербургъ, въ Февралѣ 1753 г., онъ сдѣлался посредникомъ между Екатериной и канцлеромъ Бестужевымъ-Рюминымъ, а когда 20 Сентября 1754 г. у Екатерины родился сынъ Павелъ, былъ посланъ въ Швецію для сообщенія королю Адольфу-Фридриху объ этомъ радостномъ событіи. Поведеніе Салтыкова въ это время только „оскорбляло" Екатерину: она „узнала въ это время до какой степени Салтыковъ велъ неумѣренную жизнь, и какъ онъ волочился за всѣми дамами, которыя ему попадались". Послѣ этого онъ, если бы и остался въ Петербургѣ, не могъ бы удержаться въ милости у Великой Княгини. Но по возвращеніи изъ Швеціи Салтыковъ былъ назначенъ резидентомъ въ Гамбургъ, а затѣмъ занималъ посты посланника сначала въ Парижѣ, гдѣ запутался въ долгахъ, а затѣмъ въ Дрезденѣ. Значенія никакого не имѣлъ. Намъ не удалось установить даты его кончины.

Салтыковъ былъ ничѣмъ не выдающимся придворнымъ кавалеромъ: красота и другія внѣшнія достоинства, независимо отъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ, дали ему возможность сыграть видную роль въ исторіи жизни Екатерины II. Легкомысленный, склонный къ мотовству и любовной интригѣ, онъ, по самолюбивому отзыву Екатерины, всегда скорѣе преувеличивавшей достоинства своихъ избранниковъ, былъ „довольно уменъ", тѣмъ не менѣе, по ея же сознанію, Салтыковъ всегда и вездѣ могъ быть только „пятымъ колесомъ у кареты".

(Съ миніатюры Императорскаго Эрмитажа.)

99

SERGE VASSILIEWITCH SALTYKOFF, 1726—17.., fils de Basile Féodorowitch et de la princesse Marie Alexéewna, née Golitzyne, fut nommé, grâce à l'intimité de sa mère avec l'Impératrice Elisabeth, chambellan de la Cour du Grand-Duc Pierre Féodorowitch. Animé et gai de caractère, il amusait le Grand-Duc et était pour lui comme un ami fidèle et dévoué; en même temps, il distrayait l'ennui et la solitude de la Grande-Duchesse Catherine Alexéewna, avec laquelle il faisait de longues promenades à cheval. „Beau comme le jour, d'une société charmante et de manières douces", selon les expressions de Catherine, il finit, après de longues assiduités, par se concilier la faveur spéciale de la Grande-Duchesse: „ce ne fut que plus tard qu'elle s'aperçut de son habilité à cacher ses défauts, son penchant pour l'intrigue et son manque de principes". Saltykoff se maria „par amour", en 1750, à Matrone Pavlowna Balk: il appelait alors même ce mariage „une minute d'aveuglement". En 1752, en raison des commentaires auxquels donnait lieu dans la société sa position à la Cour de la Grande-Duchesse, l'Impératrice l'envoya en congé illimité. De retour à Pétersbourg, en février 1753, il servit d'intermédiaire entre Catherine et le chancelier Bestoujeff-Rioumine, puis, lorsque Catherine eut son fils Paul, il fut envoyé en Suède porter au roi Adolphe-Frédéric la nouvelle de l'heureux événement. La conduite de Saltykoff à cette époque ne fut qu'un outrage pour Catherine; „ce n'est qu'alors qu'elle comprit quelle vie désordonnée il menait, et comme il faisait la cour à toutes celles qui lui tombaient sous la main". Dès lors, même restant à Pétersbourg, il n'aurait pu conserver la faveur de la Grande-Duchesse: à son retour de Suède, il fut nommé résident à Hambourg, puis fait ambassadeur, d'abord à Paris, où il se cribla de dettes, puis à Dresde. Il fut d'une insignifiance complète. La date de sa mort n'a pu être établie.

Saltykoff fut un cavalier de Cour sans rien de saillant: sa beauté et ses autres avantages extérieurs, indépendamment de toutes qualités intellectuelles et morales, lui firent jouer un rôle marquant dans la vie de Catherine II. Frivole et enclin à la prodigalité et aux intrigues amoureuses comme il l'était, Catherine, avec son amour-propre qui la portait plutôt à exagérer les mérites de ceux qu'elle avait distingués, lui trouvait „assez d'esprit"; néanmoins, de son aveu à elle-même, Saltykoff ne put jamais être nulle part „qu'une cinquième roue à un carrosse".

(D'après une miniature de l'Ermitage Impérial.)

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА ДЕМИДОВА, 1779—1818, младшая дочь бар. Александра Николаевича Строганова († 1789), женатаго на Елизаветѣ Александровнѣ Загряжской, родилась 5 Февраля 1779 года. Въ очень молодыхъ годахъ она вышла замужъ за московскаго богача, впослѣдствіи тайнаго совѣтника и командора Малтійскаго ордена, Николая Никитича Демидова (1773—1828), извѣстнаго благотворителя и мецената. Вскорѣ послѣ свадьбы Демидовъ увезъ жену за границу и поселился съ нею въ Парижѣ, въ бывшемъ дворцѣ герцоговъ Praslin. Семейная жизнь ихъ не была счастлива, и несоотвѣтствіе характеровъ и вкусовъ скоро привело супруговъ къ взаимному отчужденію, едва не кончившемуся полнымъ разрывомъ послѣ рожденія въ 1812 г. второго ихъ сына Анатолія. Не будучи красавицей, Е. А. Демидова была необыкновенно граціозна, и, когда она танцовала, присутствовавшіе въ залѣ становились на скамейки, чтобы не потерять ни одного ея движенія. Вѣтреная и легкомысленная, не чуждая при томъ извѣстной культурности, интересуясь литературой и искусствами, Демидова была большой кокеткой и любила изобразить себя то въ видѣ смѣющейся вакханки, съ тѣломъ, едва прикрытымъ барсовой кожей (миніатюра собранія Демидовыхъ), то въ позѣ молящейся праведницы (портретъ Грёза, у графини П. М. Соллогубъ); въ свѣтѣ она была окружена толпою ухаживателей и сама объясняла свою склонность къ красивымъ молодымъ людямъ тѣмъ эстетическимъ наслажденіемъ, которое испытывала при видѣ всего изящнаго. Ея кокетство и любовь къ свѣтскимъ развлеченіямъ трудно уживались съ суровымъ и тяжелымъ въ домашнемъ быту характеромъ мужа; фактически разойдясь, они рѣдко видѣлись, но этотъ внутренній разладъ былъ мало замѣтенъ подъ личиной шумной свѣтской жизни. Посѣщая довольно часто театры и другія модныя въ то время публичныя увеселенія, Е. А. Демидова больше любила принимать у себя, и въ домѣ ея собиралось многолюдное и крайне разнообразное общество. Она много играла въ карты, и крупная игра на ея вечерахъ обратила даже вниманіе полиціи на домъ Демидовыхъ. Она любила Францію и французовъ и благоговѣла передъ первымъ консуломъ, котораго называла „богомъ Европы“.

Въ первыхъ годахъ XIX столѣтія, съ обостреніемъ отношеній между Франціей и Россіей, Демидовы покинули Парижъ и переселились въ Италію, а въ 1812 г. вернулись въ Россію и поселились въ Москвѣ, въ своемъ старинномъ домѣ въ Нѣмецкой слободѣ. Въ то время, какъ самъ Демидовъ, не спѣша, вооружалъ на свой счетъ пѣхотный полкъ, жена его предавалась воспоминаніямъ о Парижѣ, украдкой посматривая на малахитовые часы, остановленные ею, какъ увѣряли злые языки, въ минуту разставанія съ красавцемъ-эмигрантомъ Геракліемъ Полиньякомъ, командиромъ Апшеронскаго полка.

Послѣ реставраціи Бурбоновъ, Е. А. Демидова вернулась въ Парижъ, но уже безъ мужа, поселившагося во Флоренціи. Ей недолго пришлось, однако, наслаждаться возвращеніемъ въ любимую Францію: она скончалась 27 Марта 1818 г., 39-и лѣтъ, почти внезапно, въ тяжкихъ страданіяхъ, послѣ непродолжительной болѣзни, и похоронена на кладбищѣ Père-Lachaise, гдѣ сыномъ ея, А. Н. Демидовымъ, былъ впослѣдствіи воздвигнутъ на ея могилѣ великолѣпный обелискъ изъ бѣлаго мрамора.

Изъ двухъ сыновей Е. А. Демидовой, старшій, Павелъ (р. 1798 г., † 1840 г.), женатъ былъ на Аврорѣ Шернваль, а младшій, Анатолій (р. во Флоренціи въ 1812 г., † 1870 г.), женился на принцессѣ Матильдѣ Бонапартъ.

(Съ миніатюры изъ Демидовскаго собранія.)

100

ÉLISABETH ALEXANDROWNA DÉMIDOFF, 1779—1818, la plus jeune fille du baron Alexandre Nicolaewitch Stroganoff († 1789) et d'Elisabeth Alexandrowna, née Zagriajsky, naquit le 5 février 1779. Toute jeune encore, elle épousa le riche moscovite, dans la suite conseiller privé et commandeur de l'Ordre de Malte, Nicolas Nikititch Démidoff (1773—1828), connu pour sa bienfaisance et sa générosité de Mécène. Peu après son mariage, Démidoff emmena sa femme à l'étranger et se fixa avec elle à Paris, dans l'ancien palais des ducs de Praslin. Leur union ne fut pas heureuse, et l'incompatibilité de leurs caractères et de leurs goûts ne tarda pas à amener un éloignement réciproque, qui faillit se terminer par une rupture complète après la naissance, en 1812, de leur second fils Anatole. Sans être une beauté, Mme Démidoff possédait une grâce extraordinaire, et, quand elle dansait, les assistants montaient sur les sièges pour ne perdre aucun de ses mouvements. Inconstante et frivole, mais non sans une certaine culture, avec du goût pour la littérature et les arts, c'était une grande coquette: elle aimait se faire représenter tantôt en bacchante, le corps à peine voilé d'une peau de panthère (miniature de la collection Démidoff), tantôt dans la posture d'une bienheureuse en prière (portrait appartenant à la comtesse N. Sollogoub). Dans le monde, elle était entourée d'une troupe d'adorateurs et elle-même expliquait son goût pour les beaux hommes par la jouissance esthétique que lui procurait tout ce qui était artistique. Sa coquetterie et son amour des distractions mondaines allaient mal avec le caractère de son mari, sévère et dur dans son intérieur; séparés en fait, ils se voyaient rarement, mais ce désaccord domestique passait presque inaperçu sous le masque bruyant de la vie mondaine. Tout en allant assez souvent au théâtre et dans les autres lieux de divertissement publics à la mode, Mme Démidoff préférait recevoir chez elle, et sa maison était le rendez-vous d'une société nombreuse et extrêmement mélangée; elle aimait beaucoup les cartes, et le gros jeu qu'on jouait à ses soirées éveilla même l'attention de la police. Elle avait une passion pour la France et les Français, et un culte pour le Premier Consul, qu'elle appelait „le dieu de l'Europe".

Dans les premières années du XIXe siècle, lorsque les rapports entre la France et la Russie commencèrent à être tendus, les Démidoff quittèrent Paris et se rendirent en Italie, puis, en 1812, rentrèrent en Russie et se fixèrent à Moscou, dans leur vieille maison de Németzkaïa Sloboda. Pendant que lui équipait tranquillement à ses frais un régiment d'infanterie, elle était tout entière à ses souvenirs de Paris, jetant des regards furtifs sur la pendule en malachite qu'elle avait arrêtée, à en croire les mauvaises langues, en disant adieu au bel émigrant Héraclius de Polignac, commandant du régiment d'Apchéron.

A la Restauration, Mme Démidoff retourna à Paris, mais sans son mari, qui se fixa à Florence. Pourtant elle ne put jouir longtemps du retour dans sa France bien-aimée: elle mourut presque subitement dans de cruelles souffrances, le 27 mars 1818, à l'âge de 39 ans, après une courte maladie. Elle est inhumée au cimetière du Père-Lachaise, et son fils Anatole a fait élever sur sa tombe un magnifique obélisque de marbre blanc.

De ses deux fils, l'aîné, Paul (né 1798, † 1840), épousa Aurore Schernwall, et le plus jeune, Anatole (né à Florence en 1812, † 1870), la princesse Mathilde Bonaparte.

(D'après une miniature de la collection Démidoff.)

101

АННА ПЕТРОВНА, 1777—1805, и **ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА**, 1783—1830, **ЛОПУХИНЫ**, дочери сенатора, впослѣдствіи свѣтлѣйшаго князя П. В. Лопухина, отъ перваго брака его съ Прасковьей Ивановной Левшиной.

Екатерина Петровна родилась 11 Апрѣля 1783 г. и вмѣстѣ съ старшей сестрой, впослѣдствіи княгиней Гагариной, впервые появилась въ московскомъ свѣтѣ въ 1797 г. на торжествахъ по случаю коронаціи Императора Павла I. Молодыя Лопухины, красивыя брюнетки, заинтересовали собою московское общество и прибывшій изъ Петербурга дворъ и обратили на себя вниманіе Государя, отдавшаго предпочтеніе старшей. Екатерина Петровна, которой было всего 14 лѣтъ, сильно увлеклась Великимъ Княземъ Александромъ Павловичемъ и искала встрѣчъ съ нимъ, хотя онъ, повидимому, тщательно ея избѣгалъ. Это возбудило въ Москвѣ много толковъ, которымъ Павелъ положилъ конецъ, выдавъ ее въ томъ же году за гофмейстера Григорія Александровича Демидова (р. 1765 г., † 1827 г.). Этотъ бракъ съ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ Государю лицъ, богачемъ и меценатомъ, въ связи съ возвышеніемъ семьи Лопухиныхъ, доставилъ Екатеринѣ Петровнѣ видное положеніе въ петербургскомъ свѣтѣ. Жили Демидовы очень широко и открыто, зимой въ своемъ домѣ въ Демидовомъ переулкѣ (гдѣ потомъ много лѣтъ помѣщался Англійскій клубъ), а лѣтомъ въ имѣніи Танцы, близъ Царскаго Села.

Переживъ мужа на три года, Е. П. Демидова скончалась въ Танцахъ 21 Іюня 1830 г. и погребена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. У ней было четыре сына: Никита, Александръ, Петръ и Павелъ, и двѣ дочери: Прасковья (за Бехтѣевымъ) и Анна (за Энгельгардтомъ). Послѣ смерти въ 1873 г. брата Демидовой, свѣтл. князя Павла Петровича Лопухина, княжескій титулъ и фамилія перешли къ ея внуку, Николаю Петровичу Демидову, который сталъ именоваться свѣтлѣйшимъ княземъ Лопухинымъ-Демидовымъ.

Анна Петровна, старшая сестра Демидовой, 8 Февраля 1800 г. вышла замужъ за князя Павла Гавриловича Гагарина; о ней см. № 66.

(Съ миніатюры по акварельному портрету работы Харло; собственность П. А. Демидова, въ Ниццѣ.)

101

ANNA PÉTROWNA, 1777—1805, et CATHERINE PÉTROWNA, 1783—1830, LOPOUKHINE, filles du sénateur, puis prince sérénissime Pierre Lopoukhine et de sa première femme Prascovie Ivanowna Levchine.

Catherine Lopoukhine naquit le 11 avril 1783, et, en même temps que sa sœur aînée, plus tard princesse Gagarine, fit son entrée dans le monde à Moscou, en 1797, aux fêtes du couronnement de l'Empereur Paul Ier. Les jeunes filles, deux jolies brunes, firent sensation dans la société moscovite et parmi la Cour, venue de Pétersbourg, et attirèrent l'attention de l'Empereur, qui donna la préférence à l'aînée. Catherine Lopoukhine, qui n'avait que 14 ans, se prit d'une vive passion pour le Grand-Duc Alexandre Pavlowitch: elle faisait tout pour le voir, tandis que lui semblait l'éviter soigneusement. Ce fut, à Moscou, l'objet de nombreux commentaires, auxquels Paul mit fin en la mariant l'année même au maître de la Cour Grégoire Alexandrowitch Démidoff (né en 1765, † 1827). Ce mariage avec un des intimes du Souverain, possesseur d'une grosse fortune et d'une réputation de Mécène, joint à l'entrée en faveur des Lopoukhine, mit Catherine très en vue dans le monde de Pétersbourg. Les Démidoff vivaient sur un grand pied et tenaient table ouverte, habitant l'hiver leur maison de Démidoff péréoulok (qui plus tard fut longtemps occupée par le Club anglais), et l'été leur propriété de Taïtzy, près de Tsarskoïé-Sélo.

Mme Démidoff survécut trois ans à son mari, et mourut à Taïtzy le 21 juin 1830; elle fut inhumée au cimetière St-Lazare du monastère d'Alexandre Newsky. Elle avait eu quatre fils, Nikita, Alexandre, Pierre et Paul, et deux filles, Prascovie, qui épousa Bekhtéeff, et Anna, qui épousa Engelhardt. A la mort de son frère, le prince Paul Pétrowitch Lopoukhine, en 1873, le titre de prince et le nom passèrent à son petit-fils, Nicolas Pétrowitch Démidoff, qui s'appela dorénavant prince sérénissime Lopoukhine-Démidoff.

Anna Lopoukhine, la sœur aînée de Mme Démidoff, épousa, le 8 février 1800, le prince Paul Gavrilowitch Gagarine (V. № 66).

(D'après une miniature exécutée sur l'aquarelle de Harlow; propriété de P. Démidoff, à Nice.)

99

Серѣй Васильевичъ Салтыковъ,
1726 — 17..

Serge Vassiliewitch Saltykoff,
1726 — 17..

100

Елизавета Александровна Демидова,
1779 — 1818

Elisabeth Alexandrowna Démidoff,
1779 — 1818

101

По ориг. Харло

Анна, 1777—1805, и Екатерина, 1783—1830, Лопухины

D'après Harlow

Anna, 1777—1805, et Catherine, 1783—1830, Lopoukhine

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

102

Баронъ **ФЕДОРЪ КАРЛОВИЧЪ КОРФЪ**, 1779—1823, генералъ-адъютантъ, сынъ Курляндскаго губернскаго предводителя дворянства, въ домѣ отца получилъ прекрасное образованіе; начавъ службу въ Конной гвардіи, Корфъ всю жизнь служилъ въ кавалеріи и съ 1794 г. по 1815 г. находился почти безпрерывно въ походахъ. За штурмъ Праги награжденъ орд. св. Георгія 4 ст. и, раненый въ руку при Прейсишъ-Эйлау, получилъ Георгія 3 ст. Находясь въ 1809 г. въ составѣ корпуса князя С. Ф. Голицына, двинутаго въ Галицію, за успѣшное размежеваніе границъ между Россіей и Австріей, 14 Сентября пожалованъ въ генералъ-адъютанты. Въ 1812 г. онъ командовалъ 2-мъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ и участвовалъ почти во всѣхъ крупныхъ дѣлахъ Отечественной войны и во многихъ сраженіяхъ кампаніи 1813—14 годовъ, но „славнымъ днемъ въ жизни Корфа былъ великій день Бородина“, ибо здѣсь рядъ атакъ кавалеріи Корфа имѣлъ результатомъ то, что поле битвы осталось за нами. За Бородинскій бой Корфъ пропзведенъ въ генералъ-лейтенанты. Затѣмъ онъ оказалъ выдающіяся заслуги подъ Малоярославцемъ и Вязьмою, гдѣ Псковскій кирасирскій полкъ, подъ его командой, уничтожилъ французскихъ кирасиръ и послѣ этого получилъ французскія латы.

По отзыву современника, баронъ Корфъ былъ „человѣкъ души возвышенной, всѣми любимый и уважаемый. Мягкій характеромъ, добрый до безрасчетливости, за правоту готовъ былъ жертвовать всѣмъ. Чуждый притворства и лести, онъ не терпѣлъ ихъ въ подчиненномъ. Мощный тѣломъ, исполинъ ростомъ, бодро переносилъ онъ военные труды, обладая притомъ особеннымъ искусствомъ, когда всѣ другіе нуждались въ хлѣбѣ, угощать товарищей своихъ вкусными и прихотливыми обѣдами“.

Корфъ былъ женатъ на дочери д. статск. совѣтника Екатеринѣ Григорьевнѣ Шидловской, утонувшей во время катанья въ пруду, и имѣлъ одного сына Павла (р. 1812 г., † 1831 г.), умершаго отъ холеры.

Умеръ въ Орлѣ отъ нарыва въ легкихъ 30 Августа 1823 г. и тамъ похороненъ на кладбищѣ около архіерейскаго дома. На могилѣ его офицерами 2-й кирасирской дивизіи на собранныя ими 10/т. руб. асс. поставленъ памятникъ работы профессора Мартоса.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le baron THEODORE KARLOWITCH KORFF, 1779—1823, général aide de camp, fils du chef de la noblesse du gouvernement de Courlande, reçut à la maison paternelle une excellente éducation; entré au service à la Garde à cheval, il resta toute sa vie dans la cavalerie, et, de 1794 à 1815, ne cessa pour ainsi dire pas de faire campagne. L'assaut de Prague lui valut la croix de St-Georges de 4e classe, et une blessure au bras à Preussisch-Eylau celle de 3e classe. Il fit partie, en 1809, du corps envoyé en Galicie sous les ordres du prince S. Golitzyne: l'habileté qu'il y déploya dans la rectification de frontières entre la Russie et l'Autriche le fit nommer, le 14 septembre, général aide de camp. En 1812, il était à la tête du 2e corps de cavalerie de réserve, et fut de presque toutes les affaires importantes de la Guerre Patriotique et de beaucoup de batailles de la campagne de 1813—1814; mais „le jour de gloire de la vie de Korff fut la grande journée de Borodino", car ce fut sa série d'attaques de cavalerie qui nous fit rester maîtres du champ de bataille. A la suite de ce glorieux exploit, il fut promu général-lieutenant. Il rendit encore de brillants services à Malo-Yaroslawetz et à Viazma, où les cuirassiers de Pskoff, sous ses ordres, anéantirent les cuirassiers français et reçurent pour ce fait d'armes la cuirasse française.

Au témoignage d'un contemporain, le baron Korff était „un homme à l'âme élevée, aimé et estimé de tous. D'un caractère doux, d'une bonté qui l'emportait sur toute autre considération, il était prêt à tous les sacrifices au nom du bon droit. Etranger à la dissimulation et à la flatterie, il ne pouvait les souffrir chez ses subordonnés. Avec son corps puissant et sa taille de géant, il supportait vaillamment les fatigues de la guerre, possédant en outre un talent particulier, celui de faire faire à ses camarades, quand tout le monde manquait de pain, des repas succulents et recherchés".

Il épousa la fille du conseiller d'état actuel Chidlowsky, Catherine Grigoriewna, qui se noya au cours d'une promenade en barque, et il eut un fils, Paul (né en 1812, † 1831), qui succomba au choléra.

Il mourut à Orel d'un abcès au poumon, le 30 août 1823, et y fut inhumé, près du palais archiépiscopal. Les officiers de la 2e division de cuirassiers recueillirent entre eux 10.000 roubles et firent élever sur sa tombe un monument dû au ciseau du professeur Martos.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графъ ЕВГРАФЪ ѲЕДОТОВИЧЪ КОМАРОВСКІЙ, 1769—1843, сынъ дворцоваго мелкаго чиновника Ѳедота Аѳанасьевича отъ брака съ Ульяной Ивановной Зиновьевой, родился 18 Ноября 1769 г. и былъ крестникомъ будущаго фаворита Мамонова. Рано лишившись родителей, онъ воспитывался во французскихъ пансіонахъ де-Вильневъ, Ленкъ и Массонъ, откуда вышелъ въ Измайловскій полкъ; въ 1787 г. назначенъ состоять при Безбородкѣ и курьеромъ побывалъ въ Парижѣ и Лондонѣ, Вѣнѣ и Франкфуртѣ; затѣмъ, въ 1792 г. сопровождалъ гр. Румянцева въ Карлсруэ, когда шли переговоры относительно женитьбы Великаго Князя Александра на одной изъ баденскихъ принцессъ, портреты которыхъ были Комаровскимъ доставлены Императрицѣ-бабкѣ. Съ этого времени началось расположеніе Великаго Князя Александра Павловича къ Комаровскому; въ 1796 г. онъ устроилъ его назначеніе адъютантомъ къ Константину Павловичу. Въ 1798 г., произведенный въ полковники, сопровождалъ Великаго Князя въ Итальянскомъ походѣ. 4 Ноября 1799 г. произведенъ въ генералъ-майоры, а въ слѣдующемъ году его постигла немилость Государя, и онъ удаленъ былъ изъ столицы, назначенный комендантомъ въ Каменецъ-Подольскъ. Съ воцареніемъ Александра I, вызванный въ Петербургъ, Комаровскій уклонился отъ назначенія на прежнюю должность, такъ какъ ему не нравились окружающія Цесаревича лица; съ этого времени онъ потерялъ навсегда расположеніе Великаго Князя, но зато 17 Іюля 1801 г. назначенъ генералъ-адъютантомъ и, пользуясь довѣріемъ Государя, сопровождалъ его въ вечернихъ поѣздкахъ. Въ слѣдующемъ году назначенъ помощникомъ петербургскаго военнаго губернатора, гр. М. Ф. Каменскаго, и начальникомъ полиціи. Послѣдняя должность его особенно тяготила, и онъ скоро отъ нея отказался, занятый къ тому же постройкой гвардейскихъ казармъ. Въ 1803 г. состоялъ при палатинѣ Іосифѣ и настолько умѣлъ заслужить его расположеніе, что эрцгерцогъ выхлопоталъ ему 7 Мая 1803 г. графское Свящ. Римской имперіи достоинство. Гр. Комаровскій не участвовалъ ни въ Отечественной войнѣ, ни въ кампаніяхъ 1813—1814 гг., на что всегда горько жаловался даже Государю: въ эти годы онъ былъ занятъ сборомъ лошадей и рекруть въ юго-западныхъ губерніяхъ Россіи. 7 Февраля 1816 г. назначенъ командиромъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи и 30 Августа произведенъ въ генералъ-лейтенанты; въ 1824 г., послѣ наводненія, былъ временнымъ военнымъ губернаторомъ Петербургской стороны; 14 Декабря 1825 г. привелъ батальонъ Финляндскаго полка на площадь, а потомъ отводилъ захваченныхъ мятежниковъ въ крѣпость. Затѣмъ былъ посланъ въ Москву объявить о восшествіи на престолъ Императора Николая I, а въ 1826 г. объявлялъ въ С.-Петербургѣ о коронованіи. Черезъ 2 года разныя непріятности заставили его отказаться отъ командованія корпусомъ, и 13 Октября 1828 г., въ чинѣ полнаго генерала, онъ назначенъ сенаторомъ. Съ этого времени Комаровскій поселился въ имѣніи жены, въ с. Городищѣ, Орловской губ., гдѣ занимался хозяйствомъ; ему принадлежала также съ 1822 г. Охтенская суконная фабрика, издѣлія которой въ 1829 г. на выставкѣ въ Петербургѣ удостоены золотой медали.

Умеръ 13 Октября 1843 года. Отъ брака съ Елизаветой Егоровной Цуриковой, на которой былъ женатъ съ 8 Января 1802 г., имѣлъ 3 дочерей: Евдокію, Аншу (за ген.-ад. Шиповымъ) и Софію (за Комовскимъ), и 5 сыновей: Егора, Александра, Владиміра, Павла и Алексѣя.

Гр. Комаровскій оставилъ записки о своей жизни (напечатаны дважды въ „Русск. Архивѣ“ и въ „Истор. Вѣстникѣ“), составленныя имъ въ старости „для любопытства и назиданія дѣтей“. Человѣкъ образованный, съ мягкимъ и ровнымъ характеромъ, дѣловой, онъ даже въ лѣта ранней молодости отличался особенной серіозностью и скромностью. Извѣстный своей черезчуръ веселой и расточительной жизнью за границей А. Г. Бобринскій не могъ въ Парижѣ привлечь въ свою компанію 18-лѣтняго Комаровскаго и называлъ его поэтому „le très sage M-r Komarowsky“.

(Съ акварельнаго портрета Соколова; собственность графини А. Е. Комаровской, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte EUGRAPHE FÉDOTOWITCH KOMAROWSKY, 1769—1843, fils d'un petit fonctionnaire du Palais et d'Ouliana Ivanowna Zinovieff, naquit le 18 novembre 1769, et eut pour parrain le futur favori Mamonoff. Il perdit ses parents de bonne heure et fut élevé dans les pensions françaises de Villeneuve, Lenque et Masson, puis entra au régiment Izmaïlowsky: en 1787, il fut attaché à la personne de Bezborodko, et alla en courrier à Paris et à Londres, Vienne et Francfort; il accompagna, en 1792, le comte Roumiantzeff à Karlsruhe, lors des pourparlers relatifs au projet de mariage du Grand-Duc Alexandre avec une princesse de Bade, dont il apporta des portraits à l'Impératrice mère. C'est de ce moment que date pour lui la faveur du Grand-Duc Alexandre Pavlowitch, qui, en 1796, le fit nommer aide de camp de son frère Constantin. En 1798, il fut promu colonel pour faire avec le Grand-Duc la campagne d'Italie. Il passa général-major, le 4 novembre 1799, mais l'année suivante, il encourut la disgrâce de l'Empereur et dut quitter la capitale pour aller comme gouverneur à Kamenetz-Podolsk. A l'avènement d'Alexandre Ier, il fut rappelé à Pétersbourg, mais refusa de reprendre ses anciennes fonctions, à cause de l'entourage du Césarewitch, qui ne lui convenait pas: il perdit dès lors pour toujours la faveur du Grand-Duc, ce qui ne l'empêcha pas d'être nommé général aide de camp, le 17 juillet 1801, et de jouir de la confiance de l'Empereur, qu'il accompagnait dans ses sorties particulières. L'année suivante, il devint adjoint au gouverneur militaire de Pétersbourg, le comte M. Kamensky, et chef de la police. Cette dernière fonction lui était particulièrement à charge, et il ne tarda pas à y renoncer, absorbé qu'il était d'ailleurs par la construction de casernes pour la Garde. En 1803, il fut attaché au palatin Joseph et sut si bien se concilier sa faveur, que l'archiduc lui fit conférer, le 7 mai 1803, la dignité de comte du Saint Empire Romain. Le comte Komarowsky ne prit part ni à la Guerre Patriotique, ni aux campagnes de 1813 et 1814, et s'en plaignit toujours amèrement, même à l'Empereur: il avait été chargé à cette époque de la conscription des chevaux et des hommes dans les gouvernements du midi. Le 7 février 1816, il fut nommé chef du corps de la garde territoriale, et, le 30 août, promu général-lieutenant; après l'inondation de 1824, il fut gouverneur militaire provisoire du Vieux-Pétersbourg. Au 14 décembre 1825, il amena sur la place un bataillon du régiment de Finlande, puis conduisit à la citadelle les prisonniers de l'insurrection. Il fut ensuite envoyé à Moscou porter la nouvelle de l'avènement de l'Empereur Nicolas Ier, et, en 1826, annonça le couronnement à Pétersbourg. Deux ans plus tard, il eut divers désagréments qui l'obligèrent à se démettre de son commandement, et, le 13 octobre 1828, ayant rang de général, il fut nommé sénateur. Depuis ce temps, Komarowsky resta dans la propriété de sa femme, à Gorodichtché, gouv. d'Orel, où il fit valoir: il était aussi, depuis 1822, propriétaire de la manufacture de drap d'Okhta, dont les produits reçurent en 1829 une médaille d'or à l'exposition de Pétersbourg.

Il mourut le 13 octobre 1843. Il avait épousé, le 8 janvier 1802, Elisabeth Egorowna Tzourikoff, dont il eut trois filles, Eudoxie, Anne, qui épousa le général aide de camp Chipoff, et Sophie, plus tard Mme Komowsky, et cinq fils, Egor, Alexandre, Vladimir, Paul et Alexis.

Le comte Komarowsky a laissé des mémoires qui furent publiés à deux reprises, dans l'„Archive Russe" et dans le „Messager Historique" et qu'il avait rédigés dans sa vieillesse „pour la curiosité et l'édification de ses enfants". Esprit cultivé, d'un caractère doux et égal, toujours occupé, il s'était distingué particulièrement dès sa première jeunesse par son sérieux et sa réserve: à Paris, A. Bobrinsky, bien connu par la vie joyeuse et déréglée qu'il menait à l'étranger, ne réussit pas à l'entraîner malgré ses 18 ans et l'appela „le très sage M. Komarowsky".

(D'après l'aquarelle de Sokoloff, propriété de la comtesse A. Komarowsky, à Pétersbourg.)

102

Барон Теодоръ Карловичъ
Корфъ,
1779 — 1823

Le Baron Théodore Carlowitch
Korff,
1779 — 1823

103

Графъ Евграфъ Ѳеодотовичъ
Комаровскій,
1769 — 1843

Le Comte Evgraphe Fédotowitch
Komarowsky,
1769 — 1843

104

ЖАНЕТА АНТОНОВНА ВЫШКОВСКАЯ, 1777—1854, была старшей изъ двухъ дочерей князя Антонія-Станислава Четвертинскаго, кастеляна Перемышльскаго, отъ перваго брака его съ дѣвицей Копенгаузъ, и въ дѣтствѣ лишилась матери. Въ 1794 г. погибъ трагическою смертью ея отецъ, во время мятежа въ Варшавѣ, повѣшенный чернью, считавшей его приверженцемъ Россіи. Вторая жена его, рожденная Холоневская, была приглашена Екатериною въ Россію и пожалована въ статсъ-дамы, а обѣ несовершеннолѣтнія еще падчерицы ея, Жанета и Марія, взяты фрейлинами ко двору и помѣщены на жительство во дворцѣ. Тогда какъ младшая изъ нихъ, Марія, уже въ 1795 г. вышла замужъ за Д. Л. Нарышкина, Жанета Антоновна еще долгое время оставалась при дворѣ. Уступая сестрѣ въ красотѣ и въ особенности въ привѣтливости и простотѣ обращенія, Жанета Антоновна имѣла очень привлекательную наружность, и, казалось, судьба сулила ей самую блестящую будущность. Ею серіозно увлекался Великій Князь Константинъ Павловичъ еще до брака своего съ Великой Княгиней Анной Ѳеодоровной. Охладѣвъ скоро къ своей супругѣ, уѣхавшей въ 1800 г. изъ Россіи, Цесаревичъ еще чаще сталъ искать случая встрѣчаться съ княжной Четвертинской и почти каждый день обѣдалъ у М. А. Нарышкиной, проводя у нея же остальную часть дня въ обществѣ ея сестры. Въ 1803 г. Константинъ Павловичъ, по собственному признанію, рѣшился развестись съ женой, чтобы жениться на Жанетѣ Четвертинской, но это намѣреніе встрѣтило настолько сильное противодѣйствіе какъ со стороны Императрицы Маріи Ѳеодоровны, такъ и самого Александра I, что ему пришлось отъ него отказаться. Не подлежитъ сомнѣнію, что Жанета Антоновна не легко разсталась съ честолюбивыми мечтами и надеждами, которыя казались такъ близки къ осуществленію: раньше ей представлялись блестящія партіи, но всѣ онѣ были отвергнуты ею.

Между тѣмъ время шло, положеніе ея при дворѣ было не изъ легкихъ, и кн. Четвертинская рѣшилась, наконецъ, принять предложеніе давно за ней ухаживавшаго, немолодого польскаго шляхтича (графа) Северина Вышковскаго (р. 1771 г., † 15 Апрѣля 1859 г.). Главнѣйшее препятствіе къ браку,—отсутствіе средствъ у жениха и невѣсты—было устранено: Государь пожаловалъ Жанетѣ Антоновнѣ въ приданое 200.000 рублей и заплатилъ за наемъ дома, въ который переѣхали молодые послѣ свадьбы, состоявшейся 19 Февраля 1816 года.

Бракъ съ ярымъ польскимъ патріотомъ и ненавистникомъ русскихъ отдалилъ Жанету Антоновну отъ Россіи и даже охладилъ на время ея отношенія къ семьѣ; большую часть своей замужней жизни она провела за границей и скончалась 18 Августа 1854 г. въ Мюнхенѣ, гдѣ и похоронена на „Südlicher Friedhof“. Могила ея исчезла, и даже мѣсто погребенія перешло въ другія руки.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

104

JEANNETTE ANTONOWNA WYCHKOWSKY, 1777—1854, était l'aînée des deux filles du prince Antoine-Stanislas Tchetvertinsky, châtelain de Przemysl, et de sa première femme, née Kopenhaus, et perdit sa mère toute jeune. En 1794, son père périt tragiquement lors des émeutes de Varsovie, pendu par la populace comme partisan de la Russie. Sa seconde femme, née Kholonewsky, fut appelée en Russie par Catherine et faite dame d'honneur, et ses deux belles-filles, Jeannette et Marie, furent, encore mineures, prises à la Cour comme demoiselles d'honneur et logées au Palais. Tandis que la plus jeune, Marie, épousait, dès 1795, D. Narychkine, Jeannette resta encore longtemps à la Cour. Moins belle que sa sœur, moins aimable et moins bonne enfant, elle était d'un extérieur très séduisant, et l'avenir semblait lui réserver la plus brillante destinée. Le Grand-Duc Constantin Pavlowitch se prit pour elle d'une passion sérieuse dès avant son mariage avec la Grande-Duchesse Anna Féodorowna; il ne tarda pas à se refroidir pour sa femme, qui quitta la Russie en 1800, et se mit à rechercher de plus en plus la société de la princesse Tchetvertinsky, dînant presque chaque jour chez Mme Narychkine et y passant le reste de la journée dans la compagnie de sa sœur. En 1803, le Césarewitch, de son propre aveu, prit le parti de divorcer pour épouser Jeannette Tchetvertinsky, mais il se heurta à une opposition si forte de la part tant de l'Impératrice Marie Féodorowna que d'Alexandre Ier lui-même, qu'il dut abandonner son projet. Il n'est pas douteux que Mlle Tchetvertinsky eut de la peine à renoncer à ses rêves et à ses espérances d'ambition, qui semblaient si près de se réaliser, et auxquelles elle avait sacrifié plus d'un brillant parti.

Cependant le temps passait, sa position était assez difficile à la Cour: elle se décida enfin à accepter la proposition d'un de ses anciens soupirants, un noble polonais d'un certain âge, le comte Séverin Wychkowsky (né 1771, † 15 avril 1859). Le grand obstacle au mariage, c'était le manque de fortune des futurs conjoints; il fut levé: l'Empereur donna 200.000 roubles de dot à la fiancée et se chargea du loyer de la maison conjugale. La noce eut lieu le 19 février 1816.

Ce mariage avec un fougueux patriote polonais, ennemi déclaré des Russes, rendit impossible à Mme Wychkowsky le séjour de la Russie et refroidit même pour un temps ses rapports avec sa famille; elle resta dès lors presque constamment à l'étranger et mourut, le 18 août 1854, à Munich, où elle fut inhumée au Cimetière du Sud. Sa tombe n'existe plus à l'heure qu'il est et le caveau a passé dans d'autres mains.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

МАРІЯ АНТОНОВНА НАРЫШКИНА, 1779—1854, младшая сестра Жанеты Вышковской, дочь князя Антонія-Станислава Четвертинскаго, отъ перваго брака его съ дѣвицей Копенгаузъ, родилась 2 Февраля 1779 г. Въ 1794 г., 15-и лѣтъ, она была пожалована во фрейлины, а въ слѣдующемъ году вышла замужъ за Дмитрія Львовича Нарышкина (1758—1838), одного изъ богатѣйшихъ вельможъ Екатерининской эпохи. Это событіе было воспѣто Державинымъ въ легкомъ граціозномъ стихотвореніи „Новоселье молодыхъ“, гдѣ поэтъ называетъ ихъ „Дафнисомъ и Дафной“; Нарышкиной же Державинымъ написано еще посланіе: „Аспазіи“. Блестящая партія дала Маріи Антоновнѣ выдающееся положеніе въ петербургскомъ свѣтѣ, и его не могли поколебать всѣмъ извѣстныя отношенія къ ней Императора Александра I. Этому много способствовали ея тактъ и умѣнье держать себя въ свѣтѣ, а глубоко привязанный къ ней молодой Императоръ, съ своей стороны, тщательно избѣгалъ проявленія своего чувства такими внѣшними знаками отличія и почета, которые могли дать пищу излишнимъ толкамъ. Къ тому же, чуждая всякаго честолюбія, Марія Антоновна не вмѣшивалась въ государственныя дѣла, хотя одно время на нее возлагалось много надеждъ какъ ея соотечественниками, мечтавшими о возрожденіи Польши, такъ и сильною придворною партіей, стремившейся отклонить Государя отъ союза съ Наполеономъ. Вліяніе сказывалось всего болѣе въ мелочахъ, въ просьбахъ и ходатайствахъ за разныхъ лицъ, пользовавшихся ея добротой и доступностью. Подъ конецъ Марія Антоновна стала видимо тяготиться своимъ исключительнымъ положеніемъ; она, какъ говоритъ графиня Эделингъ, „сама порвала ту связь, которую не умѣла цѣнить“, и мѣсто которой заняла искренняя дружба, прекратившаяся лишь со смертью Александра Павловича.

Красота Маріи Антоновны Нарышкиной была „до того совершенна“, что, по словамъ не щедраго на похвалы Вигеля, „казалась невозможною, неестественною“. Идеальныя, Рафаэлевскаго типа черты ея лица и безукоризненность формъ выступали еще ярче при всегдашней простотѣ ея наряда; на блестящихъ балахъ она всегда появлялась скромно одѣтою, держалась особнякомъ, опустивъ свои прекрасные глаза, и отъ этого казалась еще прелестнѣе и заманчивѣе. При этой чарующей наружности Марія Антоновна обладала высокими качествами ума и сердца: „ея доброта отражалась не только въ ея взорѣ, но и въ голосѣ и каждомъ ея пріемѣ“.

Время, проведенное Маріей Антоновной въ Петербургѣ до 1813 г., было самымъ блестящимъ въ ея жизни. Нарышкины жили зимой въ своемъ домѣ на Фонтанкѣ (нынѣ гр. Шуваловой), а лѣтомъ на дачѣ „Ma Folie“, на Крестовскомъ. Жили они съ чрезвычайною роскошью, очень открыто, принимали у себя весь городъ и дворъ, давали блестящіе праздники и балы. Болѣзнь младшей ея дочери, Софіи (р. 1808 г.), побудила Марію Антоновну предпринять въ 1811 г. путешествіе на югъ Россіи, въ Одессу, гдѣ она провела лѣто, а осенью объѣхала Крымъ. Въ 1813 г. Нарышкина уѣхала за границу и для здоровья дочери провела долгое время въ чужихъ краяхъ, проживая въ Парижѣ, Швейцаріи и Германіи и побывавъ даже въ Лондонѣ. Въ Россію она возвращалась лишь изрѣдка и не надолго, при чемъ въ 1818 г. въ Петербургѣ выдала замужъ свою старшую дочь, Марину, за гр. Гурьева. Въ 1824 г. скончалась въ Петербургѣ, во цвѣтѣ молодости и красоты, дочь ея Софія, будучи невѣстой гр. А. П. Шувалова. Смерть эта была тяжелымъ ударомъ для Императора Александра и омрачила послѣдній годъ его жизни. Въ 1835 г. М. А. Нарышкина поселилась съ мужемъ въ Одессѣ. Съ этого времени въ ея жизни начинаетъ играть нѣкоторую роль бывшій флигель-адъютантъ, генералъ Брозинъ (есть указанія родословныхъ, что будто Нарышкина, овдовѣвъ въ 1838 г., вышла за него замужъ).

Послѣдніе годы своей жизни Марія Антоновна жила большею частью за границей, изрѣдка лишь пріѣзжая въ Одессу. Скончалась она на озерѣ Старенбергъ и похоронена въ Мюнхенѣ, на кладбищѣ „Südlicher Friedhof“; на могилѣ ея находится надгробная надпись: „Ici repose la dépouille mortelle de Marie Narischkin, née princesse Czetwertynska, née le 14 Février 1779, décédée le 6 Septembre 1854“.

У нея было пять дочерей и сынъ Эм. Д. Нарышкинъ (р. 1813, † 1902).

(Съ миніатюры изъ собраній Императорскаго Эрмитажа.)

MARIE ANTONOWNA NARYCHKINE, 1779—1854, sœur de Jeannette Wychkowsky, fille du prince Antoine-Stanislas Tchetvertinsky et de sa première femme, née Kopenhaus, naquit le 2 février 1779. En 1794, à l'âge de 15 ans, elle fut faite demoiselle d'honneur, et, l'année suivante, épousa Dmitri Lvowitch Narychkine, un des plus riches grands seigneurs du temps de Catherine; l'événement fut célébré par Derjavine dans une gracieuse poésie intitulée „L'installation des nouveaux mariés", où le poète les appelle Daphnis et Daphné; c'est encore à Mme Narychkine que Derjavine adresse l'épître „Aspasie". Grâce à son brillant parti, la princesse occupa dans le monde de Pétersbourg une position marquante, que ne purent ébranler ses rapports bien connus avec l'Empereur Alexandre Ier. Son tact et son esprit de conduite y furent pour beaucoup; de son côté, le jeune Empereur, qui avait pour elle un attachement profond, évitait avec soin de manifester son sentiment par des signes extérieurs de distinction ou des honneurs qui pussent donner naissance à des propos déplacés. De plus, complètement exempte d'ambition, elle ne se mêlait pas des affaires de l'Etat, et cependant elle fut un moment le ferme espoir de ses compatriotes dans leurs rêves de restauration de la Pologne, et celui aussi d'un parti puissant à la Cour, qui tendait à détourner l'Empereur de l'alliance avec Napoléon. Son influence s'exerçait plutôt dans les petites choses: accueillante et bonne, elle avait un certain nombre d'obligés qui la trouvaient toujours disposée à accorder son concours et son intercession. Mais elle finit par se fatiguer visiblement de sa situation exceptionnelle: comme le dit madame Edeling, „elle rompit elle-même cette liaison qu'elle ne savait pas apprécier", et qui fit place à une amitié sincère qui ne prit fin qu'à la mort d'Alexandre.

La beauté de Mme Narychkine était „d'une telle perfection", qu'au témoignage peu suspect d'indulgence de Wiegel, „elle semblait impossible, surnaturelle". Ses traits idéaux, raphaéliques, ses lignes irréprochables, ressortaient encore plus vivement avec l'éternelle simplicité de sa toilette; aux plus grands bals, elle venait toujours modestement vêtue, se tenait à l'écart, ses beaux yeux baissés, et n'en paraissait que plus charmante et plus séduisante. A son extérieur ravissant elle unissait les plus hautes qualités de l'esprit et du cœur: „sa bonté se reflétait non seulement dans son regard, mais aussi dans sa voix et dans toutes ses manières".

Le temps passé à Pétersbourg, jusqu'en 1813, fut le plus brillant de sa vie. Les Narychkine habitaient l'hiver leur maison de la Fontanka (actuellement à la comtesse Chouvaloff), et l'été, la villa „Ma Folie", à Krestowsky. Ils vivaient avec un luxe extraordinaire, tenant table ouverte, recevant toute la ville et la Cour, et donnant des fêtes et des bals somptueux. La maladie de leur plus jeune fille, Sophie (née en 1808), fit entreprendre à Mme Narychkine, en 1811, un voyage dans le midi de la Russie, à Odessa, où elle resta tout l'été; puis, l'automne, elle fit le tour de la Crimée. En 1813, elle partit pour l'étranger, et, toujours pour la santé de sa fille, y resta longtemps, dans divers pays, à Paris, en Suisse, en Allemagne, et même à Londres. Elle ne revenait en Russie qu'à de rares intervalles et pour peu de temps: en 1818, à Pétersbourg, elle vint marier sa fille aînée, Marine, au comte Gourieff. En 1824, elle perdit, encore à Pétersbourg, dans la fleur de sa jeunesse et de sa beauté, sa cadette Sophie, fiancée au comte A. Chouvaloff; ce fut pour l'Empereur Alexandre un coup cruel, qui assombrit la dernière année de son existence.

En 1835, Mme Narychkine se fixa avec son mari à Odessa. C'est à ce moment que commence à jouer un certain rôle dans son existence le général Brozine, aide de camp en retraite: les généalogies portent que, devenue veuve en 1838, elle l'aurait épousé.

Dans les dernières années de sa vie, Mme Narychkine resta presque constamment à l'étranger, n'allant que rarement à Odessa. Elle est inhumée à Munich, sa tombe porte l'inscription suivante: „Ici repose la dépouille mortelle de Marie Narischkin, née princesse Czetwertinska, née le 14 Février 1779, décédée le 6 Septembre 1854".

Elle avait eu cinq filles et un fils, Emmanuel (né 1813, † 1902).

(D'après une miniature de l'Ermitage Impérial.)

Княгиня НАДЕЖДА ФЕДОРОВНА ЧЕТВЕРТИНСКАЯ, 1790—1883, дочь генералъ-маіора, кн. Федора Сергѣевича Гагарина, убитаго въ Варшавѣ во время мятежа 1794 г., родилась 11 Февраля 1790 г.; мать ея, кн. Прасковья Юрьевна, рожденная княжна Трубецкая, была замужемъ вторымъ бракомъ за П. А. Кологривовымъ. Воспитанная подъ нѣжнымъ попеченіемъ матери, безумно любившей своихъ дѣтей, княжна Надежда Федоровна вышла въ 1809 г. замужъ за блестящаго молодого полковника, кн. Б. А. Четвертинскаго.

По отзыву современника, „молодая княгиня Четвертинская была изъ числа тѣхъ женщинъ, которыхъ стоитъ любить“. Ея прямой, гибкій станъ, правильныя черты лица, большіе глаза, оттѣнявшіе его матовую, прозрачную бѣлизну, и очаровательная улыбка приводили въ восхищеніе всѣхъ ее знавшихъ; отъ матери своей, въ молодости принадлежавшей къ сонму первыхъ московскихъ „львицъ“ Александровской эпохи, княгиня Надежда Федоровна унаслѣдовала веселость характера, любезность и привѣтливость въ обращеніи, одинаково съ мужчинами, какъ и съ женщинами, но для мужчинъ, по замѣчанію Вигеля, „на челѣ этой Надежды была всегда надпись Дантова ада: „Оставь надежду навсегда“.

Овдовѣвъ въ 1865 г., кн. Надежда Федоровна продолжала жить въ Москвѣ въ подаренномъ ей Императоромъ Александромъ II домѣ у Колымажнаго двора, пользуясь почетомъ и уваженіемъ всего города. Сохранивъ до послѣднихъ дней своей долголѣтней жизни подвижность и энергію, она посвятила себя дѣламъ благотворительности и была предсѣдательницей Совѣта Московскихъ дѣтскихъ пріютовъ. Въ 1856 г. княгиня Четвертинская была пожалована кавалерственной дамой орд. св. Екатерины меньшаго креста, а въ 1877 г. назначена статсъ-дамой. Скончалась въ глубокой старости, 93-хъ лѣтъ, въ Москвѣ 3 Мая 1883 г., во время коронаціи Императора Александра III, и погребена рядомъ съ мужемъ въ склепѣ, въ селѣ Филимонкахъ.

Кромѣ двухъ сыновей, Бориса и Владиміра, кн. Надежда Федоровна имѣла 6 дочерей: Надежду (за кн. А. И. Трубецкимъ), Прасковью (за кн. С. А. Щербатовымъ), Елизавету (за бар. А. Г. Розеномъ), Марію и Вѣру, умершихъ незамужними, и Наталію (за кн. Д. Ф. Шаховскимъ).

(Съ миніатюры работы Мартенъ; собственность княгини Н. Б. Трубецкой, въ Москвѣ.)

106

La princesse NADEJDA FÉODOROWNA TCHETVERTINSKY, 1790—1883, fille du général-major prince Théodore Serguéewitch Gagarine, tué, en 1794, lors des émeutes de Varsovie, naquit le 11 février 1790; sa mère, Prascovie Youriewna, née princesse Troubetzkoï, se remaria avec P. Kologrivoff. Elevée sous la tendre direction de sa mère, qui aimait ses enfants à la folie, elle épousa, en 1809, un jeune et brillant colonel, le prince B. Tchetvertinsky.

Au témoignage d'un contemporain, „la jeune princesse Tchetvertinsky était du nombre des femmes qui valent la peine d'être aimées". Sa taille souple et élancée, ses traits réguliers, ses grands yeux estompant sa pâleur mate et transparente et son sourire enchanteur ravissaient tout le monde; sa mère avait été à Moscou, dans sa jeunesse, une des premières „lionnes" de l'époque d'Alexandre, et elle tenait d'elle sa gaîté, son amabilité et ses manières affables, aussi bien avec les femmes qu'avec les hommes, mais pour les hommes, dit Wiegel, „le front de cette Nadejda portait l'inscription de l'Enfer de Dante: Renoncez pour toujours à l'Espérance" (en russe: Nadejda).

Veuve en 1865, la princesse resta à Moscou dans sa maison du Kolymiajny Dvor, cadeau de l'Empereur Alexandre II, entourée des hommages et de l'estime de tous. Elle conserva jusque dans les derniers jours de sa longue vie sa nature active et énergique, s'occupant d'œuvres de bienfaisance, et fut présidente du Comité des asiles d'enfants de Moscou. En 1856, elle fut nommée dame de l'Ordre de Ste-Catherine, et, en 1877, dame d'honneur. Elle mourut à Moscou, à l'âge de 93 ans, le 3 mai 1883, pendant les fêtes du couronnement de l'Empereur Alexandre III, et fut inhumée près de son mari, dans le caveau de famille du village de Philimonki.

Outre ses deux fils, Boris et Vladimir, la princesse eut six filles: Nadejda, qui épousa le prince A. Troubetzkoï, Prascovie le prince S. Schtcherbatoff, Elisabeth le baron A. Rosen, Marie et Véra, qui ne se marièrent pas, et Natalie, qui épousa le prince D. Schakhowskoï.

(D'après la miniature de Martin, propriété de la princesse N. Troubetzkoï, à Moscou.)

Князь БОРИСЪ АНТОНОВИЧЪ ЧЕТВЕРТИНСКІЙ, 1781—1865, происходилъ изъ древняго рода князей Святополкъ-Четвертинскихъ, ведущихъ свое начало отъ Рюрика. Послѣ смерти отца его, князя Антонія-Станислава Четвертинскаго, убитаго чернью при мятежѣ въ Варшавѣ въ 1794 г., Екатерина II приняла особенное участіе въ князѣ Борисѣ, привезенномъ мачехою въ Россію. Онъ былъ помѣщенъ въ кадетскій корпусъ и скоро произведенъ прямо въ офицеры гвардіи. Начавъ военную службу въ Преображенскомъ полку, князь Борисъ Антоновичъ затѣмъ перешелъ въ Уланскій Е. И. В. полкъ, а 30 Мая 1805 г. причисленъ былъ къ лб.-гв. Гусарскому, съ чиномъ полковника, и принималъ блестящее участіе въ кампаніяхъ 1805—1807 гг. Красивый и веселый, онъ пользовался большимъ успѣхомъ въ обществѣ и считался неотразимымъ побѣдителемъ женскихъ сердецъ. Исполненный благородства и рыцарскихъ чувствъ, онъ не задумался пожертвовать блестящей военной карьерой, открывавшейся передъ нимъ, какъ только ему стало извѣстно положеніе, занятое при дворѣ сестрою его, Маріей Антоновной Парышкиной. Князь Четвертинскій удалился отъ двора и сталъ жить почти безвыѣздно въ своемъ эскадронѣ, а въ 1808 г. вышелъ въ отставку, несмотря на желаніе Государя и убѣжденія Цесаревича Константина Павловича. Въ 1809 г. онъ женился на княжнѣ Надеждѣ Федоровнѣ Гагариной и поселился въ Москвѣ. Въ 1812 г. онъ занялся, по просьбѣ гр. Мамонова, сформированіемъ его коннаго казачьяго полка и самъ готовился принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, получивъ командованіе полкомъ, стоявшимъ въ Ярославлѣ. Но война окончилась ранѣе, чѣмъ полкъ оказался готовымъ къ выступленію въ походъ, и кн. Четвертинскій вернулся съ женою въ Москву, гдѣ и провелъ всю свою жизнь, состоя на службѣ по придворно-конюшенной части въ чинѣ шталмейстера. Къ сестрѣ, въ свою очередь, платившей ему самой нѣжной привязанностью, онъ продолжалъ сохранять дружескія чувства и находился съ ней въ перепискѣ, хотя они никогда больше не видѣлись. Въ 1856 г., съ воцареніемъ Александра II, онъ былъ пожалованъ въ оберъ-шталмейстеры.

Князь Четвертинскій скончался 23 Января 1865 г. въ Москвѣ, въ казенномъ домѣ у Колымажнаго двора, послѣ его смерти пожалованномъ его вдовѣ. Похороненъ въ семейномъ склепѣ села Филимонокъ Подольскаго уѣзда, въ 25 верстахъ отъ Москвы, пожертвованнаго впослѣдствіи Владимірскому монастырю, въ которомъ сынъ его, кн. Владиміръ Борисовичъ Святополкъ-Четвертинскій, былъ строителемъ соборной церкви.

(Съ миніатюры работы Мартенъ; собственность княгини Н. Б. Трубецкой, въ Москвѣ.)

107

Le prince BORIS ANTONOWITCH TCHETVERTINSKY, 1781—1865, appartenait à la vieille famille des princes Sviatopolk-Tchetvertinsky, dont l'origine remonte à Rurik. A la mort de son père, le prince Antoine-Stanislas Tchetvertinsky, tué par la populace de Varsovie dans l'émeute de 1794, sa belle-mère l'amena en Russie, et Catherine s'intéressa particulièrement à lui. On le mit au Corps des Cadets, et il ne tarda pas à être promu d'emblée officier de la Garde. Il débuta au régiment Préobragensky, puis servit aux Uhlans de Sa Majesté, et, le 30 mai 1805, passa colonel aux Hussards de la Garde, avec lesquels il prit une part brillante aux campagnes de 1805—1807. Beau garçon, d'un caractère gai, il avait un grand succès dans la société et passait pour irrésistible auprès des femmes. Cœur noble et plein de sentiments chevaleresques, il n'hésita pas à sacrifier la brillante carrière militaire qui s'ouvrait devant lui, dès qu'il sut le rôle que jouait à la Cour sa sœur Marie Narychkine. Il s'éloigna de la Cour pour se confiner presque dans son escadron, et prit sa retraite en 1808, malgré le désir de l'Empereur et les instances du Césarewitch Constantin Pavlowitch. En 1809, il épousa la princesse Nadejda Féodorowna Gagarine et se fixa à Moscou. En 1812, il entreprit de mettre sur pied, sur la prière du comte Mamonoff, le régiment de cosaques à cheval que celui-ci équipait, et se préparait à se mettre lui-même en campagne à la tête d'un régiment, cantonné à Yaroslavl, et dont il avait reçu le commandement: mais la guerre se termina avant que la troupe fût prête, et le prince Tchetvertinsky revint avec sa femme à Moscou, où il passa le reste de sa vie, aux Ecuries de la Cour avec rang d'écuyer. N'ayant jamais cessé d'aimer sa sœur, qui, à son tour, lui portait l'affection la plus tendre, il resta en correspondance avec elle, sans toutefois l'avoir jamais revue de sa vie. En 1856, à l'avènement d'Alexandre II, il fut promu grand-écuyer.

Le prince Tchetvertinsky mourut, le 23 janvier 1865, à Moscou, dans une maison du Kolymiajny Dvor qui appartenait à l'Etat, et qui, à sa mort, fut donnée à sa veuve. Il fut inhumé dans le caveau de famille, au village de Philimonki, à 25 verstes de Moscou; le village fut cédé dans la suite au monastère St-Vladimir, dont son fils, le prince Vladimir Sviatopolk-Tchetvertinsky, avait fait bâtir l'église.

(D'après la miniature de Martin, propriété de la princesse N. Troubetzkoï, à Moscou.)

104

Жанета Антоновна Вышковская,
1777 — 1854

Jeannette Antonowna Wyschkowsky,
1777 — 1854

105

Марія Антоновна Нарышкина,
1779 — 1854

Marie Antonowna Narychkine,
1779 — 1854

106

Пис. Мартенъ — Peint par Martin

Княгиня Надежда Федоровна Четвертинская,
1790 — 1883

La Princesse Nadejda Féodorowna Tchetvertinsky,
1790 — 1883

107

Пис. Мартенъ — Peint par Martin

Князь Борисъ Антоновичъ Четвертинскій,
1781 — 1865

Le Prince Boris Antonowitch Tchetvertinsky,
1781 — 1865

108

Графиня ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА ЗУБОВА, 1742—1813, единственная дочь армейскаго прапорщика Воронова, оставившаго ей 1000 душъ крестьянъ, 17 лѣтъ вышла замужъ за А. П. Зубова и впослѣдствіи сдѣлалась матерью фаворита Екатерины II. Въ 1793 г. мужъ ея былъ возведенъ въ графское достоинство, въ 1795 г. она сама пожалована въ статсъ-дамы, а 5 Апрѣля 1797 г., въ день коронованія Павла I,—въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины. Отъ брака съ Зубовымъ имѣла 4 сыновей и 3 дочерей.

Умерла 29 Декабря 1813 г. и погребена въ семейной усыпальницѣ гр. Зубовыхъ, въ Троицко-Сергіевой пустыни, близъ Петербурга.

(Съ миніатюры, принадлежащей М. Е. Леонтьевой, въ Москвѣ.)

108

La comtesse **ÉLISABETH VASSILIEWNA ZOUBOFF**, 1742—1813, née Voronoff, fille unique d'un porte-enseigne de l'Armée, qui lui légua 1000 têtes de paysans, épousa à l'âge de 17 ans A. Zouboff et fut la mère du favori de Catherine II. En 1793, son mari fut élevé à la dignité de comte; en 1795, elle-même fut faite dame d'honneur, et, le 5 avril 1797, jour du couronnement de Paul Ier, dame de l'Ordre de Ste-Catherine. De son mariage avec Zouboff, elle eut quatre fils et trois filles.

Elle mourut le 29 décembre 1813 et fut inhumée à la sépulture de famille des Zouboff, au monastère de St-Serge Troïtzky, aux environs de Pétersbourg.

(D'après une miniature appartenant à Mme Léontieff, à Moscou.)

109

Графъ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ЗУБОВЪ, 1727—1795, тайный совѣтникъ, сенаторъ, родоначальникъ всѣхъ графовъ Зубовыхъ, сынъ небогатаго дворянина, члена Коллегіи Экономіи, Николая Васильевича и его первой жены Татьяны Алексѣевны Трегубовой, родился 6 Августа 1727 г.; служилъ въ Конной гвардіи и съ чиномъ подполковника Ландмилицкаго корпуса вышелъ въ отставку. Перейдя въ гражданскую службу, былъ вице-губернаторомъ и управлялъ имѣніями гр. П. И. Салтыкова. Неожиданное, быстрое возвышеніе третьяго сына Платона, послѣдняго любимаго фаворита Екатерины II, повлекло за собой назначеніе отца оберъ-прокуроромъ I Департамента Сената, затѣмъ сенаторомъ, и возведеніе его 7 Февраля 1793 г. со всѣмъ потомствомъ въ графское Священной Римской Имперіи достоинство. Современники даютъ о Зубовѣ согласный, но далеко неблагопріятный для него отзывъ, какъ о человѣкѣ умномъ, но нравственно нечистоплотномъ и недобросовѣстномъ; злой, скупой и корыстолюбивый, онъ за деньги продавалъ протекцію всемогущаго своего сына и, какъ говорятъ, будучи сенаторомъ, торговалъ правосудіемъ и скупалъ старые тяжебные процессы съ цѣлью рѣшенія ихъ въ свою пользу.

Женатъ былъ на Елизаветѣ Васильевнѣ, рожденной Вороновой. Умеръ 20 Февраля 1795 г. и похороненъ въ Сергіевой пустыни, около Петербурга.

(Съ миніатюры изъ собранія М. Е. Леонтьевой, въ Москвѣ.)

109

Le comte ALEXANDRE NICOLAEWITCH ZOUBOFF, 1727—1793, conseiller privé, sénateur, chef de la généalogie de tous les comtes Zouboff, fils d'un noble sans fortune, membre du Collège économique, Nicolas Zouboff, et de sa première femme Tatiana Alexéewna, née Trégouboff, naquit le 6 août 1727; servit à la Garde à cheval et prit sa retraite comme lieutenant-colonel de la milice. Il passa au service civil, fut vice-gouverneur et devint intendant des domaines du comte N. Saltykoff. Il dut à la fortune inattendue et rapide de son troisième fils Platon, le dernier favori de Catherine II, d'être nommé procureur général du 1er département du Sénat, puis sénateur, et d'être élevé, le 7 février 1793, avec tous ses descendants à la dignité de comte du Saint Empire Romain. Les contemporains sont d'accord sur Zouboff, mais leur témoignage est loin d'être flatteur: ils lui accordent de l'intelligence, mais avec une probité morale et une conscience douteuses; méchant, avare et intéressé, il vendait pour de l'argent la protection de son tout-puissant fils, et, comme sénateur, faisait, dit-on, trafic de la justice, achetant les causes qui traînaient en longueur pour les faire décider à son profit.

Il épousa Sophie Vassiliewna Voronoff. Il mourut le 20 février 1795 et fut inhumé au monastère de St-Serge, près de Pétersbourg.

(D'après une miniature de la collection de Mme M. Léontieff, à Moscou.)

110

Графъ ДМИТРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЗУБОВЪ, 1764—1836, генералъ-маіоръ, второй изъ сыновей сенатора гр. А. Н. Зубова и наименѣе извѣстный изъ братьевъ князя Платона. При возвышеніи брата пожалованъ въ камеръ-юнкеры, а въ 1793 г.—въ графское достоинство Священной Римской Имперіи. Жилъ въ Москвѣ и передъ Отечественной войной, съ 1806 г., занимался, вмѣстѣ съ коммерціи совѣтникомъ Передовщиковымъ, казенными подрядами и винными откупами въ Петербургской и Московской губерніяхъ, при участіи въ залогахъ Г. Р. Державина, со вдовой котораго велъ потомъ судебный процессъ изъ-за данныхъ въ залогъ домовъ. Такое же взысканіе на сумму до 300 тысячъ рублей было предъявлено дѣйств. тайн. сов. В. В. Энгельгардтомъ (родной братъ извѣстныхъ племянницъ Потемкина), давшимъ ему въ залогъ до 8/т. душъ крестьянъ, а затѣмъ графиня Софія Потоцкая по векселямъ требовала за переданные ему въ городахъ Ладогѣ, Лутѣ и Шлиссельбургѣ питейные сборы уплаты болѣе 380 тысячъ рублей. Гр. Зубовымъ въ это время, по его словамъ, было понесено, благодаря нашествію Наполеона, до 3 милліоновъ рублей убытковъ. Дѣла его были совершенно запутаны, и запрещеніе было наложено даже на имѣніе его жены—Усвять, Витебской губерніи, такъ какъ она являлась поручительницей за мужа.

Съ 1790 г. былъ женатъ на дочери генералъ-прокурора князя А. А. Вяземскаго, Прасковіи Александровнѣ, и имѣлъ отъ нея одного сына и четырехъ дочерей. Умеръ 14 Февраля 1836 года и погребенъ въ Сергіевой пустыни, близъ Петербурга.

(Съ миніатюры изъ собранія М. Е. Леонтьевой, въ Москвѣ.)

110

Le comte **DMITRI ALEXANDROWITCH ZOUBOFF**, 1764—1836, général-major, le second fils du sénateur comte A. Zouboff, est le moins connu des frères du prince Platon. L'entrée en faveur de son frère lui valut la dignité de gentilhomme de la chambre, et, en 1793, celle de comte du Saint-Empire Romain. Il habitait Moscou, et, avant la guerre Patriotique, avait depuis 1806, conjointement avec le conseiller de commerce Pérédovchtchikoff, les soumissions de l'Etat et le fermage de l'alcool des gouvernements de Pétersbourg et de Moscou: ses cautionnements lui étaient en partie fournis par G. Derjavine, dont la veuve lui intenta plus tard un procès pour se faire rendre des maisons données en gage. Il fut l'objet de poursuites semblables pour le recouvrement de près de 500.000 roubles de créances de la part du conseiller privé actuel V. Engelhardt, le frère des fameuses nièces de Potemkine, qui lui avait remis en gage environ 8.000 têtes de paysans; enfin, il se vit présenter par la comtesse Sophie Potocki pour plus de 380.000 roubles de traites, en recouvrement des recettes de l'impôt sur les boissons dont il avait la concession à Ladoga, Louga et Schlusselbourg. A cette époque, à en croire le comte Zouboff, l'invasion de Napoléon lui avait causé près de 3 millions de roubles de dommage. Il fut réduit à une situation inextricable, et opposition fut mise même sur le domaine d'Ousviat, gouvernement de Vitebsk, propriété personnelle de sa femme, qui s'était portée caution pour lui.

Il avait épousé, en 1790, la fille du procureur général prince A. Viazemsky, Prascovie Alexandrowna, dont il eut un fils et quatre filles. Il mourut le 14 février 1836, et fut inhumé au monastère de St-Serge, près Pétersbourg.

(D'après une miniature de la collection de Mme M. Léontieff, à Moscou.)

111

Графиня ПРАСКОВЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЗУБОВА, 1772—1835, дочь извѣстнаго Екатерининскаго генералъ-прокурора князя Александра Алексѣевича Вяземскаго отъ брака съ княжной Еленой Никитичной Трубецкой. 10 Ноября 1789 г., при ея помолвкѣ съ Дмитріемъ Александровичемъ Зубовымъ, братомъ фаворита Императрицы, пожалована въ фрейлины; 23 Января 1790 г. была ея свадьба. Княжна Вяземская принесла мужу значительное состояніе, которое подъ конецъ было разстроено гр. Д. А. Зубовымъ вслѣдствіе разныхъ спекуляцій и неудачнымъ веденіемъ винныхъ откуповъ въ Петербургской и Московской губерніяхъ. На личное состояніе графини, какъ, напр., на имѣніе Усвятъ, Витебской губерніи, было наложено запрещеніе за долги мужа, за котораго она давала свое поручительство.

Гр. П. А. Зубова умерла 18 Ноября 1835 г. и похоронена въ общемъ Зубовскомъ склепѣ въ Сергіевой пустыни. Она имѣла сына Николая и 4 дочерей: Елизавету (за барономъ Г. В. Розеномъ; мать игумени Митрофаніи), Варвару (за графомъ П. П. Сухтеленомъ), Екатерину (за А. И. Пашковымъ) и Анну (за гр. Кнутъ).

(Съ миніатюры, принадлежащей графинѣ Е. П. Коновницыной, въ Москвѣ.)

111

La comtesse **PRASCOVIE ALEXANDROWNA ZOUBOFF**, 1772—1835, fille du prince Alexandre Alexéewitch Viazemsky, le célèbre procureur général du temps de Catherine, et de la princesse Hélène Nikititchna Troubetzkoï. Le 10 novembre 1789, jour de ses fiançailles avec Dmitri Alexandrowitch Zouboff, le frère du favori de l'Impératrice, elle fut faite demoiselle d'honneur; le mariage fut célébré le 23 janvier 1790. La princesse Viazemsky apportait à son mari une fortune considérable, qui finit par être compromise par les spéculations de Zouboff et par sa malheureuse exploitation du fermage de l'alcool dans les gouvernements de Pétersbourg et de Moscou. Opposition fut mise même sur les biens personnels de la comtesse, comme son domaine d'Ousviat, gouv. de Vitebsk, en raison des dettes de son mari, pour lequel elle s'était portée caution.

La comtesse Zouboff mourut le 18 novembre 1835, et fut inhumée au monastère St-Serge, dans la sépulture de la famille Zouboff. Elle eut un fils, Nicolas, et quatre filles, Elisabeth (baronne G. Rosen, mère de l'higoumène Mitrophane), Varvara (comtesse P. Soukhtelen), Catherine (Mme Pachkoff) et Anne (comtesse Knout).

(D'après une miniature appartenant à la comtesse E. Konovnitzyne, à Moscou.)

108

Графиня Елизавета Васильевна Зубова,
1742 — 1813

La Comtesse Elisabeth Vassiliewna Zouboff,
1742 — 1813

109

Графъ Александръ Николаевичъ Зубовъ,
1727 — 1793

Le Comte Alexandre Nicolaewitch Zouboff,
1727 — 1793

110

Графъ Дмитрій Александровичъ Зубовъ,
1764 — 1836

Le Cte Dmitri Alexandrowitch Zouboff,
1764 — 1836

111

Гр. Прасковья Александровна Зубова,
1772 — 1835

La Comtesse Prascovie Alexandrowna Zouboff,
1772 — 1835

Графъ ВАЛЕРІАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЗУБОВЪ, 1771—1804, младшій братъ фаворита, родился 28 Ноября 1771 г. и началъ службу въ Конной гвардіи, гдѣ 17-и лѣтъ произведенъ въ корнеты. Послѣ возвышенія Платона Зубова онъ, превосходя брата красотой, обратилъ на себя особенное вниманіе Государыни, и изъ опасенія, что онъ сдѣлается соперникомъ брата, его отправили въ армію къ Потемкину. Присланный курьеромъ съ извѣстіемъ о взятіи Бендеръ, Зубовъ былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ и получилъ Георгія 4-й ст.; возвратясь въ армію, отличился при штурмѣ Измаила; въ 1792 г. произведенъ въ генералъ-майоры; въ 1793 г., возведенный со всей фамиліей въ графское достоинство, получилъ орденъ св. Александра Невскаго; въ 1794 г. участвовалъ въ войнѣ съ Польшей, гдѣ, по свидѣтельству современника, „всюду оставлялъ слѣды своего безразсудства и жестокости“. Во время преслѣдованія одного польскаго отряда лишился ноги, оторванной ядромъ. За Польскій походъ получилъ орденъ св. Георгія 3-й ст. и чинъ генералъ-поручика и въ томъ же 1794 г.—св. Андрея Первозваннаго. Въ 1796 г. назначенъ главнокомандующимъ войсками, посланными противъ Персіи, для приведенія въ исполненіе проекта князя Платона Зубова, мечтавшаго о завоеваніи всей западной Азіи до Индіи, и передъ отъѣздомъ въ армію пожалованъ въ генералъ-адъютанты. Были взяты Дербентъ и Баку, однако, война шла не такъ успѣшно, какъ ожидали въ Петербургѣ, тѣмъ не менѣе 25-лѣтній главнокомандующій получилъ Георгія 2-й ст. и чинъ генералъ-аншефа. Павелъ I прекратилъ войну, и Зубовъ долженъ былъ удалиться въ пожалованныя ему Екатериной II курляндскія имѣнія, которыя въ 1799 г. были взяты въ казну, въ виду недочета суммъ по Персидскому походу. Эти имѣнія были потомъ ему возвращены, и въ 1800 г. онъ назначенъ директоромъ 2-го Кадетскаго корпуса въ Петербургѣ; при Александрѣ I пожалованъ въ члены Государственнаго Совѣта.

Зубовъ былъ женатъ на полькѣ, гр. Маріи Федоровнѣ Потоцкой, рожденной княжнѣ Любомирской; дѣтей не имѣлъ. Умеръ, всего 33 лѣтъ, 21 Іюня 1804 г. и погребенъ въ Сергіевой пустыни, близъ Петербурга, подъ церковью, построенной его братьями въ основанномъ ими здѣсь инвалидномъ домѣ.

Современники не сходятся въ оцѣнкѣ нравственныхъ качествъ гр. В. А. Зубова. Одни говорятъ, что его внутреннія свойства не соотвѣтствовали его красивой внѣшности. Человѣкъ далеко не умный, но менѣе ограниченный, чѣмъ его знаменитый братъ, Зубовъ, легкомысленный, развратный и расточительный, былъ злопамятенъ и жестокъ. Другіе, напримѣръ Державинъ, напротивъ, отзываются съ большой похвалой о его храбрости, благородствѣ и честности.

(Съ миніатюры работы Грасси; собраніе Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le comte VALÉRIEN ALEXANDROWITCH ZOUBOFF, 1771—1804, frère cadet du favori, naquit le 28 novembre 1771 et commença sa carrière à la Garde à cheval, où il fut, à l'âge de 17 ans, promu cornette. Plus bel homme encore que son frère Platon, il attira, lors de l'entrée en faveur de celui-ci, l'attention particulière de l'Impératrice, et, pour l'empêcher de devenir le rival de son frère, on l'envoya à l'armée de Potemkine. Lorsqu'il revint en courrier avec la nouvelle de la prise de Bender, il fut nommé aide de camp de Sa Majesté et décoré de St-Georges de 4e classe; de retour à l'armée, il se distingua à l'assaut d'Izmaïl, en 1792, fut promu général-major, en 1793, élevé avec toute sa famille à la dignité de comte et décoré de St-Alexandre Newsky. En 1794, il fit la campagne de Pologne et, au témoignage d'un contemporain, „laissa partout des traces de son incohérence et de sa cruauté"; dans la poursuite d'un détachement polonais, il eut une jambe emportée par un boulet: la campagne lui valut l'ordre de St-Georges de 3e classe, le grade de général-lieutenant, et, la même année, le cordon de St-André. En 1796, il fut mis à la tête des troupes envoyées contre la Perse en exécution du projet de conquête, élaboré par Platon Zouboff, de toute l'Asie occidentale jusqu'aux Indes; à son départ, il fut nommé général aide de camp. Derbent et Bakou furent pris, mais la campagne ne fut pas aussi heureuse qu'on l'avait espéré à Pétersbourg; cependant le jeune chef d'armée de 25 ans reçut l'ordre de St-Georges de 2e classe et le grade de général en chef. Paul Ier cessa la guerre, et Zouboff dut se retirer dans les terres que Catherine II lui avait données en Courlande, et qui furent, en 1799, reprises par l'Etat pour couvrir le déficit constaté dans les comptes de la campagne de Perse. Ces terres lui furent pourtant restituées dans la suite, et, en 1800, il fut fait directeur du 2e Corps des Cadets de Pétersbourg. Sous Alexandre Ier, il devint membre du Conseil de l'Empire.

Zouboff avait épousé une polonaise, la comtesse Marie Féodorowna Potocki, née princesse Lubomirsky. Il mourut sans enfants, le 21 juin 1804, à l'âge de 33 ans seulement, et fut inhumé au monastère de St-Serge, près Pétersbourg, dans la crypte de l'église élevée par ses frères pour la maison d'invalides qu'ils y avaient fondée.

Les contemporains ne sont pas d'accord dans leur appréciation du comte V. Zouboff. Les uns disent que son moral répondait mal à son extérieur avantageux: insignifiant comme intelligence, mais moins borné que son fameux frère, frivole, débauché et prodigue, il aurait eu un caractère vindicatif et cruel. Les autres, Derjavine par exemple, font au contraire grand éloge de sa bravoure et de la noblesse et de l'honorabilité de ses sentiments.

(D'après la miniature de Grassi, collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Свѣтлѣйшій князь ПЛАТОНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЗУБОВЪ, 1767—1822, послѣдній фаворитъ Екатерины II, родился 15 Ноября 1767 г.; службу началъ въ Конной гвардіи, гдѣ въ 1784 г. произведенъ въ корнеты. Своей скромностью и почтительностью молодой человѣкъ понравился гр. П. И. Салтыкову. Когда лѣтомъ 1789 г. ставленникъ Потемкина, Мамоновъ, былъ удаленъ отъ двора, Салтыковъ, вмѣстѣ съ другими врагами свѣтлѣйшаго, обратилъ вниманіе Государыни на бывшаго въ карауле Зубова; черезъ нѣсколько дней, 4 Іюня, онъ произведенъ въ полковники и назначенъ флигель-адъютантомъ. Послѣ этого, милости быстро посыпались одна за другой: въ томъ же году онъ назначенъ корнетомъ Кавалергардскаго корпуса въ чинѣ генералъ-майора; въ слѣдующемъ—получилъ Александровскую ленту; въ 1791 г. назначенъ шефомъ кавалергардовъ; въ 1792 г. произведенъ въ генералъ-поручики и пожалованъ въ генералъ-адъютанты, въ 1793 г. возведенъ въ графское достоинство, получилъ Андреевскую звѣзду и назначенъ Екатеринославскимъ и Таврическимъ генералъ-губернаторомъ и генералъ-фельдцейхмейстеромъ, и въ 1796 г. возведенъ въ княжеское Свящ. Римской имперіи достоинство. Послѣ смерти Потемкина никто уже не могъ обуздывать его безпредѣльнаго властолюбія; его вліяніе распространялось на всѣ дѣла, благодаря безграничной любви и довѣрію старѣющей Императрицы, которая съ первыхъ дней его возвышенія дѣлала неудачныя попытки пріучить его къ дѣламъ, хотя въ душѣ сознавала, что онъ совсѣмъ не имѣлъ качествъ государственнаго человѣка. Онъ не могъ понять ни одной политической комбинаціи, постоянно витался въ области политическихъ утопій, и только его исключительно высокое положеніе могло придать этому жалкому политическому вздору названіе „проектовъ“. Зубова выручала иногда память, и онъ чужія мысли выдавалъ за свои. Онъ пресмыкался и унижался, пока его положеніе не окрѣпло, сдѣлавшись же всемогущимъ, сталъ дерзкимъ, надменнымъ и спѣсивымъ; не уважая заслугъ людей, ко всѣмъ относился съ одинаковымъ презрѣніемъ. Неожиданная смерть Императрицы разбивала въ прахъ его положеніе; наканунѣ еще гордый и недоступный, теперь онъ былъ ничтоженъ и жалокъ. Павелъ первое время относился къ нему благосклонно; забывши личныя обиды и наглость фаворита матери, назначилъ его инспекторомъ артиллеріи; затѣмъ Зубовъ, уволенный отъ всѣхъ должностей, сначала путешествовалъ за границей, потомъ жилъ въ имѣніяхъ, пока, въ концѣ 1800 г., не былъ назначенъ шефомъ 1-го Кадетскаго корпуса, а въ Мартѣ 1801 г. отплатилъ сыну своей благодѣтельницы черной неблагодарностью. При Александрѣ I былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и, уловивъ теченіе, подалъ проектъ объ освобожденіи крестьянъ, будучи самъ далеко не мягкимъ помѣщикомъ. Живя почти постоянно въ Янишкахъ, Шавельскаго уѣзда, центрѣ своихъ литовскихъ владѣній, онъ завелъ здѣсь правильное хозяйство; въ это время скупость сдѣлалась его преобладающей страстью: онъ всѣми способами старался увеличить свои доходы. Проживъ всю жизнь холостымъ, 54-хъ лѣтъ женился по любви на молоденькой бѣдной полькѣ, Ѳеклѣ Игнатьевнѣ Валентиновичъ (во 2-мъ бракѣ за гр. А. П. Шуваловымъ), и черезъ годъ, 7 Апрѣля 1822 г., умеръ. Похороненъ въ Троице-Сергіевой пустыни, въ родовой усыпальницѣ.

(Съ миніатюры работы Шамиссо; собраніе Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le prince sérénissime PLATON ALEXANDROWITCH ZOUBOFF, 1767—1822, le dernier favori de Catherine II, naquit le 15 novembre 1767; il commença sa carrière à la Garde à cheval, où il fut, en 1784, promu cornette. La modestie et la déférence du jeune homme lui concilièrent la faveur du comte N. Saltykoff: lorsqu'à l'été de 1789, le protégé de Potemkine, Mamonoff, fut éloigné de la Cour, Saltykoff, avec quelques ennemis du prince sérénissime, appela l'attention de l'Impératrice sur Zouboff, qui était alors de la garde d'honneur; quelques jours après, le 4 juin, il était promu colonel et aide de camp de Sa Majesté. Ce fut dès lors une succession ininterrompue de faveurs: il fut nommé la même année cornette au corps des Chevaliers-Gardes avec rang de général-major; l'année suivante, il reçut le cordon de St-Alexandre; en 1791, il fut fait chef des Chevaliers-Gardes; en 1792, promu général-lieutenant en fonction de général aide de camp; en 1793, élevé à la dignité de comte, gratifié de l'étoile de St-André et nommé général-gouverneur d'Ekatérinoslav et de Tauride et grand-maître de l'artillerie; enfin, en 1796, élevé à la dignité de prince du Saint Empire Romain. Potemkine mort, rien ne fut plus capable de contenir son ambition démesurée: son influence envahit tout, grâce à l'amour et à la confiance sans bornes de l'Impératrice vieillissante. Elle avait fait, dès les premiers jours de son entrée en faveur, des tentatives infructueuses pour le mettre au courant des affaires, tout en convenant au fond qu'il n'avait absolument rien de l'étoffe d'un homme d'état: planant toujours dans le domaine des utopies, il ne put jamais rien entendre à une combinaison politique, et, si ses lamentables élucubrations portèrent le nom de „projets", ce n'est qu'à sa situation exceptionnelle qu'elles le durent. Zouboff s'en tirait souvent avec de la mémoire, en donnant comme originales des idées prises ailleurs. Il s'était fait plat et rampant tant qu'il ne se sentait pas dans une assiette solide: une fois arrivé, il devint insolent, arrogant et hautain, ne tenant aucun compte des services rendus et traitant tout le monde avec le même dédain. La mort de l'Impératrice mit inopinément sa situation à néant; autant il avait été fier et inaccessible, autant il était affaissé et piteux. Paul commença par lui témoigner sa bienveillance, oubliant les injures personnelles et l'insolence du favori de sa mère pour le nommer inspecteur de l'artillerie. Dans la suite, Zouboff, dépouillé de toutes ses fonctions, voyagea d'abord à l'étranger, puis se retira dans ses terres, jusqu'au jour où, à la fin de 1800, il fut mis à la tête du 1er Corps des Cadets: en mars 1801, il paya le fils de sa bienfaitrice de la plus noire ingratitude. Sous Alexandre Ier, il fut nommé membre du Conseil de l'Empire; là, il suivit le courant en déposant un projet d'affranchissement des serfs, tout en n'étant, lui, guère tendre pour les siens. Il était presque constamment à Yanichki, centre de ses domaines de Lithuanie, où il faisait valoir dans les règles; à ce moment, l'avarice était devenue sa passion dominante: il employait tous ses efforts à accroître ses revenus. Après être resté célibataire toute sa vie, il fit à l'âge de 54 ans un mariage d'amour avec une jeune polonaise sans fortune, Thècle Ignatiewna Valentinowitch (mariée en secondes noces au comte A. Chouvaloff), et mourut un an après, le 7 avril 1822. Il fut inhumé au monastère de St-Serge, dans la sépulture de famille.

(D'après une miniature de Chamissaud, collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графиня МАРІЯ ФЕДОРОВНА ЗУБОВА, 1775—1810, дочь генералъ-поручика князя Каспара Федоровича Любомирскаго, въ молодыхъ годахъ вышла замужъ за графа Прота Потоцкаго, по смерти котораго сдѣлалась женой гр. Валеріана Александровича Зубова, красавца, окруженнаго къ тому же ореоломъ героя, которому ядро ея соотечественниковъ оторвало ногу. Отъ этого брака у нея былъ сынъ Платонъ, умершій въ дѣтствѣ. Графъ Зубовъ умеръ въ 1804 г., и она, въ 30 лѣтъ, снова овдовѣла. Въ 3-й разъ она была замужемъ за генералъ-адъютантомъ, шефомъ Кавалергардскаго полка Федоромъ Петровичемъ Уваровымъ, весьма близкимъ человѣкомъ къ Императору Александру Павловичу; третьему мужу, который ее пережилъ, она оставила большое состояніе, полученное ею отъ отца и перваго мужа, а именно обширныя имѣнія въ Волынской губерніи. Умерла 15 Марта 1810 г. и погребена въ Троице-Сергіевой пустыни, близъ Петербурга, въ родовой усыпальницѣ Зубовыхъ.

Ф. П. Уваровъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи 1824 г. помѣстилъ такой пунктъ: „Портреты покойной моей супруги оставляю: писанный Тончи—графинѣ Калиновской, а писанный madame Le-Brun—княгинѣ Елисаветѣ Адамовнѣ Гагариной". Гдѣ находятся эти портреты въ настоящее время—намъ неизвѣстно.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

114

La comtesse MARIE FEODOROWNA ZOUBOFF, 1775—1810, fille du général-lieutenant prince Gaspard Féodorowitch Lubomirsky, fut mariée toute jeune au comte Prote Potocki; devenue veuve, elle épousa le comte Valérien Zouboff, avec sa belle prestance et son auréole de héros pour avoir eu la jambe emportée par un boulet polonais. Elle eut de ce mariage un fils Platon, qui mourut en bas âge. Le comte Zouboff étant mort, en 1804, elle se retrouva veuve à 30 ans. Elle épousa en troisièmes noces le général aide de camp Théodore Ouvaroff, chef du régiment des Chevaliers-Gardes et un des plus proches de l'Empereur Alexandre, et lui laissa en mourant la grosse fortune qu'elle avait reçue de son père et de son premier mari, ses immenses propriétés de Volhynie. Elle mourut le 15 mars 1810, et fut inhumée au monastère St-Serge, près Pétersbourg, dans la sépulture de famille des Zouboff.

Le testament de Th. Ouvaroff, rédigé en 1824, porte l'instruction suivante: „Je lègue un portrait de ma femme, par Tonci, à la comtesse Kalinowsky, et un autre, par Vigée-Lebrun, à la princesse Elisabeth Gagarine". Où sont passés ces deux portraits, on n'en sait rien.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch, à St-Pétersbourg.)

115

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА ЖЕРЕБЦОВА, 1766—1849, дочь А. И. Зубова (позднѣе графа) и его жены Елизаветы Васильевны, рожденной Вороновой, сестра князя П. А. Зубова, была замужемъ за камергеромъ Александромъ Александровичемъ Жеребцовымъ. Она была умнѣе своего ничтожнаго брата, фаворита, не отличалась строгостью нравственныхъ правилъ и унаслѣдовала отъ отца его чрезмѣрное корыстолюбіе. Въ молодости была красавицей, замѣчательно хорошо умѣла говорить, была знакома съ Вольтеромъ и пользовалась большимъ успѣхомъ во Франціи. Считалась близкой особой Демидова и англійскаго посла при дворѣ Павла I Уитворта, въ молодости нравилась самому Великому Князю Павлу Петровичу. Извѣстности въ исторіи обязана прикосновенностью къ событію 11 Марта 1801 г.: у ней собирались заговорщики, ей были переданы деньги, которыя она присвоила; незадолго до 11 Марта уѣхала въ Берлинъ и Лондонъ, гдѣ вступила въ связь съ королемъ Георгомъ III. Послѣдніе годы жизни провела въ Петербургѣ и умерла 1 Марта 1849 года.

У ней было 2 сына и 2 дочери, изъ которыхъ Елизавета была замужемъ за генералъ-адъютантомъ И. М. Бороздинымъ и бросила его, не безъ вліянія матери, для гр. Ипре; кромѣ того, у Жеребцовой былъ сынъ Егоръ Егоровичъ Пордъ, происхожденіе котораго не вполнѣ установлено: сама она выдавала его за сына Георга. Внучка Жеребцовой, также Ольга Александровна Жеребцова, была замужемъ за княземъ Алексѣемъ Федоровичемъ Орловымъ.

(Съ миніатюры изъ собранія князя В. С. Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго, С.-Петербургъ.)

115

OLGA ALEXANDROWNA JÉREBTZOFF, 1766—1849, fille de A. Zouboff (par la suite comte) et d'Elisabeth Vassiliewna, née Voronoff, était sœur du prince P. Zouboff, le dernier favori de Catherine II, et femme du chambellan A. Jérebtzoff. Elle était supérieure à son insignifiant frère, mais ne se distinguait pas par la rigueur de ses principes et avait hérité du caractère excessivement intéressé de son père. Dans sa jeunesse, elle était une beauté, avait à un degré remarquable le don de la parole, fut liée avec Voltaire et jouit d'un grand succès en France. Elle passait pour être en relations étroites avec P. Démidoff et avec l'ambassadeur d'Angleterre près la Cour de Paul Ier, Withworth; dans sa jeunesse, elle avait plu au Grand-Duc Paul Pétrowitch lui-même. Sa place dans l'histoire tient à la part qu'elle prit à l'événement du 11 mars 1801: c'est chez elle que se réunirent les conjurés, c'est à elle que fut remis l'argent, qu'elle s'appropria; peu avant le 11 mars, elle partit pour Berlin et pour Londres, où elle eut une liaison avec le roi Georges III. Les dernières années de sa vie, elle habita Pétersbourg, où elle mourut le 1er mars 1849.

Elle eut deux fils et deux filles, dont une, Elisabeth, fut mariée au général-adjudant N. Borozdine et l'abandonna, non sans quelque influence de la part de sa mère, pour suivre le comte Piré; Olga Jérebtzoff avait encore un fils, Egor Egorowitch Nord, dont la paternité n'est pas bien établie: elle-même le donnait comme étant du roi Georges. Une petite-fille de Mme Jérebtzoff, qui s'appelait comme elle Olga Alexandrowna Jérebtzoff, a épousé le prince Alexis Féodorowitch Orloff.

(D'après une miniature de la collection du prince V. Obolensky-Nélédinsky-Méletzky, à St-Pétersbourg.)

112

Пис. Грасси — Peint par Grassi

Графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ,
1771 — 1804

Le Comte Valérien Alexandrowitch Zouboff,
1771 — 1804

113

Пис. Шамиссо — Peint par Chamisso

Свѣтл. князь Платонъ Александровичъ Зубовъ,
1767 — 1822

Le Prince Platon Alexandrowitch Zouboff,
1767 — 1822

114

Графиня Марія Федоровна Зубова,
1773 — 1810

La Comtesse Marie Fédorowna Zouboff,
1773 — 1810

115

Ольга Александровна Жеребцова,
1766 — 1849

Olga Alexandrowna Jérebtzoff,
1766 — 1849

Графъ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЗУБОВЪ, 1763—1805, старшій братъ фаворита, князя Платона Зубова, родился 24 Апрѣля 1763 года. Службу началъ въ Конной гвардіи и 1 Января 1786 г. произведенъ въ поручики. Возвышеніе его совпало съ началомъ фаворитизма его брата; въ половинѣ 1789 г. назначенъ въ южную армію, откуда 25 Сентября 1789 г. Николай Зубовъ посланъ былъ изъ дѣйствовавшей противъ турокъ арміи курьеромъ ко двору съ извѣстіемъ о побѣдѣ Суворова при Рымникѣ и пожалованъ въ полковники, а вскорѣ за тѣмъ и въ генералъ-маіоры. Зубова не влекла къ себѣ военная служба, и въ концѣ царствованія Екатерины онъ былъ назначенъ шталмейстеромъ. Благодаря вліянію Екатерины, отецъ братьевъ Зубовыхъ возведенъ былъ, 7 Февраля 1793 г., въ графское Священной Римской имперіи достоинство, а 29 Апрѣля 1795 г. графъ Зубовъ вступилъ въ супружество съ графиней Натальей Александровной Суворовой-Рымникской. Супружество это было не изъ счастливыхъ: Зубовъ, отличавшійся, по отзывамъ современниковъ, грубостью нрава и наклонностью къ пьянству, не дорожилъ любовью кроткой своей жены, и, когда знаменитый тесть его вналъ въ немилость, вступилъ съ нимъ въ денежныя пререканія. Послѣ апоплексическаго удара, постигшаго Императрицу Екатерину 5 Ноября 1796 г., графъ Николай Зубовъ посланъ былъ въ Гатчину братомъ своимъ, фаворитомъ, извѣстить объ этомъ наслѣдника престола. По кончинѣ Императрицы, новый государь, въ знакъ своего благоволенія, пожаловалъ Зубову знаки ордена Андрея Первозваннаго и назначилъ его президентомъ Коюшенной конторы. Недолго, впрочемъ, пользовался онъ милостями Императора Павла: уже 28 Сентября былъ отставленъ отъ службы и поселился въ Москвѣ. Блескъ итальянскихъ побѣдъ Суворова возвратилъ зятю благоволеніе Государя, онъ былъ назначенъ шефомъ Гусарскаго полка, но это не погасило въ сердцѣ Зубова чувства обиды: онъ былъ однимъ изъ главныхъ орудій въ заговорѣ графа Палена, приведшемъ къ катастрофѣ 11 Марта 1801 г. Черезъ четыре дня послѣ этого графъ Зубовъ пожалованъ былъ въ оберъ-шталмейстеры, но уже въ 1803 г. долженъ былъ оставить придворную службу, возбудивъ гнѣвъ Императора Александра грубымъ самоуправствомъ съ ямщиками. Графъ Николай Зубовъ умеръ въ Москвѣ, 9 Августа 1805 г., и погребенъ въ Сергіевой пустыни.

У графа Н. А. Зубова было 3 сына—Александръ, Платонъ и Валеріанъ, и 3 дочери—Вѣра (за Мезенцевымъ), Любовь (за Леонтьевымъ) и Ольга (за Талызинымъ).

(Съ портрета, принадлежащаго Л. А. Талызиной, с. Денежниково, Московск. губ.)

Le comte NICOLAS ALEXANDROWITCH ZOUBOFF, 1763—1805, frère aîné du favori Platon Zouboff, naquit le 24 avril 1763. Il prit d'abord du service à la Garde à cheval, et, le 1er janvier 1786, fut promu lieutenant. Sa fortune coïncida avec l'entrée en faveur de son frère; vers le milieu de 1789, il alla à l'armée du midi, d'où il fut envoyé porter à la Cour la nouvelle de la victoire de Souvoroff sur le Rymnik; il fut alors fait colonel, et peu après, général-major. Zouboff n'avait pas la vocation militaire, et, à la fin du règne de Catherine, il fut nommé écuyer. Grâce à l'influence de Catherine, le père des Zouboff fut élevé, le 7 février 1793, à la dignité de comte du Saint Empire Romain, et, le 29 avril 1795, le comte Nicolas épousa la comtesse Natalie Alexandrowna Souvoroff-Rymniksky. Le mariage ne fut pas des plus heureux: Zouboff, qui se distinguait, au témoignage des contemporains, par son caractère grossier et son penchant pour l'ivrognerie, était insensible à l'amour et à la douceur de sa femme, et, quand survint la disgrâce de son célèbre beau-père, il lui chercha querelle pour des questions d'intérêt. Lorsque l'Impératrice Catherine eut son attaque d'apoplexie, le 5 novembre 1796, le comte Nicolas Zouboff fut envoyé à Gatchina par son frère, le favori, porter la nouvelle à l'héritier présomptif. A la mort de l'Impératrice, le nouveau souverain lui accorda, en témoignage de sa faveur, les insignes de l'ordre de St-André et le fit président du bureau des Ecuries. Du reste, cette faveur de Paul ne fut pas de longue durée: dès le 28 septembre, il était destitué et se retirait à Moscou. L'éclat des victoires de Souvoroff en Italie le remit cependant bien en cour, et il fut placé à la tête d'un régiment de hussards; mais rien n'effaça dans le cœur de Zouboff le sentiment de l'offense passée, et il fut un des principaux instruments du complot du comte Pahlen et de la catastrophe du 11 mars 1801. Quatre jours après, il était fait grand-écuyer, mais, dès 1803, il dut quitter la Cour pour s'être brutalement livré à des voies de fait sur des postillons et avoir ainsi encouru le courroux de l'Empereur... Le comte Nicolas Zouboff mourut à Moscou, le 9 août 1805, et fut inhumé au monastère St-Serge.

Il avait eu trois fils, Alexandre, Platon et Valérien, et trois filles, Véra (Mme Mézentzeff), Liouboff (Mme Léontieff) et Olga (Mme Talyzine).

(D'après un original appartenant à Mlle L. Talyzine, à Dénejnikowo, gouv. de Moscou.)

Графиня НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЗУБОВА, 1775—1844, дочь великаго Суворова отъ брака его съ княжной Варварой Ивановной Прозоровской, прозванная отцомъ „Суворочкой", родилась 1 Августа 1775 года. Разладъ между родителями привелъ къ тому, что дочь недолго оставалась въ родной семьѣ: по ходатайству Суворова, Императрица Екатерина II въ 1779 г. повелѣла отдать пятилѣтнюю Наташу на воспитаніе г-жѣ Делафонъ, начальницѣ Смольнаго монастыря. Подъ ея наблюденіемъ, въ теченіе 12 лѣтъ, „Суворочка", наравнѣ со смолянками, проходила обычный въ то время курсъ свѣтскаго воспитанія и, не отличаясь особыми способностями, успѣла мало-по-малу пріобрѣсти себѣ репутацію „доброй, добродѣтельной маленькой особы". При постоянно скитальческой жизни Суворова Наташа рѣдко видѣла ласки отца, но старикъ любилъ свою „Суворочку", которую въ письмахъ называлъ еще „сестрицей", какъ и всѣхъ ея подругъ „монастырокъ". Сохранился рядъ писемъ полководца къ его дочери, въ которыхъ при всей ихъ шутливой формѣ, при лихорадочной торопливости, звучитъ нѣжное и глубокое чувство. 5 Марта 1791 г. Императрица Екатерина пожаловала 16-лѣтнюю графиню Суворову-Рымникскую, во вниманіе къ заслугамъ отца ея, во фрейлины и тогда же помѣстила ее у себя въ „уборной". Но она не долго оставалась во дворцѣ; по пріѣздѣ въ Петербургъ, Суворовъ помѣстилъ дочь у племянника своего, Хвостова; Императрица, хотя и недовольная этимъ, въ 1792 г. пожаловала ей свой вензель. Слава Суворова побудила многихъ молодыхъ людей свататься за Наталью Александровну, въ судьбѣ которой принимала участіе сама Государыня. Предпочтеніе, и другими, и самой „Суворочкой", вопреки желанію отца, отдано было графу Николаю Александровичу Зубову, брату фаворита, и бракъ съ нимъ заключенъ былъ 29 Апрѣля 1795 г. Графиня Наталья Александровна была кроткой, любящей женой, но мужъ не доставилъ ей счастья: онъ по натурѣ своей былъ грубъ, склоненъ къ пьянству и, къ крайнему огорченію жены, не ладилъ съ тестемъ. Когда въ 1797 г. родился старшій сынъ у Зубовыхъ, названный Александромъ въ честь обоихъ дѣдовъ, Суворовъ писалъ дочери: „Вы меня потѣшили тѣмъ... Наташа, привези графа Александра Николаевича ко мнѣ въ гости, а онъ пусть о томъ попроситъ своего батюшку, твоего мущину". 2 Октября 1798 г., по просьбѣ Суворова, Императоръ Павелъ утвердилъ его духовное завѣщаніе, которымъ все благопріобрѣтенное имѣніе, брильянты и деньги отецъ отдавалъ любимой дочери. Смерть отца 6 Мая 1800 г. и участіе мужа въ заговорѣ графа Палена довершили чашу испытаній молодой графини: она удалилась на постоянное жительство въ Москву и нѣкоторое время жила даже врозь съ мужемъ. Графъ Н. А. Зубовъ умеръ 9 Августа 1805 г., и „Суворочка" предалась воспитанію оставшихся у нея на рукахъ трехъ сыновей и трехъ дочерей. Въ 1831 г. Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ ей орденъ св. Екатерины меньшаго креста.

Графиня Н. А. Зубова умерла почти 70 лѣтъ, 30 Марта 1844 г., въ Москвѣ, и погребена въ Зубовской усыпальницѣ въ Сергіевой пустыни, близъ Петербурга.

(Съ портрета, принадлежащаго Л. А. Талызиной; с. Денежниково, Московск. губ.)

La comtesse NATALIE ALEXANDROWNA ZOUBOFF, 1775—1844, fille du grand Souvoroff et de la princesse Varvara Ivanowna Prozorowsky, naquit le 1er août 1775; elle reçut de son père le sobriquet de „Souvorotchka". La mésintelligence de ses parents fit qu'elle ne resta pas longtemps à la maison paternelle: sur la demande de Souvoroff, l'Impératrice Catherine la fit remettre, à l'âge de 5 ans, aux soins de Mme Delafon, supérieure du couvent de Smolna. Sous sa direction, „Souvorotchka" parcourut durant douze années, au même titre que les autres élèves de Smolna, le cycle ordinaire de l'éducation mondaine du temps; sans se distinguer par des aptitudes particulières, elle acquit peu à peu la réputation „d'une bonne et vertueuse petite personne". Avec la vie continuellement errante de Souvoroff, elle ne connut guère les caresses de son vieux père, qui aimait pourtant bien sa „Souvorotchka", et l'appelait encore dans ses lettres „ma petite amie", elle et ses compagnes. On a du grand capitaine toute une série de lettres à sa fille, qui, bien qu'écrites sous une forme plaisante et avec une précipitation fiévreuse, sont pénétrées d'un sentiment tendre et profond. Le 3 mars 1791, la comtesse Souvoroff-Rymniksky, âgée de 16 ans, fut, en reconnaissance des services de son père, faite demoiselle d'honneur par l'Impératrice Catherine, qui la prit tout de suite avec elle dans son palais. Mais elle n'y resta pas longtemps: à son arrivée à Pétersbourg, Souvoroff la mit chez son neveu Khvostoff; l'Impératrice n'en fut pas contente, mais lui remit pourtant son chiffre, en 1792. La gloire de Souvoroff fit rechercher à beaucoup de jeunes gens la main de la jeune comtesse, à la destinée de laquelle s'intéressait l'Impératrice en personne. La préférence fut accordée, par „Souvorotchka" et par tout le monde, sauf son père, au comte Nicolas Alexandrowitch Zouboff, le frère du favori, et le mariage eut lieu le 29 avril 1795. La comtesse fut une femme aimante et douce, mais son mari ne la rendit pas heureuse: d'une nature grossière, il était porté à l'ivrognerie, et, au grand désespoir de sa femme, ne s'entendait pas avec son beau-père. A la naissance, en 1797, de leur fils aîné, qui reçut en l'honneur de ses deux grands-pères le nom d'Alexandre, Souvoroff écrivait à sa fille: „C'est une consolation pour moi..... Amène le comte Alexandre Nicolaewitch me faire une visite; fais-lui demander la permission à son papa, ton homme". Le 2 octobre 1798, sur la demande de Souvoroff, l'Empereur Paul lui confirma le testament par lequel il léguait à sa chère fille ses biens de famille, ses bijoux et son argent. La mort de son père, le 6 mai 1800, et la part que prit son mari au complot du comte Pahlen mirent le comble aux épreuves de la jeune comtesse: elle fixa sa résidence à Moscou et resta même quelque temps séparée de son mari. Le comte Nicolas Zouboff mourut le 9 août 1805, et „Souvorotchka" se consacra tout entière à l'éducation de ses trois fils et de ses trois filles. En 1831, l'Empereur Nicolas lui conféra l'ordre de Ste-Catherine.

La comtesse Zouboff mourut, à près de 70 ans, le 30 mars 1844, à Moscou, et fut inhumée au monastère St-Serge, près Pétersbourg, dans la sépulture des Zouboff.

(D'après un original appartenant à Mlle L. Talyzine, à Dénejnikowo, gouv. de Moscou.)

116

Графъ Николай Александровичъ Зубовъ,
1763 — 1805

Le Comte Nicolas Alexandrowitch Zouboff,
1763 — 1805

117

Графиня Наталья Александровна Зубова,
1775 — 1844

La Comtesse Natalie Alexandrowna Zouboff,
1775 — 1844

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Графъ ИВАНЪ ПАВЛОВИЧЪ КУТАЙСОВЪ, 1759—1834, извѣстный любимецъ и „брадобрей“ Императора Павла, потомъ графъ, выросъ при дворѣ Великаго Князя. Маленькій турченокъ, взятый въ плѣнъ при штурмѣ Бендеръ, сумѣлъ заслужить и навсегда сохранить привязанность Павла. Научившись въ Парижѣ и Берлинѣ парикмахерскому искусству, онъ исполнялъ у Великаго Князя обязанности камердинера; изучивъ характеръ Павла, ловкій и способный, онъ умѣлъ примѣняться къ своеобразнымъ его проявленіямъ, благодаря чему не только избѣгалъ продолжительнаго охлажденія, но скоро сдѣлался необходимъ Великому Князю, и самъ пріобрѣлъ на него вліяніе. По вступленіи Павла I на престолъ, Кутайсовъ сдѣланъ былъ гардеробмейстеромъ, съ чиномъ V класса, затѣмъ 6 Декабря 1798 г. пожалованъ въ егермейстеры и украшенъ звѣздой Анны 1-й ст., въ теченіе 1799 г. пожалованъ въ бароны (22 Февраля), въ графы (5 Мая) и получилъ Александра Невскаго; 1 Января 1800 г. пожалованъ въ оберъ-шталмейстеры, а 19 Декабря получилъ орд. св. Андрея и сдѣланъ Мальтійскимъ рыцаремъ ордена большого креста. Этимъ успѣхамъ служебной карьеры и потоку почетныхъ наградъ соотвѣтствовали щедрыя пожалованія землями и крестьянами, такъ что онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ богатыхъ людей въ Россіи; но корыстолюбіе его не знало границъ: по словамъ Державина, онъ употреблялъ всякія уловки и интриги, чтобы пріобрѣсти по дешевой цѣнѣ Шкловъ у Зорича, а гр. Орловъ-Чесменскій жаловался Воронцову, что къ нему стали „придираться“, когда онъ не согласился продать свой конскій заводъ въ с. Островѣ, около Москвы, „торговавшему его у него турецкой крови, французскаго воспитанія, ографствованному Государемъ“.

Кутайсовъ былъ однимъ изъ самыхъ ненавистныхъ всѣмъ фаворитовъ. Значеніе его было велико, но у него не было никакихъ убѣжденій, и широкіе государственные интересы ему были чужды; склонность къ интригамъ, корыстолюбіе, страхъ за свое положеніе руководили имъ. Въ концѣ своей блестящей карьеры Кутайсовъ оставался тѣмъ же, чѣмъ былъ при ея началѣ; вліяніе его было пагубно для его благодѣтеля, но интригуя противъ Императрицы, удаляя Нелидову, онъ плохо понималъ, что ускоряетъ свое собственное паденіе. 16 Марта 1801 г. Кутайсовъ былъ уволенъ отъ службы, сначала путешествовалъ за границей, а затѣмъ доживалъ свой вѣкъ въ Москвѣ, съ большимъ успѣхомъ занимаясь сельскимъ хозяйствомъ. Умеръ 9 Января 1834 года.

Отъ брака съ Анной Петровной Рѣзвой († 1848 г.) имѣлъ двоихъ сыновей—Павла (членъ Государственнаго Совѣта, р. 1782, † 1840) и Александра (убитаго при Бородинѣ на 29-мъ году жизни) и двухъ дочерей—Марію (за гр. В. Ф. Васильевымъ) и Надежду (за кн. А. Ф. Голицынымъ).

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

Le comte IVAN PAVLOWITCH KOUTAÏSSOFF, 1759—1834, connu comme favori et „barbier“ de l'Empereur Paul, devenu dans la suite comte, grandit à la Cour du Grand-Duc. D'origine turque, fait prisonnier étant petit à l'assaut de Bender, il sut se concilier, et pour toujours, l'attachement de Paul. Il alla apprendre à Paris et à Berlin l'art de la coiffure, et vint remplir près du Grand-Duc les fonctions de valet de chambre; adroit et intelligent, il étudia son caractère et sut s'adapter à ses idées un peu particulières: non seulement il prévint ainsi tout refroidissement, mais encore il ne tarda pas à se rendre indispensable au Grand-Duc, et finit même par acquérir de l'influence sur lui. A l'avènement de Paul Ier, Koutaïssoff devint maître de la garde-robe, avec rang de fonctionnaire de la 5e classe, puis, le 6 décembre 1798, fut fait veneur et décoré de Ste-Anne de 1re classe, en 1799, élevé à la dignité de baron (22 février), de comte (5 mai), et décoré d'Alexandre Newsky; grand-écuyer le 1er janvier 1800, il fut, le 19 décembre, décoré de St-André et fait chevalier de l'Ordre de Malte. Cet avancement rapide et ce flux de récompenses honorifiques furent accompagnés de généreuses gratifications en terres et en têtes de paysans, de sorte qu'il se trouva à la tête d'une des plus grosses fortunes de la Russie. Mais son avidité ne connaissait pas de bornes: au témoignage de Derjavine, il eut recours à toute espèce d'expédients et d'intrigues pour acheter à vil prix Chkloff à Zoritch, et le comte Orloff-Tchesmensky se plaignit à Vorontzoff des „tracasseries“ auxquelles il était en butte pour n'avoir pas voulu vendre son haras d'Ostroff, aux environs de Moscou, „à un acheteur turc de race, français d'éducation, et comtifié par l'Empereur“.

Koutaïssoff fut un des favoris les plus généralement détestés. Son importance était grande, mais il n'avait aucune conviction et n'entendait rien aux grandes questions de gouvernement: son penchant pour l'intrigue, son avidité, le souci de sa situation personnelle, tels étaient ses seuls guides. Sur la fin de sa brillante carrière, Koutaïssoff fut le même qu'au commencement; son influence fut pernicieuse pour son bienfaiteur, mais en intriguant contre l'Impératrice, en travaillant à la disgrâce de Nélidoff, il ne s'apercevait guère qu'il contribuait à hâter sa propre chute. Le 16 mars 1801, il fut mis à la retraite, voyagea d'abord à l'étranger, puis passa à Moscou le reste de ses jours, s'occupant avec grand succès d'exploitation rurale. Il mourut le 9 janvier 1834.

Il avait épousé Anna Pétrowna Rezvy († 1848), dont il eut deux fils, Paul, né en 1782, mort en 1840, membre du Conseil de l'Empire, et Alexandre, tué à Borodino à l'âge de 29 ans, et deux filles, Marie, qui épousa le comte V. Vassilieff, et Nadejda, le prince A. Golitzyne.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ALEXANDRE LVOWITCH NARYCHKINE, 1760—1826, fils du grand-écuyer Léon Alexandrowitch Narychkine et de Marie Ossipowna, née Zakrewsky, naquit le 14 avril 1760; il reçut son éducation dans sa famille, puis voyagea longtemps à l'étranger. Avec un père aussi intime de l'Impératrice, qui l'honorait de sa faveur, l'avait incessamment près d'elle, et appréciait sa conversation spirituelle, sa gaîté animée et communicative qui dissipait la tristesse et ramenait la bonne humeur, Narychkine pouvait faire une carrière brillante et prétendre à une position marquante: mais il tenait de son père, en même temps qu'une grosse fortune, un esprit piquant, plus brillant que profond, de l'humour, un talent pour faire des calembours et tourner des répliques et des observations mordantes; au témoignage d'un contemporain, „les pointes lui échappaient d'elles-mêmes, sans effort de sa part"; il ne fut jamais autre chose qu'un courtisan. Au régiment Izmaïlowsky, il arriva au rang de capitaine-lieutenant de la Garde, puis, en 1778, fut fait gentilhomme de la chambre et ensuite chambellan actuel. L'Empereur Paul, qui l'aimait aussi beaucoup, le fit grand-maréchal de la Cour, chevalier de Ste-Anne de 1e classe, d'Alexandre Newsky, de St-André et grand-croix de l'Ordre de Malte. Alexandre Ier, qui l'appelait son cousin, le fit grand-chambellan, puis, en 1818, chancelier des Ordres russes et titulaire de l'étoile de St-André en diamants. Tout ce que fit Narychkine comme service, ce fut, en qualité de membre honoraire de l'Académie des Beaux-Arts, d'être chargé de la direction des théâtres, où il succéda au prince N. Youssoupoff, et où il resta plusieurs années. Le but de sa vie était le plaisir sous toutes ses formes, et il s'abandonnait complètement à son goût pour les divertissements. Cet amour du plaisir était uni à une extrême prodigalité. Malgré sa richesse, il était constamment sans argent et criblé de dettes. Il s'empressa même de porter au mont-de-piété ses insignes de St-André en diamants et dit ensuite à l'Empereur: „J'ai invité mes diamants à venir avec moi, mais ils m'ont répondu qu'ils étaient déjà engagés". Il passait son temps à s'amuser et à donner des fêtes brillantes, tout en étant parfois fort ennuyé quand ses créanciers se mettaient à ses trousses. „Qu'est-ce qu'elle t'a coûté, ta fête d'hier"? lui demandait un jour l'Empereur.—„50 roubles, Sire, ...de papier timbré". Les calembours qu'on lui attribue rempliraient tout un volume; sa conversation était bourrée de jeux de mots: il faisait de l'esprit même à des moments où on n'avait guère envie de rire, comme à l'incendie du Grand Théâtre, en 1811. Tout en exerçant son esprit à son propre compte, il ne négligeait pas non plus les autres, et ses observations sur les gens et leurs côtés faibles portaient juste et étaient parfois méchantes; mais lui-même était d'une extrême bonté, sans la moindre méchanceté, et aimé de tout le monde.

Narychkine épousa Marie Alexéewna Séniavine (née le 9 mars 1762, † 30 décembre 1822), dont il eut deux fils, Léon et Cyrille, et deux filles, Marie et Hélène, qui épousa Souvoroff.

Il mourut d'hydropisie le 21 janvier 1826, et dit, assure-t-on, à son lit de mort: „C'est la première dette que je paie.....à la nature". Il fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, à l'église du Saint-Esprit, près de sa femme.

(D'après une miniature (tabatière) de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

АЛЕКСАНДРЪ ЛЬВОВИЧЪ НАРЫШКИНЪ, 1760—1826, сынъ оберъ-шталмейстера Льва Александровича отъ брака съ Маріной Осиповной Закревской, родился 14 Апрѣля 1760 г.; по окончаніи домашняго воспитанія долго путешествовалъ за границей. Нарышкину, сыну человѣка столь близкаго и любимаго Екатериной, вѣчнаго спутника и остроумнаго собесѣдника Императрицы, весельчака и забавника, умѣвшаго разгонять ея грусть и дурное настроеніе, могла предстоять блестящая служебная карьера и видная дѣятельность, но сынъ наслѣдовалъ отъ отца, вмѣстѣ съ крупнымъ состояніемъ, его колкій, болѣе блестящій, чѣмъ глубокій умъ, его остроуміе, прирожденную способность къ каламбурамъ и мѣткимъ отвѣтамъ и замѣчаніямъ о людяхъ, при чемъ по отзыву современника, „острыя слова сами вырывались изъ устъ его, безъ напряженія ума“; и Нарышкинъ навсегда остался только царедворцемъ. Въ Измайловскомъ полку онъ дослужился до чина капитанъ-поручика гвардіи, когда, въ 1778 г., пожалованъ камеръ-юнкеромъ, а затѣмъ дѣйствительнымъ камергеромъ. Императоръ Павелъ, также очень любившій Нарышкина, пожаловалъ его въ оберъ-гофмаршалы и орденами св. Анны 1-й ст., Александра Невскаго, Андрея Первозваннаго и Мальтійскимъ большимъ крестомъ; Александръ I, называвшій Нарышкина кузеномъ, сдѣлалъ его оберъ-камергеромъ и въ 1818 г. канцлеромъ россійскихъ орденовъ, съ пожалованіемъ брильянтовъ къ Андреевской звѣздѣ. Вся служебная дѣятельность Нарышкина, состоявшаго почетнымъ членомъ Академіи Художествъ, заключалась въ управленіи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ театрами послѣ кн. Н. Б. Юсупова. Цѣлью его жизни было удовольствіе во всѣхъ видахъ, и онъ вполнѣ слѣдовалъ своему влеченію къ развлеченіямъ. Эта любовь къ удовольствіямъ соединялась съ крайней расточительностью. Несмотря на свое богатство, онъ вѣчно былъ безъ денегъ и обремененъ долгами. Даже брильянтовые знаки ордена св. Андрея онъ поспѣшилъ заложить въ ломбардѣ, говоря потомъ Государю: „J'ai invité mes diamants à venir avec moi, mais ils m'ont répondu qu'ils étaient déjà engagés“. Нарышкинъ постоянно веселился и давалъ блестящіе праздники, хотя иногда былъ невеселъ отъ притѣсненія кредиторовъ. „Что стоило тебѣ вчерашнее угощеніе“, спросилъ разъ Государь.—„50 рублей“, отвѣтилъ Нарышкинъ—„на гербовую бумагу“. Каламбуры, приписываемые Нарышкину, могли бы составить цѣлый сборникъ острословія, рѣчь его изобиловала игрой словъ; онъ острилъ даже тогда, когда другимъ было не до смѣха, какъ, напр., во время пожара Большого театра въ 1811 г. Изощрялся въ остроуміи надъ самимъ собой, Нарышкинъ не оставлялъ въ покоѣ и другихъ, и его замѣчанія о людяхъ и ихъ слабостяхъ были мѣтки и временами злы, но самъ онъ былъ чрезвычайно добрый и незлобивый человѣкъ, пользовавшійся общимъ расположеніемъ.

Нарышкинъ былъ женатъ на Маріи Алексѣевнѣ Сенявиной (р. 9 Марта 1762 г., † 30 Декабря 1822 г.) и имѣлъ двоихъ сыновей, Льва и Кирилла, и двухъ дочерей, Марію и Елену (Суворова).

Умеръ отъ водянки 21 Января 1826 г. и на смертномъ одрѣ, какъ увѣряютъ, сказалъ: „C'est la première dette, que je paie à la nature“. Погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ, въ церкви Св. Духа, рядомъ съ женой.

(Съ миніатюры (табакерка) изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le prince PIERRE IVANOWITCH BAGRATION, 1765—1812, naquit à Kisliar au Caucase et descendait d'une ancienne famille géorgienne. Il entra au service en 1782 comme sergent dans les mousquetaires à pied du Caucase, où il fit tous les grades inférieurs, et passa en 1792 major aux cuirassiers de Kieff. De 1783 à 1790, Bagration prit part à une série d'affaires contre les montagnards et les Turcs, et le prince Potemkine le remarqua à la prise d'Otchakoff. Depuis ce temps, le prince Bagration devint le compagnon inséparable de l'immortel Souvoroff, qui le considérait comme son favori et son meilleur élève. Les campagnes de Pologne et surtout d'Italie immortalisèrent son nom. Le 13 février 1798, il fut promu colonel, nommé chef du 6e régiment de chasseurs, qui porta plus tard son nom, et, le 4 février 1799, général-major. Les batailles de la Trébie et de Novi, le passage du St-Gothard l'illustrèrent encore: il y fit des prodiges de valeur presque toujours à l'avant-garde de Souvoroff. Voici comment ce dernier s'exprima sur son compte dans son rapport à l'Empereur Paul: „Je dois surtout rappeler à la bienveillance particulière de Votre Majesté le prince Bagration, qui est un admirable général et digne des plus hautes récompenses". A son retour, le prince Bagration fut nommé chef du bataillon des chasseurs de la Garde, qu'il réorganisa et dont il fit un régiment. Après Austerlitz, en 1805, ce fut lui qui fut chargé de couvrir la retraite, et il s'en acquitta brillamment. En 1807, Preussisch-Eylau, Gutstadt, Heilsberg, Friedland sont également inséparables de son nom. Dans l'expédition de Finlande de 1808—1809, il était à la tête d'une division de marche, et y déploya largement ses talents d'administrateur et d'homme de guerre; à la fin de 1809, il reçut le commandement de l'armée du Danube. En 1812, Bagration commandait la 2e armée, et, mortellement blessé à Borodino, il mourut quelques jours après, le 12 septembre. Il fut inhumé au village de Sima, gouvernement de Vladimir, dans l'enceinte de l'église. Il avait presque toutes les hautes décorations russes, Ste-Anne de 1re classe et la croix de commandeur de St-Jean-de-Jérusalem pour la campagne d'Italie, St-Georges de 2e classe pour 1805, Alexandre Newsky et une épée d'or enrichie de diamants pour 1807, St-Vladimir de 1re classe pour l'expédition de Finlande, St-André pour la campagne de Turquie en 1809, ainsi que beaucoup de décorations étrangères. Comme un de nos meilleurs généraux de la grande époque d'Alexandre Ier, le prince Bagration restera un des plus beaux ornements de la gloire des armes russes.

Il était marié avec la comtesse Catherine Pavlowna Skavronsky, demoiselle d'honneur de Catherine II; à la mort de son mari, elle épousa Lord Howden et se retira à l'étranger. Elle était renommée pour sa beauté, et mourut à Paris le 21 mai 1857.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Князь ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ БАГРАТІОНЪ, 1765—1812, родился въ Кизлярѣ, происходилъ изъ древней грузинской княжеской фамиліи. Въ 1782 г. поступилъ сержантомъ въ Кавказскій мушкатерскій полкъ, получивъ здѣсь низшіе чины, а въ 1792 г. произведенъ въ секундъ-маіоры, съ переводомъ въ Кіевскій кирасирскій полкъ. Съ 1783 г. по 1790 г. Багратіонъ участвовалъ въ разныхъ дѣлахъ противъ горцевъ и турокъ и былъ отличенъ княземъ Потемкинымъ при штурмѣ Очакова. Съ этого времени князь Петръ Ивановичъ является однимъ изъ постоянныхъ спутниковъ безсмертнаго Суворова, который считалъ его своимъ любимцемъ и лучшимъ ученикомъ. Польская кампанія, а особенно Итальянская, обезсмертили навсегда имя князя Багратіона. 13 Февраля 1798 г. онъ былъ произведенъ въ полковники и назначенъ шефомъ 6-го егерскаго полка, который впослѣдствіи носилъ его имя, а въ слѣдующемъ году—въ генералъ-маіоры, 4 Февраля 1799 г. Сраженія при Требіи и Нови, переходъ черезъ Сенъ-Готардъ—всѣ эти дѣла прославили имя князя Багратіона; тамъ онъ проявилъ чудеса храбрости, будучи почти всегда въ авангардѣ арміи Суворова. Вотъ какъ Суворовъ отзывался о князѣ Багратіонѣ Императору Павлу: „Князя Багратіона, яко отличнѣйшаго генерала и достойнаго высшихъ степеней, наиболѣе доли имѣю повергнуть въ Высочайшемъ благоволеніи“. По возвращеніи изъ похода князь Багратіонъ былъ назначенъ шефомъ Лейбъ-Гвардіи егерскаго баталіона, переформированнаго имъ же въ полкъ. Кампанія 1805 г. ознаменовалась дѣлами при Голлабрунѣ и Аустерлицѣ. На долю Багратіона выпало прикрывать наши арміи послѣ пораженія, что онъ блистательно исполнилъ. Въ 1807 году, дѣла при Прейсишъ-Эйлау, Гутштадтѣ, Гейльсбергѣ, Фридландѣ, соединены съ именемъ князя Багратіона. Въ Финляндскую кампанію 1808 и 1809 гг. онъ командовалъ сводной дивизіей и выказалъ вполнѣ свои административныя и военныя дарованія; въ концѣ 1809 г. онъ получилъ начальство надъ Дунайской арміей. Въ 1812 году Багратіону была ввѣрена 2-я западная армія. Смертельно раненый при Бородинѣ, онъ скончался 12 Сентября того же года. Князь погребенъ въ селѣ Симѣ, въ церковной оградѣ (Владимірской губ., Александровскаго уѣзда). Князь Петръ Ивановичъ имѣлъ почти всѣ высшія русскія отличія: орденъ св. Анны 1-й ст. и командорскій крестъ Іоанна Іерусалимскаго за Итальянскую кампанію, Георгія 2-й ст. за 1805 г., Александра Невскаго и золотую шпагу съ алмазными украшеніями за 1807 г., св. Владиміра 1-й ст. за Финляндскую кампанію, за дѣйствія противъ турокъ въ 1809 г. св. Андрея Первозваннаго и много иностранныхъ орденовъ. Будучи однимъ изъ лучшихъ нашихъ генераловъ Александровской эпохи, князь Багратіонъ останется вѣчнымъ украшеніемъ военной славы русскаго оружія.

Князь Багратіонъ былъ женатъ на графинѣ Екатеринѣ Павловнѣ Скавронской, фрейлинѣ Императрицы Екатерины II; послѣ кончины мужа она вышла замужъ за лорда Гоудена, жила за границей, была извѣстна своей красотой. Умерла 21 Мая 1857 года, въ Парижѣ.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича).

Графъ ПЕТРЪ КОРНИЛОВИЧЪ СУХТЕЛЕНЪ (Ванъ-Сухтеленъ), 1751—1836, родился въ Голландіи, въ городѣ Граве, слушалъ лекціи въ Грёнингенскомъ университетѣ по математическому факультету, который окончилъ въ 1767 г., и поступилъ въ военную службу инженеромъ. Въ чинѣ подполковника, въ качествѣ выдающагося инженернаго офицера, былъ приглашенъ въ Россію (по предложенію гр. Моркова) и въ 1783 г. принятъ съ тѣмъ же чиномъ въ инженерный корпусъ. Въ слѣдующемъ году, по порученію Императрицы Екатерины II, составилъ проектъ о соединеніи Каспійскаго моря съ Бѣлымъ посредствомъ канала между Камой и Двиною. Въ эпоху Шведской войны 1787—1789 г., въ качествѣ начальника инженернаго штаба, а затѣмъ командуя отдѣльнымъ корпусомъ, совершилъ рядъ военныхъ подвиговъ, за которые награжденъ Георгіемъ 4-й ст. и чиномъ генералъ-майора. Въ царствованіе Павла I былъ начальникомъ инженеровъ въ Кіевской крѣпости и въ 1794 г. произведенъ въ инженеръ-генералы. По вступленіи на престолъ Александра I былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ и инспекторомъ Инженернаго Департамента, а въ кампанію 1805 г. состоялъ при Государѣ. Въ 1808 г. участвовалъ въ Шведскомъ походѣ, а въ 1809 г. получилъ дипломатическую миссію къ Шведскому двору, при которомъ и состоялъ въ эпоху Отечественной войны. Здѣсь Сухтеленъ выказалъ недюжинныя дипломатическія способности, успѣшно содѣйствуя сближенію Россіи съ Швеціей, сближенію, имѣвшему столь рѣшительное вліяніе на исходъ войны. Въ воздаяніе его заслугъ Императоръ Александръ 6 Сентября 1812 г. возвелъ его въ баронское достоинство, а 21 Января 1822 г.—въ графское Великаго Княжества Финляндскаго. Въ 1826 г. Николай I пожаловалъ его Андреевскимъ кавалеромъ.

Сухтеленъ оставилъ по себѣ память, какъ о выдающемся дѣятелѣ, которому инженерное дѣло въ Россіи обязано многимъ; онъ создалъ извѣстную въ свое время „Сухтеленовскую систему“ защиты крѣпостей и составилъ подробную „столистную карту Россійской Имперіи“.

Какъ человѣкъ и ученый, П. К. Сухтеленъ являлъ собою рѣдкій примѣръ громадной эрудиціи на ряду съ необыкновенной скромностью и терпимостью, отличающей истиннаго ученаго. Вигель даетъ о немъ слѣдующій отзывъ: „Этотъ человѣкъ ужасалъ своимъ знаніемъ, но такъ былъ скроменъ, что не только „пугать, но даже удивлять имъ никого не думалъ. Всевѣдущій человѣкъ, онъ въ обществѣ невѣждъ былъ „ласковъ и учтивъ, не давая подозрѣвать о своемъ знаніи. Всѣ математическія науки, всѣ отрасли литера„туры, философія, богословіе—равно были ему знакомы; въ художествѣ былъ онъ вѣрный и искусный судія“. Въ послѣдніе годы жизни Сухтеленъ помѣщался въ Михайловскомъ замкѣ, гдѣ ему была отведена квартира. Здѣсь, въ бывшемъ тронномъ залѣ Императора Павла, находился его кабинетъ и библіотека, представлявшая обширное собраніе рѣдчайшихъ книгъ и рукописей, коллекцію монетъ, медалей и картъ.

Графъ Сухтеленъ скончался 18 Января 1836 г.; онъ имѣлъ двухъ сыновей, генералъ-адъютанта гр. Павла, котораго пережилъ на 3 года, и шталмейстера гр. Константина.

(Съ миніатюры Босси 1802 г.; собраніе Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le comte PIERRE KORNILOWITCH SOUKHTELEN (van Soukhtelen), 1751—1836, naquit à Grave, en Hollande, fit ses études à l'université de Groningue, où il passa les examens de sortie de la faculté mathématique en 1767, puis entra au service militaire comme ingénieur. Il était lieutenant-colonel, lorsqu'en raison de ses talents d'ingénieur militaire, on le fit venir en Russie, sur la proposition du comte Morkoff, et il entra avec le même grade au Corps des Ingénieurs. L'année suivante, il fut chargé par l'Impératrice Catherine II d'élaborer un projet de canal entre la Kama et la Dvina pour unir la mer Caspienne à la mer Blanche. Pendant la guerre de Suède de 1787—1789, il accomplit, d'abord comme chef de l'état-major du génie, puis à la tête d'un corps de troupes, une série d'exploits sur le champ de bataille, qui lui valurent la croix de St-Georges de 4e classe et le grade de général-major. Sous Paul Ier, il fut mis à la tête du génie de la forteresse de Kieff, et, en 1794, promu général du génie. A l'avènement d'Alexandre Ier, il fut nommé quartier-maître général et inspecteur du département du génie et fit la campagne de 1805 aux côtés de l'Empereur. En 1808, il prit part à l'expédition de Suède et, en 1809, fut chargé d'une mission diplomatique à la cour de Suède, où il resta pendant la Guerre Patriotique. Il y fit preuve d'un rare talent de diplomate, et travailla avec succès au rapprochement de la Russie avec la Suède, rapprochement qui exerça une influence décisive sur l'issue de la guerre. En récompense de ses services, l'Empereur Alexandre l'éleva, le 6 septembre 1812, à la dignité de baron, et, le 21 janvier 1822, à celle de comte du Grand-Duché de Finlande. En 1826, Nicolas Ier le fit chevalier de St-André.

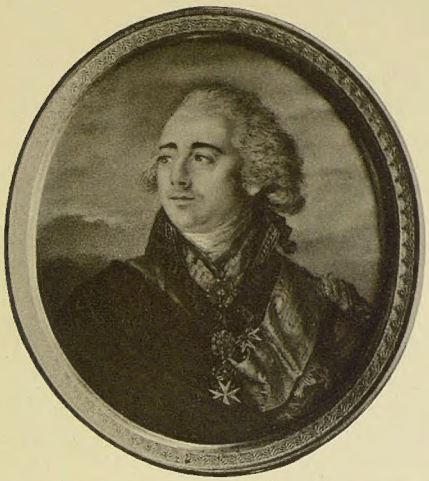
Soukhtelen laissa la réputation d'un technicien distingué, et l'art de l'ingénieur en Russie lui est beaucoup redevable; il fut l'auteur du „Système Soukhtelen", célèbre à l'époque, et dressa la carte détaillée connue sous le nom de „Carte en cent feuilles de l'Empire de Russie".

Comme homme et comme savant, Soukhtelen était un exemple peu commun d'une immense érudition jointe à la modestie et à la tolérance qui caractérisent le vrai savant, et qu'il possédait au suprême degré. Wiegel fait de lui le portrait suivant: „Cet homme était d'un savoir terrible, mais si modeste, qu'il ne songeait non seulement à en effrayer, mais même à en étonner personne. Connaissant tout, il était dans la société comme un ignorant, plein d'amabilité et de déférence, et ne laissant rien percer de son érudition. Toutes les mathématiques, toutes les branches de la littérature, la philosophie, la théologie, tout lui était également familier; en matière d'art, il possédait un goût sûr et délicat". Dans les dernières années de sa vie, Soukhtelen habita le palais Michel, où il avait un appartement à lui: l'ancienne salle du trône de l'Empereur Paul Ier était occupée par son cabinet et sa bibliothèque, qui renfermait une immense collection de livres et de manuscrits d'une grande rareté, de monnaies, de médailles et de cartes.

Le comte Soukhtelen mourut le 18 janvier 1836; il avait eu deux fils, le comte Paul, général aide de camp, qui était mort trois ans avant lui, et le comte Constantin, écuyer.

(D'après la miniature de Bossi (1802); collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

118



Графъ Иванъ Павловичъ *Le Comte Ivan Pavlowitch*
Кутайсовъ, *Koutaisoff,*
1759 — 1834 *1759 — 1834*

119

Александръ Львовичъ *Alexandre Lvowitch*
Нарышкинъ, *Narychkine,*
1760 — 1826 *1760 — 1826*

120

Князь Петръ Ивановичъ *Le Prince Pierre Ivanowitch*
Багратіонъ, *Bagration,*
1765 — 1812 *1765 — 1812*

121

Пис. Босси, 1802 — Peint par Bossi, 1802

Графъ Петръ Корниловичъ *Le Comte Pierre Kornilowitch*
Сухтеленъ, *Soukhtelen,*
1751 — 1836 *1751 — 1836*

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES PORTRAITS

2007088116